Б 2007

30/5
923

9297
Д-53
4020

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

9/II-16
14/X-79
5/XII 85 (в)
21.11.06-3767
16/V 87
18/V 87 г.
27/4-02
7 1/10
3.10.4-944
18.11.04
944

Владимирск. губернская
№ 22828
Центральная библиотека.

ВЛАДИМИРСКАЯ
Областная Библиотека
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

30/5
923

9(47)
Д-28.

ДЕКАБРИСТЫ

ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Владимирск. губернская
Центральная библиотека.
29828.
9.23
Д-53

Очеркъ по оффиціальнымъ документамъ.

БИБЛИОТЕКА
ВЛАДИМИРСКАЯ
Областная Библиотека
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
Б 2007 00

СОСТАВИЛЪ

А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ.

Владимирская гор. центральная библиотека
1461.1

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, Страстной бульваръ.
1895.

30/
92

Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйствительнаго Члена **В. Е. Якушкина.**

Владимирская Областная
Библиотека
ОТДЕЛ ХРАНЕНИЯ

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

ВЛАД. МИРСКАЯ
Областная Библиотека
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
№

БИБЛИОТЕКА
ВЛАДИМИРСКОГО ГУБЕР. СОЮЗА
ПОТРЕБИТ. ОБЩЕСТВ

ГЛАВА I.

Ссылка декабристовъ въ Сибирь. — Высочайше утвержденныя правила о порядкѣ надзора за водворенными на поселеніе государственными преступниками и о способахъ вспомоществованія преступникамъ на мѣстахъ поселенія. — Первые поселенцы въ Западной Сибири изъ числа декабристовъ. — Распредѣленіе ихъ по сѣвернымъ мѣстностямъ Тобольской и Томской губерній. — Бѣдственное ихъ положеніе. — Вспомоществованіе декабристамъ отъ казны солдатскимъ пайкомъ и крестьянскою одеждою. — Выдача отъ казны неимущимъ государственнымъ преступникамъ денежнаго пособія. — Надѣленіе государственныхъ преступниковъ землею. — Правила объ отлучкахъ государственныхъ преступниковъ съ мѣстъ ихъ водворенія. — Льготы въ платежѣ податей. — Установленіе полицейскаго надзора за декабристами въ мѣстахъ ихъ водворенія. — Произволъ сибирской администраціи. — Запрещеніе государственнымъ преступникамъ снимать съ себя портреты посредствомъ дагеротипа. — Надзоръ администраціи за корреспонденціею государственныхъ преступниковъ. — Вѣдомости о государственныхъ преступникахъ съ аттестаціями о ихъ поведеніи. — Распоряженіе графа Орлова о сообщеніи судебныхъ приговоровъ о государственныхъ преступникахъ, водворенныхъ на поселеніе, на разсмотрѣніе III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. — Права женъ государственныхъ преступниковъ, послѣдовавшихъ въ Сибирь за своими мужьями. — Возвращеніе въ Россію вдовъ государственныхъ преступниковъ. — Надзоръ полиціи за вдовами государственныхъ преступниковъ, оставшимися въ Сибири. — Свѣдѣнія о декабристахъ бывшихъ въ предѣлахъ Западной Сибири въ періодъ тридцати-лѣтія, съ 1826 по 1856 годъ. — Могилы декабристовъ въ Западной Сибири. — Память о декабристахъ въ Сибири.

13 іюля 1826 года послѣдовалъ манифестъ о совершеніи приговора надъ государственными преступниками, сужденными Верховнымъ уголовнымъ судомъ.

„Приговоры суда, на силѣ законовъ основанные, какъ объявлялось въ манифестѣ, смягчивъ сколько долгъ правосудія и государственная безопасность дозволяли, обращены Нами къ надлежащему исполненію, и изданы во всеобщее свѣдѣніе“.

„Такимъ образомъ, дѣло, которое Мы всегда считали дѣломъ всей Россіи, окончено; преступники воспріяли достойную имъ казнь; Отечество очищено отъ слѣдствій заразы, столько лѣтъ среди его таившейся".

По объявленіи приговоровъ сдѣланы были распоряженія объ отправленія государственныхъ преступниковъ въ мѣста назначенныя для ихъ ссылки.

25 іюня 1826 года военный министръ Татищевъ увѣдомилъ генерала-губернатора Западной Сибири П. М. Капцевича, что начальникъ штаба Его Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ Дибичъ объявилъ ему Высочайшее повелѣніе Государя Императора о томъ, чтобы преступники, осужденные Верховнымъ уголовнымъ судомъ и ссылаемые въ Сибирь, были отправляемы съ нарочными фельдъегерями и жандармами на подводахъ къ гражданскимъ губернаторамъ тѣхъ губерній, въ которыя они ссылаются и съ тѣмъ чтобы отправленіе преступниковъ отъ губернскаго города до мѣста ихъ назначенія, было производимо установленнымъ порядкомъ, соблюденіе котораго возлагается на отвѣтственность губернаторовъ, равно какъ и учрежденіе строжайшаго надзора за преступниками, о поведеніи которыхъ ежемѣсячно губернаторы должны доносить въ собственныя руки Его Императорскаго Величества черезъ главный штабъ.

Въ то же время управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предписалъ всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ губерній, лежащихъ по тракту отъ С.-Петербурга до Иркутска, распорядиться заготовленіемъ надлежащаго числа лошадей для безостановочнаго прослѣдованія по тракту, отравляемыхъ изъ С.-Петербурга, съ 21-го числа іюня, преступниковъ осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ.

Порядокъ прослѣдованія, въ районъ Тобольской губерніи по главному Сибирскому тракту, государственныхъ преступниковъ, отправленныхъ въ Сибирь въ 1826 году, по сохранившимся документамъ, которые удостовѣрены бывшимъ въ то время (съ 1285 по 1828 г.) Тобольскимъ губернаторомъ Д. Н. Бантышемъ Каменскимъ, былъ слѣдующій:

Прослѣдовали черезъ Ялуторовскъ:

8 го августа 1826 г., подъ надзоромъ фельдъегеря Садомова, отъ С.-Петербурга до Иркутска.

Муравьевъ Артамонъ Захаровичъ безъ желѣзъ.

Якубовичъ, Давыдовъ, Оболенскій } скованные.

9-го августа.

Подъ надзоромъ фельдъегеря Куста отъ С.-Петербурга до Иркутска.

Трубецкой
Волконскій
Борисовъ 1-й
Борисовъ 2-й
} скованные.

10-го августа.

Подъ надзоромъ фельдъегеря Козьмина, отъ С.-Петербурга до крѣпостей Омской и Усть-Каменогорской.

Коновницынъ.
Фокъ.
Цебриковъ.

10-го августа.

Подъ надзоромъ фельдъегеря Генриха отъ С.-Петербурга до Якутска.

Шаховской.
Заикинъ.

11-го августа.

Подъ надзоромъ фельдъегеря Ефимова отъ С.-Петербурга до Якутска.

Чижовъ.
Веденяпинъ 1-й.

11-го августа.

Подъ надзоромъ фельдъегеря Якунина, отъ С.-Петербурга до Якутска, неизвѣстные два молодые человѣка, не объявленные фельдъегеремъ.

12-го августа.

Подъ надзоромъ фельдъегеря Григорьева отъ С.-Петербурга до Красноярска.

Акуловъ.
Пущинъ.

15-го августа.

Прибыли въ Тобольскъ подъ надзоромъ фельдъегеря Тихонова.

Голицынъ.
Шахиревъ.

Оставивъ Шахирева въ Тобольскѣ, въ распоряженіи губернатора, Тихоновъ выѣхалъ съ Голицынымъ далѣе по тракту въ Иркутскъ.

17-го августа.

Прослѣдовали черезъ Ялуторовскъ подъ надзоромъ фельдъегеря Бѣляева отъ С.-Петербурга до Якутска.

Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й.

Назимовъ.

22-го августа.

Прибыли въ Тобольскъ подъ надзоромъ поручика фельдъегерьскаго корпуса Солонина и сданы въ распоряженіе губернатора.

Враницкій.

Фохтъ.

Мозгалевскій.

28-го августа.

Прослѣдовалъ чрезъ Ялуторовскъ подъ надзоромъ фельдъегеря Махотина, до Якутска

Александръ Николаевичъ Муравьевъ.

За прекращеніемъ препровожденія государственныхъ преступниковъ въ концѣ августа 1826 года, сдѣлано было распоряженіе о роспускѣ лошадей, заготовленныхъ по Сибирскому тракту для безостановочнаго движенія партій.

Прибывшіе 10-го августа 1826 г. въ Омскъ графъ Коновницынъ, 1-й гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ, Цебриковъ, поручикъ лейбъ-гвардіи Финдляндскаго полка, и Фокъ, подпоручикъ лейбъ-гвардіи Измаиловскаго полка, вскорѣ выбыли изъ Сибири. Лишенные на основаніи указа отъ 10 іюля 1826 г., даннаго Верховному уголовному суду, чиновъ и дворянства и записанные въ солдаты западно-Сибирскихъ гарнизоновъ, Коновницынъ, Цебриковъ и Фокъ, въ силу всемилостивѣйшаго указа отъ 22 августа 1826 г., даннаго начальнику главнаго штаба, по поводу смягченія наказанія государственнымъ преступникамъ, сосланнымъ въ крѣпостную работу и дальніе гарнизоны, опредѣлены были въ полевые полки Кавказскаго корпуса до отличной выслуги.

Съ начала 1827 года возобновилось отправленіе государственнымъ преступникомъ въ Сибирь. 17-го января дежурный генералъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ Потаповъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири П. М. Капцевича, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизво-

лилъ государственныхъ преступниковъ, не отправленныхъ еще въ Сибирь, въ каторжную работу, 70 человѣкъ и на поселеніе одного, отправить въ Сибирь слѣдующимъ порядкомъ: 1) Изъ мѣста нынѣшняго ихъ содержанія препровождать ихъ до Тобольска, въ недѣлю, по 2 партіи, въ каждой по 4 преступника при одномъ фельдъегерѣ и 4-хъ жандармахъ. 2) Въ Тобольскѣ каждый фельдъегерь, доставившій партію, долженъ сдать оную тамошнему губернатору и съ двумя жандармами возвратиться въ С.-Петербургъ, а двухъ оставить тамъ въ вѣдѣніи тамошняго губернатора для сопровожденія оттуда преступниковъ въ мѣста ихъ назначенія.

3) Преступники изъ Тобольска должны быть отправлены подъ надзоромъ оставшихся жандармовъ и особо отряженныхъ чиновниковъ по распоряженію совѣта главнаго управленія Западной Сибири,—слѣдующіе въ каторжную работу въ Иркутскъ къ тамошнему губернатору, а слѣдующіе на поселеніе въ назначенныя мѣста прямо, но не пѣшими, а на подводахъ, по распоряженію мѣстнаго начальства.

Для безостановочнаго препровожденія партій генералъ губернаторомъ П. М. Капцевичемъ поручено было Тобольскому губернатору Д. Н. Бантышу-Каменскому сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы по тракту отъ Тобольска до Иркутска, по всѣмъ этапамъ, было заготовлено отъ 3-хъ до 4-хъ одноконныхъ подводъ, безъ платежа прогоновъ. 3-го февраля, подъ надзоромъ фельдъегеря Генриха и 4-хъ жандармовъ прибыла въ Тобольскъ первая партія, состоявшая изъ Завалишина, двухъ братьевъ Крюковыхъ и Свистунова, которая въ тотъ же день отправлена была подъ надзоромъ квартальнаго надзирателя г. Тобольска, Орла, и двухъ жандармовъ въ распоряженіе Иркутскаго губернатора на одноконныхъ обывательскихъ подводахъ безъ платежа прогоновъ. При этомъ преступникамъ, по распоряженію Д. Н. Бантыша-Каменскаго, отпущено было на кормовое довольствіе по 50 коп. ассигнац. въ сутки каждому, по расчету времени пути слѣдованія отъ Тобольска до Иркутска.

При прослѣдованіи слѣдующихъ партій, Тобольскою губернскою администраціею предоставлены были государственнымъ преступникамъ многія льготы въ порядкѣ ихъ отправленія.

Партіи отправлялись не на одноконныхъ подводахъ, а на земскихъ тройкахъ безъ платежа прогоновъ, остановки для ночлега партій дѣлались не на этапахъ, при которыхъ, по распоряженію генерала-губернатора Капцевича, должны были ожидать государственныхъ преступниковъ подводы, а на земскихъ станціяхъ.

Предоставлено было также государственнымъ преступникамъ

право проѣзда отъ Тобольска до Иркутска въ собственныхъ повозкахъ, для избѣжанія длиннаго тяжелаго пути на перекладныхъ.

Вскорѣ по отправкѣ въ Сибирь первыхъ партій государственныхъ преступниковъ, въ составѣ которыхъ оказались лица, осужденныя верховнымъ уголовнымъ судомъ къ ссылкѣ на поселеніе, преподаны были къ исполненію Высочайше утвержденныя правила о порядкѣ надзора за водворенными на поселеніе государственными преступниками, а также и о способахъ вспомоществованія имъ на мѣстахъ поселенія.

Правила эти, сообщенныя генералу губернатору Западной Сибири П. М. Капцевичу начальникомъ штаба Его Императорскаго Величества генераломъ-адъютантомъ Дибичемъ 26 сентября 1826 года, заключали въ себѣ нижеслѣдующую Высочайшую волю:

1) Дабы изъ числа сихъ преступниковъ тѣ, кои имѣютъ богатыхъ родственниковъ, не могли получать отъ нихъ большихъ денежныхъ суммъ, то для огражденія въ семъ случаѣ, наблюдать, что каждый изъ ссыльныхъ можетъ получать отъ родственниковъ на первое обзаведеніе не болѣе какъ до двухъ тысячъ руб., ассигнаціями, а потомъ на содержаніе ежегодно не болѣе, какъ до тысяча руб., ассигнаціями, но и сіи суммы доставлять имъ не иначе какъ черезъ гражданскихъ губернаторовъ, кои должны выдавать имъ оную помѣсячно, или какъ за удобное признаютъ.

2) Если же между сосланными на поселеніе преступниками есть не имѣющіе достаточныхъ родственниковъ и не могущіе получать отъ нихъ никакого вспомоществованія, таковымъ давать отъ казны солдатскій паёкъ и крестьянскую зимнюю и лѣтнюю одежду, по распоряженію мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ.

3) Сосланные въ Сибирь на поселеніе преступники и жены при нихъ находящіяся могутъ посылать отъ себя письма къ кому пожелаютъ, но всѣ ихъ письма имѣютъ быть оставляемы въ почтовыхъ конторахъ и доставляемы отъ почтмейстеровъ къ мѣстнымъ гражданскимъ губернаторамъ, кои должны отправлять ихъ въ 3 е отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи.

4) Въ разсужденіе же тѣхъ писемъ простыхъ, а также съ деньгами, а посылокъ, кои будутъ слѣдовать изъ Россіи на имя сосланныхъ на поселеніе преступниковъ и ихъ женъ, то въ полученіи сихъ писемъ и посылокъ въ почтамтѣ, Сибирскій почтдиректоръ, отдѣливъ ихъ отъ прочей корреспонденціи, обязанъ доставлять особенно къ тѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, гдѣ кто изъ адресованныхъ находится; губернаторы же имѣютъ право раскрывать сіи письма и тѣ

изъ нихъ, въ коихъ не найдутъ ничего противнаго, доставлять по адресамъ отъ себя черезъ почту или какъ удобнѣе признаютъ; съ деньгами поступать какъ упомянуто въ 1-мъ пунктѣ, а изъ вещей отправлять къ ссыльнымъ по адресамъ тѣ только, кои не составляютъ большой цѣнности и могутъ служить къ пищѣ или одѣянію, цѣнныя же вещи возвращать обратно къ прислашимъ оныя. Но такія письма, кои будутъ заключать въ себѣ неприличныя и непозволительныя выраженія, или содержаніе коихъ будетъ заслуживать вниманія правительства, губернаторы, не отсылая никуда по адресамъ, должны доставлять въ 3-е отдѣленіе собственной канцеляріи Его Величества.

Въ большей своей части правила эти оставались неизмѣнными въ продолженіе всего времени пребыванія лицъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ на поселеніе въ Сибири, дополняясь въ разное время только отдѣльными правительственными распоряженіями и инструкціями, которыя касались до непредусмотренныхъ еще ограниченій и регламентацій жизни преступниковъ на поселеніи, а также замѣняясь въ нѣкоторой своей части новыми правительственными постановленіями, которыя вызывались практическими требованіями.

Дополненія къ Высочайше утвержденнымъ въ 1826 году правиламъ послѣдовали прежде всего относительно опредѣленія размѣра денежныхъ выдачъ женамъ государственныхъ преступниковъ, прибывшимъ на поселеніе за своими мужьями.

28 декабря 1828 года Тобольскій губернаторъ В. А. Нагибинъ, донося генералу губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову, что въ Тобольскомъ общемъ губернскомъ управленіи хранятся значительныя денежныя суммы, принадлежащія женѣ государственнаго преступника Ентальцева, которая, по увѣренію ея, получала будтобы бы съ мужемъ въ Восточной Сибири по 500 р. въ мѣсяцъ на свое содержаніе, спрашивалъ указаній генерала губернатора о томъ, должны ли подлежать ограниченію денежныя выдачи женамъ государственныхъ преступниковъ.

Возбужденный вопросъ, тѣмъ болѣе, по мнѣнію Нагибина, представлялся требующимъ разрѣшенія что въ Высочайше утвержденной инструкціи о порядкѣ надзора за государственными преступниками не указывалось ничего относительно женъ этихъ преступниковъ, а въ Восточной Сибири, будучи въ Читѣ, жены преступниковъ получали на содержаніе неограниченныя суммы, такія, какія пересылались въ вѣдѣніе коменданта Лепарскаго для передачи имъ отъ ихъ родственниковъ. Между тѣмъ цѣль послѣдовавшей Высочайшей воли, опредѣляющей порядокъ надзора за государственными преступниками и огра-

ничивающей ихъ матеріальныя средства на поселеніи, есть не иная, какъ отнять у преступниковъ средства и заставить предпринять что либо къ перемѣнѣ своей участи, чего естественно выполнить нельзя, не подвергая женъ преступниковъ равнымъ ограниченіямъ съ мужьями.

Генералъ губернаторъ Западной Сибири И. А. Вельяминовъ совершенно согласился съ соображеніями, высказанными Тобольскимъ губернаторомъ и спрашивалъ указаній отъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества.—24 января 1829 г. графъ Чернышевъ увѣдомилъ И. А. Вельяминова, что онъ входилъ съ докладомъ по существу его представленія къ Государю Императору, и Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: „поступать по мнѣнію, изъясненному въ отзывѣ генерала губернатора Западной Сибири, т. е. чтобы женъ государственныхъ преступниковъ подвергнуть одинаковой съ мужьями мѣрѣ по выдачѣ имъ денегъ“.

На основаніи послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія государственные преступники, съ ихъ семьями при нихъ находившимися, обезпечивались правомъ полученія отъ родственниковъ своихъ, только по 2000 р. ассигнаціями на свое годовое содержаніе.

Эта установленная норма денежнымъ вспомоществованіямъ, какія дозволялись государственнымъ преступникамъ получать отъ своихъ родственниковъ изъ Россіи, оставалась неизмѣнною съ 1828 г. по 1856 годъ, до времени Всемилостивѣйшаго возвращенія преступникамъ утерянныхъ ими правъ, несмотря на то, что условія жизни за этотъ долгій, 28 лѣтній періодъ, не оставались безъ перемѣны, а при возвышеніи цѣнъ на всѣ предметы первой необходимости предъявляли требованія къ увеличенію расходовъ.

Недостаточность опредѣленной нормы денежныхъ выдачъ для годоваго содержанія семействъ государственныхъ преступниковъ признавалась мѣстною Сибирскою администраціею, а потому по присылкѣ денегъ изъ Россіи, въ большомъ размѣрѣ противъ опредѣленной нормы, эта администрація часто выдавала преступникамъ всю полученную на ихъ имя денежную сумму. Посредствующими лицами къ передачѣ денежныхъ суммъ сверхъ установленной нормы, были или тобольскіе губернаторы или же генералъ-губернаторы Западной Сибири, къ которымъ родственники преступниковъ обращались съ просьбою принять участіе въ судьбѣ ссыльныхъ. Въ особенности всегда оказывалъ свое великодушіе къ сосланнымъ преступникамъ кн. П. Д. Горчаковъ, входившій въ положеніе семействъ этихъ преступниковъ и неоднократно принимавшій на себя передачу денежныхъ суммъ этимъ семействамъ.

Неуказаніе въ Высочайше утвержденныхъ въ 1826 году правилахъ о томъ, что̀ именно должно понимать подъ „первоначальнымъ обзаведеніемъ“ на которое дозволялось государственнымъ преступникамъ получать единовременно отъ родственниковъ своихъ до 2000 р. ассигнац., послужило поводомъ генералу губернатору Восточной Сибири Броневскому увѣдомить генерала адъютанта Бенкендорфа что, понимая подъ первоначальнымъ обзаведеніемъ устройство домообзаводства, онъ разрѣшилъ государственнымъ преступникамъ, поступившимъ на поселеніе въ Восточной Сибири, строить себѣ дома, мельницы и другія необходимыя въ домашнемъ быту поселянъ заведенія.

Генералъ адъютантъ Бенкендорфъ всеподданнѣйше докладывалъ увѣдомленіе Броневскаго Государю Императору и Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ: „доносить, что̀ именно они будутъ строить“.

Сообщивъ 9 августа 1829 г. о послѣдовавшей Высочайшей волѣ, относящейся ко всѣмъ вообще государственнымъ преступникамъ водвореннымъ на поселеніе въ Сибири, генералъ адъютантъ Бенкендорфъ просилъ генералъ губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминова представить, для доклада Его Императорскому Величеству, свѣдѣнія о томъ какія, именно постройки предпринимаютъ государственные преступники поселенные въ Западной Сибири. Въ отношеніе же порядка расходованія денежныхъ суммъ, присылаемыхъ родственниками государственныхъ преступниковъ, для устройства домообзаводства генералъ адъютантъ Бенкендорфъ увѣдомилъ И. А. Вельяминова, что Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ: сохраняя силу прежде состоявшихся правилъ, опредѣляющихъ норму денежныхъ полученій государственными преступниками, чтобы всѣ денежныя суммы слѣдующія къ выдачѣ преступникамъ, находились въ вѣдѣніи мѣстнаго губернскаго начальства, которое отнюдь не должно отпускать тѣмъ преступникамъ болѣе чѣмъ по 100 руб. за разъ, возобновляя такую выдачу не иначе какъ по представленіи ими надлежащихъ документовъ, свидѣтельствующихъ, что полученные прежде 100 рублей израсходованы на опредѣленный предметъ.

Для выполненія Высочайшей воли и такъ какъ въ Западной Сибири, съ самаго начала водворенія въ ней на поселеніе государственныхъ преступниковъ и со времени послѣдовавшихъ въ 1826 г. правилъ о порядкѣ надзора, дозволялось всѣмъ государственнымъ преступникамъ, располагавшимъ денежными средствами, устраивать свое домообзаводство и пріобрѣтать вообще недвижимую собственность на мѣстахъ поселенія, И. А. Вельяминовымъ предложено было губерна-

торамъ Тобольскому и Томскому, а также и Омскому областному начальнику доставить свѣдѣнія о всѣхъ постройкахъ, какія возведены государственными преступниками, съ тѣмъ чтобы губернаторы и на будущее время доносили генералу губернатору Западной Сибири, предварительно о всѣхъ постройкахъ, какія полагаютъ предпринимать государственные преступники для испрошенія надлежащаго разрѣшенія на право производства тѣхъ построекъ.

Установленный Высочайшею властію надзоръ за всѣми тѣми постройками, какія для устройства своего домообзаводства и хозяйства предпринимали государственные преступники на мѣстахъ водворенія, продолжался до времени Всемилостивѣйшаго предоставленія права возвращенія въ Россію лицамъ, сужденнымъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ. Губернаторы губерній и областей, входившихъ въ составъ Западно-Сибирскаго генералъ-губернаторства, доносили начальникамъ края о всѣхъ безъ исключенія предполагаемыхъ постройкахъ государственными преступниками, хотя бы тѣ постройки не превышали цѣнности десятка рублей, испрашивая каждый разъ разрѣшенія начальниковъ края о производствѣ тѣхъ построекъ. При капитальныхъ сооруженіяхъ, какія предпринимались государственными преступниками, требовавшихъ значительныхъ денежныхъ затратъ, губернаторы представляли начальникамъ края смѣтныя соображенія, удостовѣренныя городничими. О всѣхъ такихъ постройкахъ начальники края доводили до свѣдѣнія генерала-адъютанта Бенкендорфа.

Надзоръ за постройками ограничивался одною внѣшнею формальною стороною, испрошеніемъ производства построекъ и донесеніемъ о послѣдовавшихъ разрѣшеніяхъ, наиболѣе же существенная обязанность надзора, состоявшая въ ограниченіи денежныхъ средствъ государственныхъ преступниковъ и въ контролѣ за дѣйствительнымъ израсходованіемъ выданныхъ имъ суммъ по назначенію, совершенно не выполнялась мѣстною администраціею, да и высшія правительственныя учрежденія, которымъ было не безъизвѣстно о тѣхъ льготахъ, какія представлялись преступникамъ, не настаивали на примѣненіи всей строгости надзора.

Западно-Сибирская администрація всѣ получаемыя изъ Россіи денежныя суммы на имя водворенныхъ на поселеніе государственныхъ преступниковъ, для устройства ихъ домообзаводства, передавала полностію на руки преступникамъ, не требуя за тѣмъ отъ нихъ никакой отчетности въ точномъ израсходованіи денегъ. Весь контроль заключался въ предписаніяхъ, какія давались губернаторами городничимъ

и полицейместерамъ о томъ, чтобы они слѣдили за употребленіемъ переданныхъ суммъ по назначенію.

Матеріальное обезпеченіе государственныхъ преступниковъ, принадлежащихъ къ богатымъ и состоятельнымъ семьямъ, дополнялось еще правомъ, дарованнымъ Высочайшею велею, на полученіе отъ родственниковъ посылокъ, не составляющихъ большей цѣнности и состоящихъ изъ вещей, которыя могли служить къ пищѣ или къ одѣянію. На основаніи дарованнаго права на полученіе посылокъ и по неограниченію Высочайше утвержденными правилами 1826 г. цѣнности посылокъ, государственные преступники получали изъ Россіи отъ своихъ родственниковъ не только посылки, но цѣлые транспорты, состоявшіе изъ разныхъ вещей и продуктовъ. Къ преимущественнымъ льготамъ жизни на поселеніи государственныхъ преступниковъ несомнѣнно принадлежало и то, что женамъ ихъ дозволялось имѣть при себѣ крѣпостныхъ людей, какъ принадлежавшихъ ихъ семействамъ, такъ и передававшихся имъ по довѣрію отъ сторонніхъ лицъ, для услугъ и для продажи, а также и по дарственнымъ записямъ.

Благодаря предоставленнымъ льготамъ, государственные преступники, получавшіе отъ состоятельныхъ своихъ родственниковъ матеріальное пособіе, имѣли возможность устроить осѣдлость свою на поселеніе сообразно своимъ желаніямъ и соотвѣтственно тѣмъ матеріальнымъ средствамъ, какими они располагали.

Совершенно иная была жизнь на поселеніи государственныхъ преступниковъ, не имѣвшихъ богатыхъ родственниковъ, которые могли бы оказать имъ пособіе.

Все попеченіе правительства объ неимущихъ государственныхъ преступникахъ, водворенныхъ на поселеніе, состояло лишь, на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ 1826 года, въ выдачѣ отъ казны такимъ преступникамъ на пропитаніе солдатскаго пайка и для одѣянія зимней и лѣтней крестьянской одежды.

По случайности большинство лицъ, принимавшихъ участіе въ дѣлахъ тайнаго общества и осужденныхъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ къ наименьшимъ наказаніямъ, т. е. къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь или же къ кратковременнымъ каторжнымъ работамъ съ водвореніемъ затѣмъ на поселеніе въ Сибири, — принадлежало не только къ недостаточнымъ, но и къ бѣднымъ семействамъ, поставленнымъ въ невозможность оказывать достаточное пособіе водвореннымъ на поселеніи своимъ родственникамъ.

И такъ какъ по приведеніи приговора Верховнаго уголовнаго суда въ исполненіе, на поселеніе въ Западную Сибирь поступали

государственные преступники, принадлежавшіе къ послѣднимъ разрядамъ, т. е. признанные судомъ менѣе виновными, преступники же отнесенные судомъ къ первымъ разрядамъ и принадлежавшіе преимущественно къ составу состоятельныхъ и богатыхъ семействъ, только впослѣдствіи, по окончаніи продолжительныхъ сроковъ въ каторжныхъ работахъ, были водворяемы на поселеніе въ предѣлахъ Западной Сибири,—то естественно вопросъ о способахъ вспомоществованія водворенныхъ на поселеніи преступниковъ возникъ тотчасъ же по прибытіи первыхъ преступниковъ на мѣста поселенія.

Государственные преступники, прибывшіе на поселеніе въ Западную Сибирь въ 1826 году, всѣ были водворены, по Высочайшему повелѣнію, въ сѣверныхъ мѣстностяхъ Тобольской и Томской губерній. Кондинскъ, Березовъ, Пелымъ, Сургутъ и Нарымъ служили первоначальнымъ мѣстомъ водворенія сосланныхъ преступниковъ.

Размѣщенные по такимъ мѣстностямъ, съ крайне суровыми климатическими условіями, не имѣя никакихъ средствъ для поддержанія своего существованія, за неполученіемъ пособій отъ родственниковъ, они вскорѣ по прибытіи на мѣста поселенія вынуждены были просить выдачи имъ пособій отъ казны.

Это пособіе, несмотря на существованіе въ Западной Сибири одной общей административной объединительной власти въ лицѣ генералъ-губернатора, на обязанность котораго Высочайше утвержденными правилами возлагались заботы о вспомоществованіи неимущимъ преступникамъ, различествовало по губерніямъ Тобольской и Томской.

По Тобольской губерніи вспомоществованіе государственнымъ преступникамъ выдавалось натурою, имъ отпускалось изъ запасныхъ инородческихъ магазиновъ кормовое довольствіе въ размѣрѣ солдатскаго пайка, а затѣмъ выдавалась крестьянская одежда зимняя и лѣтняя по утвержденной генералъ-губернаторомъ табели. По Томской же губерніи, пособіе выдавалось не натурою, а деньгами, въ размѣрѣ стоимости солдатскаго пайка и крестьянскаго одѣянія. Кромѣ этого положеннаго отъ казны пособія, мѣстная администрація, по своему усмотрѣнію, оказывала пособіе нѣкоторымъ неимущимъ государственнымъ преступникамъ на счетъ обывателей, предоставляя имъ право пользоваться безвозмездно особыми отводными отъ обывателей квартирами. По незначительности правительственныхъ пособій, едва обезпечивавшихъ дневное пропитаніе, государственные преступники, принадлежавшіе къ семействамъ бѣднымъ, размѣщенные на поселеніе по сѣвернымъ окраинамъ Тобольской и Томской губерніи, естественно, должны были претерпѣвать многія тяжкія лишенія, и за неимѣніемъ

заработка, который могъ бы улучшить ихъ положеніе, должны были прибѣгать для поддержанія своего существованія или къ матеріальной помощи мѣстныхъ обывателей или же къ помощи болѣе обезпечныхъ товарищей своихъ по ссылкѣ. Только благодаря этой частной матеріальной помощи, многіе изъ лицъ, сужденныхъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ, имѣли возможность при борьбѣ съ нуждою влачить тяжелую свою жизнь на поселеніи.

Установленная въ 1826 году норма правительственнаго пособія государственнымъ преступникамъ, не получающимъ вспомоществованія отъ своихъ родственниковъ изъ Россіи, измѣнена была съ 1835 года.

9-го апрѣля 1835 г. генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири Сулиму „что Государь Императоръ, по неограниченному милосердію своему, входя въ бѣдное положеніе преступниковъ и желая показать имъ, что и они не чужды благихъ попеченій Его Величества, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ нуждающимся государственнымъ преступникамъ производить ежегодно на необходимыя ихъ надобности по 200 руб. ассигнаціями каждому". Затѣмъ 24 декабря 1839 г. генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ далъ знать генералу Сулимѣ, что Государь Императоръ, въ дополненіе Высочайшей Его Величества воли на счетъ производства неимущимъ преступникамъ, въ Сибири поселеннымъ, денежнаго отъ казны вспомоществованія, по Всеподданнѣйшему его докладу, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) выдавать до 200 рублей въ годъ тѣмъ поселеннымъ государственнымъ преступникамъ, которые ничего отъ родственниковъ своихъ въ Россіи не получаютъ;

2) тѣмъ, которые отъ родственниковъ своихъ получаютъ менѣе 200 р. въ годъ выдавать изъ казны достальную до 200 рублей сумму.

3) Не полагать въ счетъ вспоможеніе, получаемое государственными преступникамии отъ лицъ, въ Сибири находящихся.

4) Дѣтей всѣхъ государственныхъ преступниковъ, въ Сибири рожденныхъ, освободить отъ платежа податей и повинностей до новой ревизіи.

5) Все сіе распростанить и на поселенныхъ въ Сибири польскихъ государственныхъ преступниковъ и мятежниковъ.

Для выполненія послѣдовавшей Высочайшей воли генералъ адъютантъ Бенкендорфъ просилъ генерала Сулиму доставлять ему ежегодно списки всѣмъ тѣмъ государственнымъ преступникамъ, въ Западной Сибири поселеннымъ, которымъ будетъ слѣдовать производство отъ казны денежнаго пособія, обозначивъ, сколько за годъ, до представленія списковъ, преступники получили отъ родственниковъ ихъ вспомо-

женія, дабы сообразно съ симъ онъ могъ бы входить въ сношеніе съ министромъ финансовъ объ ассигнованіи необходимой суммы въ распоряженіе генералъ-губернатора Западной Сибири.

По представленіи генералами губернаторами Западной Сибири шефу корпусу жендармовъ списковъ о нуждающихся въ спомоществованіи государственныхъ преступниковъ, съ обозначеніемъ того размѣра пособіямъ, на какое имѣли право тѣ преступники, произведены были нижеслѣдующія денежныя выдачи за все время нахожденія лицъ, сужденныхъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ, въ предѣлахъ Западной Сибири:

Въ 1835 году.

Ентальцеву.
Тизенгаузену
Фохту
Башмкову
Мозгалевскому
Выгодовскому
} по 200 р. ассигнац. каждому.

Въ 1836 году.

Выгодовскому
Лихареву
} по 200 руб.
Тизенгаузену .... 100 руб.
Башмакову ..... 165 руб. 35 к.
Фохту ..... 135 руб. 83 к.

Въ 1837 году.

Ентальцеву
Фохту
Башмакову
Выгодовскому
} по 200 р. ассигнаціями.

Въ 1838 году.

Ентальцеву
Фохту
Башмакову
Штейнгелю
Выгодовскому
} по 200 р. ассигнаціями.

Въ 1839 году.

Ентальцеву ..... 150 р. 75 к.
Фохту
Штейнгелю
Башмакову
Выгодовскому
} по 200 р. ассигнаціями.

Владимирск. Губернская Центральная Библиотека.

Въ 1840 году.

Ентальцеву
Башмакову
Николаю Бобрищеву-Пушкину
Выгодовскому
Штейнгелю
Фохту
} по 57 р. $14^{2}/_{7}$ к. сереб. каждому.

Павлу Бобрищеву Пушкину ..... 57 р. $^{6}/_{7}$ коп.

Въ 1841 году.

Ентальцеву
Башмакову
Николаю } Бобрищевымъ-Пушкинымъ
Павлу }
Фохту
Штейнгелю
Басаргину
Выгодовскому
} по 57 р. $14^{2}/_{7}$ коп. серебр. каждому.

Въ 1842 году.

Ентальцеву
Башмакову
Николаю } Бобрищевымъ-Пушкинымъ
Павлу }
Штейнгелю
Выгодовскому
} по 57 р. $14^{2}/_{7}$ коп. серебр. каждому.

ВЛАДИМИРСКАЯ
Областная Библиотека
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
№ 2007

Въ 1843 году.

Ентальцеву
Башмакову
Николаю Бобрищеву-Пушкину
Штейнгелю
Выгодовскому
Басаргину
} по 57 р. $14^{2}/_{7}$ к. сереб. каждому.

Владимирская фор. центральная библиотека

Въ 1844 году.

Ентальцову Башмакову Николаю Павлу Штейнгелю Выгодовскому Басаргину	Бобрищевымъ-Пушкинымъ	по 57 р. $14^{2}/_{7}$ коп. сереб. каждому.

Съ 1845 года Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ (отъ 6 февраля 1845 года) разрѣшено было выдавать государственнымъ преступникамъ до 114 руб. $28^{4}/_{7}$ коп. сереб. въ годъ, если только эти преступники не получаютъ отъ родственниковъ своихъ изъ Россіи никакого вспомоществованія и по удостовѣренію мѣстнаго начальства дѣйствительно нуждаются въ высшемъ размѣрѣ пособія. Съ начала же 1845 года, по особому Высочайшему соизволенію, разрѣшено было выдавать остающимся въ Сибири вдовамъ государственныхъ преступниковъ то же самое отъ казны пособіе, какое назначалось ихъ мужьямъ.

На основаніи послѣдовавшихъ распоряженій, облегчавшихъ тяжелую участь государственныхъ преступниковъ и ихъ семей, нуждавшихся въ матеріальныхъ средствахъ къ своему существованію, пособія назначались въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Въ 1845 году.

Башмакову Николаю Бобрищеву-Пушкину Штейнгелю	по 114 р. $28^{4}/_{7}$ к. сереб. кажд.
Павлу Бобрищеву-Пушкину Тизенгаузену Выгодовскому Ентальцевой	по 57 р. $14^{2}/_{7}$ к.

Въ 1846 году.

Башмакову Николаю Бобрищеву-Пушкину Штейнгелю Батенкову Тизенгаузену Д. И. Кюхельбекеръ [1]).	по 114 р. $28^{4}/_{7}$ к.

[1]) Назначеніе высшаго размѣра пособія Тизенгаузену и Дорандѣ Ивановнѣ Кюхельбекеръ сдѣлано было по распоряженію кн. П. Д. Горчакова.

Павлу Бобрищеву Пушкину
Выгодовскому
Ентальцевой
} по 57 р. $14^{2}/_{7}$ к. серебр.

Составъ лицъ, получившихъ пособіе въ 1846 г. и размѣръ назначенныхъ денежныхъ выдачъ оставались безъ измѣненія въ послѣдующія за тѣмъ года.

Всѣ лица, получившія пособія въ 1846 году, продолжали получать пособія до времени послѣдовавшихъ Высочайшихъ соизволеній, разрѣшавшихъ этимъ лицамъ возвращеніе въ Россію. Исключеніемъ былъ лишь Башмаковъ, который не могъ воспользоваться, ни предоставленнымъ ему въ 1854 году по Высочайшей милости правомъ возвращенія въ Россію, съ водвореніемъ въ Казани, ни правомъ свободнаго водворенія въ Россію, согласно Всемилостивѣйшаго манифеста 1856 года, а долженъ былъ оставаться, какъ совершенно одинокій и безпомощный въ Сибири, прося о продолженіи выдачи ему пособія отъ казны. По бѣдному и безпомощному состоянію Башмакова пособіе отъ казны, въ размѣрѣ 114 р. $28^{4}/_{7}$ к. производилось ему до смерти его въ Тобольскѣ, въ 1859 году. Имѣя попеченіе о нуждающихся въ матеріальныхъ средствахъ государственныхъ преступникахъ и признавая недостаточнымъ, для безбѣднаго существованія, разрѣшенныя къ выдачѣ денежныя пособія, Его Императорское Величество, одновременно, съ преподаніемъ правилъ о денежномъ вспомоществованіи государственнымъ преступникамъ, Высочайше повелѣть соизволилъ въ 1835 году, отвести каждому изъ находящихся на поселеніи государственныхъ преступниковъ по 15 десятинъ пахотной земли, близъ мѣстъ жительства ихъ, дабы предоставить имъ чрезъ обработываніе оной, какъ сообщилъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ генералу-губернатору Западной Сибири Сулимѣ 25 апрѣля 1835 года, средства къ удовлетворенію нуждъ хозяйственныхъ и къ обезпеченію будущей судьбы дѣтей ихъ, прижитыхъ въ Сибири.

Надѣленіе хлѣбопахотною землею распространено было впослѣдствіи и на семейства умершихъ государственныхъ преступниковъ.

8 декабря 1839 г. генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генерала-губернатора Западной Сибири кн. П. Д. Горчакова что, Комитетъ Министровъ по разсмотрѣніи внесенной имъ записки о предоставленіи права пользованія 15-ти десятиннымъ надѣломъ пахотной земли вдовамъ государственныхъ преступниковъ до вступленія ихъ въ новый бракъ, дѣтямъ тѣхъ преступниковъ мужескаго пола до поступленія на службу, и женскаго пола до выхода въ замужество, положилъ утвердить его предположеніе, впредь до введенія въ Сибир-

скихъ губерніяхъ новаго управленія государственными имуществами, которое и обязать по сему предмету, представить свои соображенія, по внимательномъ разсмотрѣніи мѣстныхъ обстоятельствъ.

Приведенное мѣропріятіе о земельномъ устройствѣ семействъ государственныхъ преступниковъ, по мнѣнію графа Бенкендорфа, потому представлялось необходимымъ, что нѣкоторые государственные преступники, женясь въ Сибири на дочеряхъ мѣстныхъ мѣщанъ и поселянъ и не имѣя никакого матеріальнаго обезпеченія, по смерти своей, не оставляютъ вдовамъ и дѣтямъ никакихъ средствъ съ существованію.

Въ дѣйствительности надѣленіе пахотною землею, нисколько не послужило къ облегченію участи наиболѣе нуждающихся государственныхъ преступниковъ и ихъ семей. Всѣ государственные преступники, сосланные въ Западную Сибирь на поселеніе, водворены были на жительство, съ Высочайшаго соизволенія, въ разные города Тобольской и Томской губерній, и при надѣленіи ихъ свободными участками хлѣбопахотной земли, лежащими въ близкомъ разстояніи отъ мѣстъ ихъ водворенія, встрѣтились затрудненія, и они надѣляемы были участками на нѣсколько верстъ отъ городовъ, опредѣленныхъ для ихъ жительства. Эта отдаленность полученныхъ въ надѣлъ участковъ и неимѣніе средствъ для устройства хозяйствъ ставили въ необходимость многихъ лицъ, изъ числа надѣленныхъ землею, оставлять свои надѣлы безъ всякой обработки и эксплоатаціи, тѣмъ болѣе что по огромному пространству, занимаему въ Сибири свободными казенными землями, удобными для хлѣбопашества, полученные въ надѣлъ участки не могли служить даже арендными статьями, по безцѣнности земли.

Препятствующими причинами къ занятію государственныхъ преступниковъ земледѣліемъ, не сомнѣнно, служили и тѣ полицейскія мѣры надзора, которыми обусловливалась возможность приложенія тѣми преступниками своего труда къ землепользованію. Съ отводомъ земельныхъ надѣловъ государственнымъ преступникамъ, возбужденъ былъ вопросъ о томъ, при какихъ именно условіяхъ лица, получившія въ надѣлъ земли, могутъ отлучаться изъ мѣстъ опредѣленныхъ для постояннаго ихъ жительства, какъ для хозяйственныхъ надобностей вообще по веденію предпринимаемаго ими занятія, такъ и на земельные свои участки.

Правила объ отлучкахъ государственныхъ преступниковъ, изъявившихъ желаніе заниматься земледѣліемъ и хозяйствомъ, проектированныя тобольскимъ губернаторомъ Копыловымъ и одобренныя генераломъ губернаторомъ Западной Сибири Сулимою, были препровож-

дены на утвержденіе генералъ-адъютанта Бенкендорфа, который въ началѣ 1836 года разрѣшилъ ввести составленныя правила въ дѣйствіе. Этими правилами постановлено было: 1) всѣ отлучки государственныхъ преступниковъ допускать каждый разъ съ вѣдома городничаго и съ выдачею отъ Земскаго суда билета на проѣздъ до мѣста назначенія, 2) билеты Земскимъ судомъ выдавать отнюдь не далѣе предѣловъ округа, 3) въ билетахъ означать время на которое дозволена отлучка, если эта отлучка по уважительнымъ причинамъ разрѣшена будетъ за черту волости, въ которой находится участокъ земли и 4) надзоръ за отлучившимися оставлять непосредственно на отвѣтственности земскаго и волостнаго начальства.

Занятіе земледѣліемъ и связаннымъ съ нимъ хозяйствомъ, въ силу административныхъ распоряженій, было доступно въ Западной Сибири лишь тѣмъ государственнымъ преступникамъ, которые были совершенно обезпечены матеріально пособіями отъ своихъ родственниковъ и могли вести отдаленное отъ мѣстъ своего водворенія хозяйство, съ затратою на него части денежныхъ своихъ средствъ, и интересовались земледѣліемъ и веденіемъ хозяйства, не столько въ цѣляхъ улучшенія своего благосостоянія, сколько въ видахъ пополненія своей жизни на поселеніи какою либо практическою дѣятельностью.

Попеченіями правительства о матерьяльномъ положеніи водворенныхъ на поселеніи государственныхъ преступниковъ, дарованы были этимъ преступникамъ и ихъ семьямъ особыя льготы въ платежѣ податей, опредѣленныхъ вообще уставомъ о ссыльныхъ для поселенцевъ.

Въ 1834 году Министръ Финансовъ графъ Канкринъ, при производствѣ 8-й народной ревизіи, увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири Сулиму, что всѣ сосланные на поселеніе государственные преступники, жены ихъ и дѣти, прижитые ими въ Сибири, должны быть внесены въ производящуюся перепись населенія, но съ тѣмъ чтобы всѣ эти преступники были записаны при ревизіи при волостяхъ для одного только счета, такъ какъ, находясь подъ полицейскимъ надзоромъ и будучи лишены свободы, они не могутъ воспользоваться выгодами, предоставленными лицамъ свободнаго состоянія, и слѣдовательно не могутъ пріобрѣтать денегъ для платежа податей; дѣтей же этихъ государственныхъ преступниковъ должно вносить въ ревизію согласно общему порядку въ крестьяне, съ платежемъ податей и повинностей.

Это распоряженіе графа Канкрина относительно обложенія дѣтей государственныхъ преступниковъ платежемъ податей и повинно-

стей, распространненное вообще на всѣхъ поселенцевъ изъ состава государственныхъ преступниковъ, водворенныхъ въ Сибири, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири генералъ Броневскій нашелъ весьма отяготительнымъ для государственныхъ преступниковъ, обремененныхъ преимущественно семьями, состоящими изъ малолѣтнихъ еще дѣтей, не способныхъ къ труду, а потому ходатайствовалъ предъ генераломъ адъютантомъ Бенкендорфомъ объ освобожденіи дѣтей государственныхъ преступниковъ отъ платежа податей и повинностей до слѣдующей 9-й ревизіи, „дабы не обременить отцовъ ихъ до крайности и дать способъ къ содержанію семействъ посильными трудами въ сельскомъ быту". Ходатайство генерала Броневскаго было признано Его Императорскимъ Величествомъ заслуживающимъ уваженія, и тогда же дарованы были государственнымъ преступникамъ и ихъ семьямъ, согласно Высочайшему повелѣнію 1835 года, льготы, освобождавшія дѣтей всѣхъ государственныхъ преступниковъ, въ Сибири рожденныхъ, отъ платежа податей и повинностей до новой ревизіи.

Надзоръ за государственными преступниками въ мѣстахъ ихъ водворенія на поселеніи возложенъ былъ на мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, городскую и земскую полицію. Подробныхъ выработанныхъ инструкцій о порядкѣ надзора не было преподано. Всѣ лица, осужденныя Верховнымъ уголовнымъ судомъ на поселеніе, передавались въ вѣдѣніе и на отвѣтственность Сибирской губернской администраціи, отъ усмотрѣнія которой уже зависило принятіе мѣръ по надзору, сообразно мѣстнымъ условіямъ пунктовъ, назначенныхъ Высочайшею властію для поселенія осужденныхъ. Всѣ правительственныя мѣропріятія по надзору, обязательныя для губернской администраціи, ограничивались, первоначально, донесеніями Его Императорскому Величеству объ образѣ жизни и поведеніи преступниковъ на мѣстахъ поселенія и наблюденіемъ, согласно Высочайше утвержденныхъ правилъ 29 сентября 1826 г., за корреспонденціею преступниковъ и ихъ женъ, при нихъ находящихся. Это отсутствіе опредѣленныхъ правилъ о порядкѣ надзора, естественно, давало поводъ къ проявленію полнаго произвола, относительно стѣсненій жизни преступниковъ на поселеніи. Даже такія просвѣщенные и гуманные администраторы, какъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій и Де-Сентъ-Лоранъ, и тѣ, за неимѣніемъ опредѣленныхъ указаній о томъ, въ чемъ именно долженъ проявляться надзоръ, установляли особую стражу при водворенныхъ на поселеніи преступникахъ, съ обязательствомъ, что бы та стража постоянно состояла при тѣхъ преступникахъ, какъ бы при лицахъ, находящихся подъ полицейскимъ арестомъ. Впослѣдствіи, въ

разное время, Высочайшею властью и высшими правительственными установленіями хотя и давались, по разнымъ отдѣльнымъ случаямъ, губернской администраціи указанія и разъясненія о порядкѣ надзора и его распространеніи, но все-таки эти указанія и разъясненія настолько были не полны и настолько не обнимали всего строя жизни государственныхъ преступниковъ на поселеніи, что въ большей части устройство жизни преступниковъ на мѣстахъ ихъ водворенія зависило отъ произвола и усмотрѣнія губернской администраціи и полиціи.

Указанія, данныя Верховною властью въ отношеніи распространенія надзора за поселенными въ Сибири государственными преступниками, касались до воспрещенія государственнымъ преступникамъ имѣть огнестрѣльное оружіе и снимать съ себя портреты. Въ іюлѣ 1828 г. Пелымскій отдѣльный засѣдатель донесъ Тобольскому губернатору Нагибину, что онъ отобралъ отъ только что прибывшаго на поселеніе въ Пелымь государственнаго преступника Бриггена принадлежащее ему оружіе, порохъ и дробь. По поводу этого донесенія генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, И. А. Вельяминовымъ, возбужденъ былъ вопросъ о правѣ вообще государственныхъ преступниковъ имѣть при себѣ огнестрѣльное оружіе для охоты. 26 октября 1828 года товарищъ начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, графъ Чернышевъ, увѣдомилъ генерала Вельяминова, что, по докладу Государю Императору возбужденнаго имъ вопроса, Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ: „всѣмъ вообще государственнымъ преступникамъ, на поселеніе сосланнымъ, воспретить имѣть огнестрѣльное оружіе“. Воспрещеніе о снятіи портретовъ съ государственныхъ преступниковъ послѣдовало въ 1845 году; 18 декабря этого года генералъ-адъютантъ графъ Орловъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири князя П. Д. Горчакова что отставной инженеръ поручикъ Давиньонъ, въ проѣздъ свой чрезъ Томскъ снималъ посредствомъ дагеротипа портреты съ поселенцевъ изъ политическихъ преступниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что нѣкоторые изъ находящихся на поселеніи государственныхъ преступниковъ завели собственные дагеротипы и сами другъ съ друга снимаютъ портреты, предполагая отправить эти портреты своимъ родственникамъ. По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія Государя Императора, Его Императорское Величество изволилъ признать, что такое невниманіе къ тому, что происходитъ между государственными преступниками заслуживаетъ строгаго письменнаго замѣчанія, Высочайше повелѣть соизволилъ: „воспретить поселенцамъ изъ государственныхъ и политическихъ преступниковъ на будущее время снимать съ себя

портреты и отправлять оные къ родственникамъ ихъ или къ кому бы то ни было".

Сообщая о послѣдовавшей Монаршей волѣ, графъ Орловъ просилъ князя П. Д. Горчакова приказать немедленно отобрать отъ поселенцевъ изъ государственныхъ преступниковъ и политическихъ ссыльныхъ всѣ ихъ портреты, какіе у нихъ найдутся а также и принадлежности дагеротипа, съ тѣмъ чтобы всѣ отобранные портреты доставлены были бы въ 3-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Что же касается до государственныхъ преступниковъ и политическихъ ссыльныхъ, исключенныхъ по особой Монаршей милости изъ состава поселенцевъ и находящихся на государственной службѣ въ предѣлахъ Сибири, и до которыхъ послѣдовавшая Высочайшая воля прямого отношенія не имѣетъ, графъ Орловъ просилъ князя П. Д. Горчакова внушить этимъ преступникамъ: „что было бы лучше если бы и они не снимали съ себя портретовъ и не пересылали ихъ къ своимъ родственникамъ, для собственной ихъ пользы, дабы портретами своими они не обращали на себя неумѣстнаго вниманія". На основаніи послѣдовавшей Высочайшей воли и указаній графа Орлова княземъ П. Д. Горчаковымъ предложено было всѣмъ губернаторамъ Западной Сибири произвести обыски въ квартирахъ государственныхъ преступниковъ, состоящихъ на поселеніи и водворенныхъ въ предѣлахъ Западной Сибири. Произведенными обысками ничего не было обнаружено: ни портретовъ, ни принадлежностей дагеротипа у преступниковъ не было найдено.

Наибольшій надзоръ правительственныхъ учрежденій былъ обращенъ на корреспонденцію, какую вели государственные преступники. Высочайше утвержденными правилами 1826 года опредѣлялся порядокъ надзора лишь за корреспонденціею государственныхъ преступниковъ и ихъ женъ, водворенныхъ въ Сибирь, какую они вели съ родственниками своими и со сторонними лицами, находившимися въ Россіи; что же касается до корреспонденціи государственныхъ преступниковъ между собою, то въ отношеніи надзора за этою корреспонденціею особыхъ правилъ не было преподано Сибирской губернской администраціи, а потому вся такая корреспонденція, примѣнительно къ 4-му пункту Высочайше утвержденныхъ правилъ 1826 года, относящемуся до порядка полученія государственными преступниками писемъ изъ Россіи, проходила чрезъ предварительное разсмотрѣніе ея начальниками губерній и областей Сибири.

Это отсутствіе въ дѣйствовавшихъ правилахъ о надзорѣ за государственными преступниками такихъ указаній о порядкѣ наблюде-

нія за корреспонденціей между государственными преступниками послужило основаніемъ, въ концѣ 1832 года, временно управлявшему тогда Тобольскою губерніею А. Н. Муравьеву, признать принятый сибирскою администраціею надзоръ за взаимною корреспонденціею государственныхъ преступниковъ совершенно неправильнымъ, такъ какъ по мнѣнію его всѣ письма государственныхъ преступниковъ и ихъ женъ, адресованныя къ другимъ государственнымъ преступникамъ, въ Сибири же находящимся, должны подлежать предварительному просмотру III-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Возбуждая вопросъ о порядкѣ надзора на будущее время за взаимною корреспонденціею государственныхъ преступниковъ, А. Н. Муравьевъ доносилъ генералъ-губернатору Западной Сибири Н. А. Вельяминову, что, до полученія имъ просимаго разъясненія, всѣ письма государственныхъ преступниковъ, слѣдуемыя къ другимъ преступникамъ той же категоріи, имъ задержаны.

11-го Января 1833 года генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генерала Вельяминова, что онъ находитъ возможнымъ, чтобы переписка между государственными преступниками, на поселеніи находящимися, подвергалась разсмотрѣнію одного только начальника губерніи безъ представленія ея въ III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцелярію, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда содержаніе подобныхъ писемъ будетъ заслуживать особеннаго вниманія правительства,— что же касается до переписокъ находящихся на поселеніи государственныхъ преступниковъ и ихъ женъ съ пребывающими въ Петровскомъ заводѣ преступниками и ихъ женами, то эти переписки должны быть доставляемы на разсмотрѣніе III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Въ 1835 году порядокъ надзора за корреспонденціею, получавшеюся изъ Россіи государственными преступниками и ихъ женами при нихъ находившимися, былъ измѣненъ. Исправлявшій должность генералъ-губернатора Восточной Сибири генералъ-маіоръ Броневскій, находя неудобнымъ и противорѣчущимъ необходимой осторожности порядокъ установленный правилами 1826 года, которымъ допускаются частныя сношенія государственныхъ преступниковъ и ихъ семействъ съ Россіею, черезъ своихъ слугъ и посредствомъ писемъ по почтѣ и съ оказіями, подлежащими досмотру одного только гражданскаго губернатора, высказалъ необходимость подчиненія этого досмотра исключительно генералъ-губернаторамъ Сибири. Это мнѣніе генерала Броневскаго доложено было генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ Государю Императору, и Его Величество, найдя его совершенно

справедливымъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: „чтобы всѣ частныя сношенія государственныхъ преступниковъ и ихъ семействъ съ Россіею производились впредь не иначе какъ черезъ одного мѣстнаго генералъ-губернатора".

Въ исполненіе этой Высочайшей воли генералъ-губернаторомъ Западной Сибири Сулимою предложено было губернаторамъ и начальникамъ областей Западной Сибири всю корреспонденцію, слѣдующую къ государственнымъ преступникамъ изъ Россіи, представлять на разсмотрѣніе генералъ-губернаторамъ

Этотъ порядокъ досмотра генералъ-губернаторами Сибири частной корреспонденціи государственныхъ преступниковъ и ихъ семействъ съ Россіею оставался въ продолженіе всего времени нахожденія въ ссылкѣ лицъ, сужденныхъ Верховымъ уголовнымъ судомъ.

Возложеніе надзора за корреспонденціею, получавшеюся государственными преступниками изъ Россіи, на высшія административныя власти въ Сибири, указывавшее какъ бы на признаніе правительственною властью необходимости усиленія прежде установленнаго ею порядка надзора, на самомъ дѣлѣ, нисколько не вызывалось ни послабленіемъ досмотра корреспонденцій Сибирскими губернаторами, ни содержаніемъ письменныхъ сношеній государственныхъ преступниковъ. Всѣ лица, сужденные верховымъ уголовнымъ судомъ и водворенные на поселеніе въ Западной Сибири, поддерживая сношенія свои съ родственниками и съ близкими имъ людьми, находившимися въ Россіи, касались въ письмахъ своихъ лишь описанія обыденной своей жизни а потому, несмотря на всю строгость губернаторскаго и генералъ-губернаторскаго досмотра, въ предѣлахъ Западной Сибири не было ни одного случая, чтобы по какому либо поводу письма, адресованные поселенцами изъ государственныхъ преступниковъ въ Россію, а равно посылавшіяся на ихъ имя, задерживаемы были администраціею.

Учрежденія, на которыя возложенъ былъ досмотръ корреспонденціи, требовали отъ государственныхъ преступниковъ лишь разборчивости почерка въ письмахъ и въ 1847 году графъ Орловъ, найдя что нѣкоторые изъ преступниковъ письма къ родственникамъ своимъ пишутъ чрезвычайно слитно и блѣдными чернилами, почему невозможно разобрать ихъ, сдѣлалъ распоряженіе объ объявленіи всѣмъ государственнымъ преступникамъ въ Сибири находящимся, чтобы они письма свои писали самымъ разборчивымъ почеркомъ и что въ противномъ случаѣ письма ихъ не будутъ отправляемы по адресамъ. Это

распоряженіе объявлено было съ подпискою всѣмъ государственнымъ преступникамъ, въ Западной Сибири находившимся.

Контроль частной почтовой корреспонденціи государственныхъ преступниковъ черезъ посредство генералъ-губернаторовъ служилъ лишь къ единственнымъ невыгодамъ поднадзорныхъ преступниковъ, такъ какъ корреспонденція, передававшаяся ранѣе губернаторами мѣстной полиціи для выдачи ея по назначенію, съ установленіемъ новаго порядка контроля, должна была переходить еще черезъ лишнюю инстанцію и при громадныхъ разстояніяхъ Сибирской территоріи, естественно, должна была значительно замедляться въ полученіи ея государственными преступниками. Не малое замѣшательство въ движеніи корреспонденціи государственныхъ преступниковъ произведено было циркуляромъ генералъ-губернатора Западной Сибири князя П. Д. Горчакова, предложившаго, 24 декабря 1849 года, всѣмъ губернаторамъ подвѣдомственнаго ему края объявить государственнымъ преступникамъ, находящимся въ предѣлахъ Западной Сибири на поселеніи, на службѣ и на жительствѣ, о томъ чтобы они при отправленіи каждаго письма означали на конвертѣ свое званіе и фамилію, предваривъ преступниковъ, что за посылку писемъ, хотя бы и черезъ почтовую контору, но безъ требуемой надписи на конвертѣ, они будутъ подвергнуты строжайшему взысканію.

На основаніи требованій циркулярнаго распоряженія многія письма стали отправляться въ Россію съ надписями на конвертахъ: „отъ государственнаго преступника“ съ обозначеніемъ имени и фамиліи. Графъ Орловъ, нашелъ эти надписи совершенно неумѣстными и просилъ князя П. Д. Горчакова объявить всѣмъ государственнымъ преступникамъ, чтобы они на конвертахъ обозначали лишь свое имя и фамилію, предваривъ ихъ, что если окажутся письма безъ обозначенія фамиліи лица, отъ котораго они слѣдуютъ, то эти письма оставлены будутъ безъ отсылки по адресу.

Требованіе графа Орлова явно отмѣняло ранѣе сдѣланное распоряженіе князя П. Д. Горчакова, какъ относительно необходимости обозначенія на адресуемыхъ корреспонденціяхъ званія отправителей, такъ и относительно наложенія строжайшихъ взысканій на отправителей за неуказаніе своего имени и фамиліи на конвертахъ.

Вынужденный сдѣлать распоряженіе объ отмѣнѣ прежде предписанныхъ имъ къ исполненію правилъ, нарушеніе которыхъ подвергало Государственныхъ преступниковъ взысканіямъ, князь П. Д. Горчаковъ въ новомъ своемъ циркулярѣ, отъ 20 мая 1850 г. объяснилъ губернаторамъ Западной Сибири, для объявленія Государственнымъ пре-

ступникамъ, что подъ понятіемъ „званіе“ которое имъ требовалось отъ преступниковъ для проставленія на конвертахъ отсылаемой ими корреспонденціи разумѣлись пожалованныя нѣкоторымъ государственнымъ и политическимъ преступникамъ, состоящимъ на службѣ чины, а потому и на конвертахъ должны быть обозначаемы: „имя, фамилія и чинъ безъ всякихъ другихъ прибавленій“.

Послѣдовавшія мѣропріятія въ отношеніи контроля за корреспонденціею и порядка отправленія государственными преступниками писемъ, заставили многихъ поднадзорныхъ лицъ прибѣгнуть къ изысканію способовъ полученія слѣдуемыхъ имъ писемъ помимо установленнаго контроля. Съ этою цѣлью многіе государственные преступники, какъ напримѣръ Басаргинъ, Оболенскій, Пущинъ и другіе по даннымъ имъ частными лицами довѣренностямъ, засвидѣтельствованнымъ въ Тобольскомъ Губернскомъ правленіи, получали корреспонденцію всякаго рода изъ почтовыхъ конторъ Тобольской и Ялуторовской, адресованную на имя ихъ довѣрителей, а на самомъ дѣлѣ слѣдуемую имъ. Этотъ способъ сношеній, практиковавшійся продолжительное время, къ развитію котораго само Тобольское Губернское Правленіе явилось по невѣдѣнію своему пособникомъ, обнаруженъ былъ лишь въ началѣ 1850 года, почему тогда же княземъ П. Д. Горчаковымъ сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы почтовыя конторы не выдавали государственнымъ преступникамъ никакихъ корреспонденцій по представляемымъ ими довѣренностямъ, „дабы тѣмъ предупредить возможность пересылки къ нимъ прямо въ руки по чужимъ адресамъ писемъ или посылокъ“.

Это распоряженіе князя Горчакова одобрено было графомъ Орловымъ.

Всѣ донесенія о государственныхъ преступникахъ, съ аттестаціями о ихъ поведеніи на мѣстѣ поселенія, представлялись губернаторами ежемѣсячно Его Императорскому Величеству и кромѣ того за каждую половину года. Въ этихъ вѣдомостяхъ заключались слѣдующія свѣдѣнія: 1) Чинъ, имя и прозваніе поднадзорнаго 2) лѣта, 3) по какому повелѣнію, за что, съ какого времени состоитъ подъ надзоромъ, 4) гдѣ живетъ, чѣмъ занимается, получаетъ ли отъ казны пособіе и какое именно, 5) имѣетъ ли семейство и гдѣ это семейство находится 6) что̀ по надзору за отчетное время открылись.

Аттестаціонныя отмѣтки въ вѣдомостяхъ о поведеніи дѣлались губернаторами на основаніи донесеній полиціи и заключались въ однихъ общихъ выраженіяхъ: „ведетъ себя порядочно“, „поведенія хорошаго“, „ведетъ себя скромно“, и т. п. безъ всякаго объясненія при-

чинъ той или другой аттестаціи. Къ административнымъ мѣропріятіямъ по надзору за государственными преступниками, сужденными верховымъ уголовнымъ судомъ, относится также и изданное въ 1848 году графомъ Орловымъ распоряженіе о томъ, чтобы всѣ судебные приговоры о государственныхъ преступникахъ, водворенныхъ на поселеніе, сообщались, предварительно приведенія ихъ въ исполненіе, на разсмотрѣніе III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Поводомъ къ такому распоряженію послужило то, что за послѣдовавшимъ въ 1847 году Высочайшимъ повелѣніемъ [1]) о примѣненіи судебными мѣстами къ водвореннымъ на поселеніи государственнымъ преступникамъ общихъ законовъ о поселенцахъ. Шефомъ корпуса жандармовъ получено было донесеніе, доведенное имъ до свѣдѣнія Государя Императора, о присужденіи одного изъ водворенныхъ на поселеніи въ Западной Сибири государственныхъ преступниковъ къ тѣлесному наказанію за учиненные имъ дерзкіе поступки, почему Его Императорскимъ Величествомъ благоугодно было повелѣть: „дабы виновный вмѣсто тѣлеснаго наказанія подвергнутъ былъ тюремному заключенію“.

Полученное графомъ Орловымъ и доложенное имъ Его Императорскому Величеству донесеніе, по собраніи княземъ Горчаковымъ свѣдѣній, оказалось совершенно вымышленнымъ: ни одинъ изъ государственныхъ преступниковъ, изъ числа осужденныхъ верховымъ уголовнымъ судомъ, не былъ не только приговоренъ ни однимъ изъ судебныхъ мѣстъ Сибири къ тѣлесному наказанію, но даже и къ какому либо другому менѣе тяжкому наказанію.

Всѣ лица, сужденныя верховымъ уголовныыъ судомъ и привлекавшіяся во время продолжительной своей жизни на поселеніи въ Западной Сибири, по разнымъ доносамъ и извѣтамъ на нихъ разныхъ недоброжелателей, къ уголовной отвѣтственности, всегда оправдываемы были Сибирскими судебными мѣстами.

Приведенными распоряженіями правительства опредѣлялись въ

---

[1]) По возбужденному вопросу генераломъ-губернаторомъ Восточной Сибири о томъ, на какомъ основаніи судебныя мѣста должны опредѣлять наказаніи поселенымъ въ Сибири государственнымъ преступникамъ, шефъ корпуса жандармовъ графъ Орловъ входилъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, и Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ: „съ означенными поселенцами, вслучаѣ сдѣланія ими преступленія, въ томъ поступать по общимъ законамъ о поселенцахъ“.

главныхъ чертахъ какъ матеріальное устройство государственныхъ преступниковъ на мѣстахъ поселенія въ Западной Сибири, такъ и административный надзоръ за этими преступниками. Права женъ государственныхъ преступниковъ, послѣдовавшихъ въ Сибирь за своими мужьями, опредѣлялись нижеслѣдующими правилами, заключавшимися въ Высочайше утвержденномъ въ 1833 году положеніи комитета министровъ:

1) *О правѣ состоянія:* Невинныя жены государственныхъ преступниковъ, раздѣляющія супружескую съ ними связь, до смерти мужей должны быть признаваемы женами ссыльно-каторжныхъ и съ симъ вмѣстѣ подвергаться всѣмъ личнымъ ограниченіямъ, составляющимъ необходимое послѣдствіе сожитія ихъ съ преступниками; причемъ хотя онѣ не лишаются права наслѣдовать принадлежащую имъ собственность и вообще располагать своимъ имѣніемъ черезъ довѣренныхъ лицъ, способами, въ законахъ дозволенными, но во все время продолженія жизни мужей, нужная на содержаніе женъ часть изъ доходовъ прежде принадлежавшаго имъ или вновь наслѣдованнаго имѣнія должна быть выдаваема не имъ непосредственно, а въ распоряженіе того начальства, которому поручено завѣдываніе государственными преступниками, для употребленія въ пользу ихъ по правиламъ, какія на сіе предписаны быть могутъ.

2) *О правѣ избранія мѣста жительства:* Послѣ смерти государственныхъ преступниковъ, жившимъ съ ними, невиннымъ женамъ ихъ, на основаніи существующихъ узаконеній, хотя и должны быть возвращены лично всѣ прежнія ихъ права, вмѣстѣ съ предоставленіемъ въ непосредственное уже распоряженіе ихъ принадлежащихъ имъ имѣній и доходовъ съ оныхъ, но дѣйствіе всѣхъ правилъ сихъ имѣетъ ограничиваться одними предѣлами Сибири; дозволеніе же вдовамъ государственныхъ преступниковъ возврата въ Россію, безусловно или съ извѣстными ограниченіями, зависѣть будетъ отъ особаго усмотрѣнія правительства и не иначе каждой изъ нихъ дано быть можетъ, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія.

Дарованныя права нисколько не улучшали матеріальнаго устройства жизни на поселеніи государственныхъ преступниковъ и ихъ семействъ. Опредѣленная Высочайше утвержденными въ 1826 году правилами норма денежныхъ выдачъ на годовое содержаніе оставалась въ своей силѣ. Дозволеніе же на право возвращенія въ Россію вдовамъ государственныхъ преступниковъ разрѣшалось съ такою осторожностью, что потерявшая еще въ 1845 году своего мужа Александра Васильева Ентальцева несмотря на неоднократныя просьбы

о возвращеніи въ Россію, въ продолженіи 12 лѣтъ должна была прожить въ Сибири, и возвратилась въ Россію только по воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года.

По смерти мужей, вдовы государственныхъ преступниковъ какъ напримѣръ А. В. Ентальцева и Д. И. Кюхельбекеръ, включены были въ общій списокъ о лицахъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, и были аттестуемы въ поведеніи наравнѣ съ прочими поднадзорными, тогда какъ при жизни мужей онѣ вовсе не подвергались такому полицейскому за ними надзору.

Права дѣтей государственныхъ преступниковъ ограничивались особыми правилами объ отлучкахъ. 4-го іюля 1848 года графъ Орловъ увѣдомилъ кн. Горчакова что по случаю возникшаго въ Восточной Сибири вопроса, о томъ, можно ли дозволять дѣтямъ государственныхъ преступниковъ отлучаться по Сибири и въ губерніи россійскія, постановлено, что означеннымъ дѣтямъ, какъ состоящимъ на правахъ казенныхъ поселянъ, могутъ быть выдаваемы паспорта на свободное жительство въ разныхъ мѣстахъ Сибири, для работъ и вообще для снисканія средствъ къ своему существованію; если же кто либо изъ нихъ будетъ просить о разрѣшеніи отправиться изъ Сибири въ другія губерніи Россіи, то о подобной просьбѣ надлежитъ предварительно сообщить шефу корпуса жандармовъ и отъ него ожидать разрѣшенія.

Изъ состава лицъ, сужденныхъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ за участіе въ дѣлахъ тайныхъ обществъ, въ предѣлахъ Западной Сибири, въ періодъ тридцатилѣтія съ 1826 г. по 1856 г., были, частію въ ссылкѣ на поселеніи, частію въ административной ссылкѣ на жительствѣ, 39 государственныхъ преступниковъ:

1. *Шахиревъ*, прибылъ на поселеніе въ Сургутъ 15 августа 1826 г., умеръ въ Сургутѣ 17 мая 1828 года.

2. *Враницкій*, прибылъ на поселеніе въ Пелымъ въ ноябрѣ 1826 г.; умеръ въ Ялуторовскѣ 2 декабря 1832 года.

3. *Фохтъ*, прибылъ на поселеніе въ Березовъ въ августѣ 1826 г., умеръ въ Курганѣ въ 1842 году.

4. *Семеновъ*, прибылъ на службу въ Омскъ 30-го ноября 1826 г., умеръ въ Тобольскѣ 10-го іюня 1852 года.

5. *Башмаковъ*, прибылъ на поселеніе въ Тарскій округъ 24 августа 1828 года, умеръ въ Тобольскѣ 21 сентября 1859 года.

6. *Фурманъ*, прибылъ на поселеніе въ Кондинскъ въ мартѣ 1827 года, умеръ въ Кондинскѣ 8 марта 1835 года.

7. *Ентальцевъ*, прибылъ на поселеніе въ Березовъ въ іюнѣ 1828 года, умеръ въ Ялуторовскѣ 25 января 1845 года.

8. *Баронъ-Черкасовъ*, прибылъ на поселеніе въ Березовъ въ іюнѣ 1828 года, выбылъ изъ Сибири въ 1837 году по опредѣленію его рядовымъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ.

9. *Тизенгаузенъ*, прибылъ на поселеніе въ Сургутъ въ іюнѣ 1828 года, выбылъ изъ Сибири 6-го іюля 1853 года, получивъ всемилостивѣйшее дозволеніе возвратиться къ своему семейству.

10. *Лихаревъ*, прибылъ на поселеніе въ Кондинскъ въ іюнѣ 1828 года, выбылъ изъ Сибири въ 1837 году по опредѣленію его рядовымъ въ кавказскій отдѣльный корпусъ.

11. *Фонъ-деръ-Бригенъ*, прибылъ на поселеніе въ Пелымь въ іюнѣ 1828 года, возвратился въ Россію въ 1856 году по воспослѣдованію всемилостивѣйшаго манифеста 26-го августа 1856 года.

12. *Мозгалевскій*, прибылъ на поселеніе въ Нарымъ въ августѣ 1826 года, выбылъ на поселеніе въ Восточную Сибирь въ 1836 году.

13. *Выгодовскій* прибылъ на поселеніе въ Нарымъ 3 іюня 1828 года, возвратился въ Россію въ 1856 году, по воспослѣдованію всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года.

14. *Муравьевъ-Апостолъ*, прибылъ на поселеніе въ Бухтарминскую крѣпость 5 сентября 1829 г., возвратился въ Россію въ 1856 году, по воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года.

15. *Князь Друцкій-Горскій*, прибылъ на жительство въ Березовъ 19 марта 1827 г., умеръ въ Омскѣ 7-го іюля 1849 года.

16. *Баронъ-Розенъ*, прибылъ на поселеніе въ Курганъ 19 сентября 1832 года, выбылъ изъ Сибири въ 1837 году, по опредѣленію его рядовымъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ.

17. *Нарышкинъ*, прибылъ на поселеніе въ Курганъ 14-го марта 1833 г., выбылъ изъ Сибири въ 1837 году, по опредѣленіи его рядовымъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ.

18. *Лореръ*, прибылъ на поселеніе въ Курганъ 14 марта 1833 года, выбылъ изъ Сибири въ 1837 году по опредѣленіи его рядовымъ въ кавказскій отдѣльный корпусъ.

19. *Назимовъ*, прибылъ на поселеніе въ Курганъ въ августѣ 1830 года, выбылъ изъ Сибири въ 1837 году, по опредѣленіи его рядовымъ въ кавказскій отдѣльный корпусъ.

20. *Князь Одоевскій*, прибылъ на поселеніе въ Ишимъ въ августѣ 1836 года, выбылъ изъ Сибири въ 1837 году, по опредѣленіи его рядовымъ въ кавказскій отдѣльный корпусъ.

21. *Якушкинъ*, прибылъ на поселеніе въ Ялуторовскъ 16-го сентября 1836 г., возвратился въ Россію въ 1856 году, по воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года.

22. *Ивашевъ*, прибылъ на поселеніе въ Туринскъ 22-го сентября 1836 г., умеръ въ Туринскѣ 28-го декабря 1840 года.

23. *Басаргинъ*, прибылъ на поселеніе въ Туринскъ 17 сентября 1836 г., возвратился въ Россію въ 1856 году, по воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста отъ 26-го августа 1856 года.

24. *Баронъ Штейнгель*, прибылъ на поселеніе въ Ишимъ 11 марта 1837 года, возвратился въ Россію въ 1856 году, по воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года.

25. *Свистуновъ*, прибылъ на поселеніе въ Курганъ въ 1837 г., возвратился въ Россію въ 1856 году, по воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года.

26. *Анненковъ*, прибылъ на жительство въ Туринскъ въ ноябрѣ 1839 года, возвратился въ Россію въ 1856 году, по воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года.

27. *Князь Щепинъ-Ростовскій*, прибылъ на поселеніе въ Курганъ въ 1842 году, возвратился въ Россію въ 1856 году, по воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года.

28. *Повало-Швейковскій*, прибылъ на поселеніе въ Кургавъ 9 февраля 1840 года, умеръ въ Курганѣ 10 мая 1845 года.

29. *Князь Барятинскій*, прибылъ на поселеніе въ Тобольскъ въ началѣ 1840 года, умеръ въ Тобольскѣ 19 августа 1844 года.

30. *Пущинъ*, прибылъ на поселеніе въ Туринскъ 9 октября 1839 года, возвратился въ Россію въ 1856 году, по воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года.

31. *Николай* } *Бобрищевы-Пушкины*, прибыли на поселеніе въ
Павелъ }
Тобольскъ 14 февраля 1840 г., выбыли изъ Тобольска въ Россію 1-го марта 1856 г., по воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго соизволенія въ началѣ 1856 года на возвращеніе ихъ на родину.

33. *Князь Оболенскій*, прибылъ на поселеніе въ Туринскъ 27 февраля 1842 года, возвратился въ Россію по воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года.

34. *Кюхельбекеръ*, прибылъ на поселеніе въ Курганскій округъ 6 марта 1845 г., умеръ въ Тобольскѣ 11 августа 1846 года.

35. *Муравьевъ*, прибылъ на жительство въ Тобольскъ 17 іюля 1845 года, умеръ въ Тобольскѣ 24-го ноября 1853 года.

36. *Вольфъ*, прибылъ на поселеніе въ Тобольскъ 18-го іюля 1845 года, умеръ въ Тобольскѣ 24-го декабря 1854 года.

37. *Фонъ-Визинъ*, прибылъ на поселеніе въ Тобольскъ 6 августа 1836 года, выбылъ въ Россію 15 апрѣля 1853 года, по воспослѣдо-

ваніи всемилостивѣйшаго соизволенія, въ началѣ 1853 года на возвращеніе на родину.

38. *Краснокутскій*, прибылъ на поселеніе въ Тобольскъ въ 1839 году, умеръ въ Тобольскѣ въ 1841 году.

39. *Батенковъ*, прибылъ на поселеніе въ Томскъ 6 марта 1846 года, возвратился въ Россію по воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года.

Неблагопріятныя, суровыя климатическія условія большинства мѣстностей избранныхъ для поселенія, тяжелая нужда при едва обезпеченномъ дневномъ пропитаніи, какую претерпѣвали нѣкоторые изъ поселенцевъ, а затѣмъ утраченная надежда на лучшее будущее и сожалѣніе о навсегда потерянной связи съ своею прошлою жизнью, порождавшія какъ физическія такъ и душевныя страданія, свели многихъ, изъ числа осужденныхъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ, въ могилу въ Сибири. Изъ числа 39 государственныхъ преступниковъ, бывшихъ на поселеніи и на жительствѣ въ Западной Сибири, 15-ть похоронены въ ея предѣлахъ и могилы ихъ разбросаны на огромномъ ея пространствѣ: Сургутъ, Кондинскъ, Туринскъ, Ялуторовскъ, Курганъ, Тобольскъ и Омскъ—мѣста, гдѣ находятся могилы декабристовъ.

Многія могилы, частью съ сохранившимися, частью съ разрушающимися уже отъ времени памятниками еще нынѣ существуютъ,—нѣкоторыя же хотя и утрачены, но память объ усопшихъ еще и нынѣ жива: такъ высоко-нравственна и благодѣтельна была дѣятельность въ Сибири большинства декабристовъ на пользу мѣстнаго населенія.

ГЛАВА II.

Шахиревъ.—Поселеніе въ Сургутѣ.—Распоряженіе Тобольскаго губернатора Бантышъ-Каменскаго объ установленіи за нимъ надзора на мѣстѣ поселенія.—Бѣдственное его положеніе.—Выдача отъ казны пропитанія.—Аттестація въ поведеніи.—Донесеніе Сургутскаго засѣдателя о его смерти.—Распоряженія объ оставшемся имуществѣ.

Шахиревъ, поручикъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, принадлежалъ къ обществу соединенныхъ славянъ, преданъ былъ по Высочайшему повелѣнію Верховному уголовному суду и признанный виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, съ знаніемъ цѣли, отнесенъ былъ указомъ правительствующаго Сената отъ 13 іюля 1826 года къ восьмому разряду государственныхъ преступниковъ и присужденъ, по лишенію чиновъ и дворянства, въ вѣчную

ссылку на поселеніе. Указомъ, даннымъ правительствующему Сенату 22 августа 1826 года и объявленнымъ Сенатомъ 27 августа, по поводу смягченія наказанія государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ въ каторжную работу и въ ссылку на поселеніе, оставленъ на поселеніе на 20 лѣтъ. Согласно Высочайшему повелѣнію назначенъ на поселеніе въ г. Сургутъ Тобольской губерніи.

Прибывъ 15 августа 1826 г. въ Тобольскъ подъ надзоромъ фельдъегеря Тихонова и 2-хъ жандармовъ, 16-го августа, за карауломъ привезшихъ его въ Тобольскъ 2-хъ жандармовъ и квартальнаго надзирателя г. Тобольска, Орла, онъ отправленъ былъ Тобольскимъ губернаторомъ Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ на поселеніе въ заштатный г. Сургутъ. По времени поселенія въ предѣлахъ Тобольской губерніи лицъ, сужденныхъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ, онъ былъ первымъ государственнымъ преступникомъ, водвореннымъ на поселеніе въ Тобольской губерніи, изъ числа лицъ, причастныхъ къ злоумышленнымъ тайнымъ обществамъ. Отправивъ Шахирева къ мѣсту назначенія, Тобольскій губернаторъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій предписывалъ Сургутскому отдѣльному засѣдателю: „назначивъ Шахиреву непременное и безотлучное жительство въ самомъ Сургутѣ, имѣть строжайшій надзоръ (не дѣлая ему обидъ), какъ за поведеніемъ его, такъ и за тѣмъ, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался отлучаться изъ города *ни на шагъ*. Для чего избирать каждонедѣльно изъ тамошнихъ казаковъ двухъ благонадежныхъ, безпорочнаго поведенія, съ тѣмъ, чтобы они по-очереди наблюдали за дѣйствіями его, и одинъ изъ нихъ безотлучно находился бы при немъ". При этомъ Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ вмѣнялось въ обязанность засѣдателю наблюденіе за тѣмъ, чтобы Шахиревъ не имѣлъ какой либо неблаговидной связи съ кѣмъ либо изъ жителей города Сургута. Прибывшему въ Сургутъ Шахиреву отведена была квартира отъ обывателей, но матеріальныя средства его были настолько скудны что, въ силу необходимости, для поддержанія своего существованія, онъ вынужденъ былъ обратиться къ тобольскому губернатору съ просьбой о назначеніи ему „отъ казны пропитанія". По полученіи такой просьбы и основываясь на Высочайше утвержденныхъ правилахъ относительно преступниковъ, сосланныхъ по приговору Верховнаго уголовнаго суда, разрѣшавшихъ сосланнымъ на поселеніе преступникамъ давать отъ казны солдатскій паёкъ, Тобольскій губернаторъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ Шахиреву, на пропитаніе, изъ сургутскаго запаснаго магазина припасовъ въ размѣрѣ солдатскаго пайка. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи Шахиревъ находился болѣе года, за-

тѣмъ матеріальное положеніе его измѣнилось, и онъ жилъ въ Сургутѣ не нуждаясь, получивъ принадлежавшія ему деньги изъ Россіи. За все время кратковременной жизни на поселеніи Шахиревъ аттестовался въ поведеніи „весьма хорошо“, какъ Сургутскимъ отдѣльнымъ засѣдателемъ, такъ и Тобольскимъ губернаторомъ Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ. 17 мая 1828 года Шахиревъ умеръ. По поводу его смерти сургутскій отдѣльный засѣдатель доносилъ Тобольскому губернатору: „Находящійся здѣсь государственный преступникъ Шахиревъ 16-го мая отлучился изъ Сургута версты за четыре для птичьяго промысла и на обратномъ пути въ Сургутъ умеръ скоропостижно; тѣло Шахирева привезено было въ Сургутъ и какъ здѣсь медицинскаго чиновника не находится, то къ свидѣтельствованію тѣла приглашены были господа: соляной приставъ, казачій сотникъ, соборный священникъ и мѣщанскій староста, и по общему свидѣтельству на тѣлѣ Шахирева никакихъ наружныхъ боевыхъ знаковъ къ насильственной смерти не нашлось, кромѣ какъ богровое лицо и шея и равно богровыя пятна на спинѣ, стегнахъ и икрахъ и изъ носу подавалась кровавая жидкость. Хотя бы слѣдовало мертвое тѣло Шахирева оставить непогребеннымъ до пріѣзда изъ Березова окружнаго лѣкаря, но какъ въ Сургутѣ не имѣется на сей предметъ ледника и за дальнимъ разстояніемъ отъ Сургута до Березова, что составитъ въ передній и обратный путь 1700 верстъ, то въ ожиданіи лѣкаря протекетъ не малое время и дабы не причинить отъ гнилости тѣла жителямъ заразы, рѣшился, съ согласія свидѣтельствовавшихъ людей, сдѣлать по обыкновенному христіанскому обряду погребеніе, а болѣе потому что по слѣдствію мною произведенному въ насильственной смерти Шахирева никого виновныхъ не открылось“. Кромѣ того Сургутскій засѣдатель доносилъ, что имъ сдѣлана опись имущества, оставшагося по смерти преступника, который, будучи болѣзненнаго состоянія, страдалъ припадками и неоднократно заявлялъ ему и многимъ жителямъ города Сургута о желаніи своемъ, чтобы, въ случаѣ его смерти, все имущество его, за употребленіемъ изъ него необходимыхъ расходовъ на похороны, было бы обращено на исправленіе обветшалой каменной соборной Троицкой церкви въ Сургутѣ для поминовенія души его.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири генералъ-лейтенантъ И. А. Вельяминовъ, къ которому Тобольскимъ губернаторомъ было препровождено на благоусмотрѣніе донесеніе Сургутскаго отдѣльнаго засѣдателя, сдѣлалъ распоряженіе о продажѣ имущества, оставшагося послѣ смерти Шахирева, съ аукціона, а о томъ, какъ поступить съ вырученными отъ продажи деньгами, а также съ тѣми деньгами, ко-

торыя были найдены у Шахирева, испрашивалъ разрѣшенія главнаго штаба Его Императорскаго Величества. На сдѣланной генераломъ Вельяминовымъ запросъ товарищъ начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, графъ Чернышевъ, увѣдомилъ, что такъ какъ у Шахирева имѣются родственники, братъ—Михаилъ Шахиревъ, служащій бухгалтетеромъ въ конторѣ Кронштатскаго порта, и сестра—жена капитанъ-лейтенанта Остолопова, то все имущество оставшееся послѣ смерти ихъ брата, государственнаго преступника, должно быть переслано въ главный штабъ для передачи наслѣдникамъ.

Согласно указаній главнаго штаба деньги 2026 руб. 35 коп. ассигнаціями, найденныя послѣ смерти Шахирева, были препровождены немедленно въ главный штабъ, а имущество, какое осталось отъ отъ Шахирева, по приказанію Тобольскаго губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника В. А Нагибина, переслано было изъ Сургута въ Тобольскъ въ распоряженіе губернскаго правленія для продажи его съ аукціона. Получивъ имущество, подлежавшее продажѣ, Тобольское губернское правленіе продержало его, въ качествѣ подохраннаго, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, не дѣлая никакихъ распоряженій о его продажи, и только въ концѣ 1832 г., по настоянію военнаго министра, графа Чернышева, и наслѣдниковъ умершаго Шахирева продало его съ аукціона за 59 рублей 45 к. ассигнаціями, препроводивъ вырученныя деньги къ военному министру для выдачи наслѣдникамъ.

ГЛАВА III.

Враницкій.—Поселеніе въ Польшѣ.—Бѣдственное положеніе.—Выдача отъ казны пропитанія.—Болѣзненное состояніе.—Переводъ въ Ялуторовскъ.—Денежное пособіе отъ графа Мошинскаго.—Аттестація въ поведеніи.—Смерть.—Распоряженіе объ оставшемся имуществѣ.

Враницкій, полковникъ Квартирмейской части, принадлежалъ къ Южному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ, и какъ признанный виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу и въ знаніи его цѣли, т. е. намѣреніи измѣнить государственный порядокъ, отнесенъ былъ указомъ правительствующаго Сената отъ 13 іюля 1826 г. къ восьмому разряду государственныхъ преступниковъ и присужденъ, по лишенію чиновъ и дворянства, въ вѣчную ссылку на поселеніе. Указомъ, даннымъ правительствующему Сенату 22 августа, 1826 года и объявленному Сенатомъ 27 августа, по поводу смягченія наказаній государственымъ преступникамъ, оставленъ на поселеніи

на 20 лѣтъ. По Высочайшему повелѣнію назначенъ на поселеніе въ Пелымь, селеніе Туринскаго округа Тобольской губерніи. 22 августа 1826 года Враницкій прибылъ, въ Тобольскъ одновременно съ Фохтомъ и Мозгалевскимъ, подъ надзоромъ поручика фельдъегерскаго корпуса Солонина. Доставленный въ Тобольскъ совершенно больнымъ, онъ, по распоряженію Тобольскаго губернатора Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, былъ освидѣтельствованъ въ состояніи здоровья членами Тобольской врачебной управы и при признаніи въ медицинскомъ совѣщаніи невозможности для него, по роду его болѣзни, продолженія дальнѣйшаго пути къ мѣсту назначенія, былъ оставленъ на время въ Тобольскѣ до поправленія здоровья. 1-го ноября 1826 года, по излѣченіи, онъ былъ отправленъ изъ Тобольска въ Пелымь подъ надзоромъ квартальнаго надзирателя г. Тобольска, Орла, и двухъ жандармовъ. По прибытіи въ Пелымь ему отведена была квартира отъ обывателей, но матеріальныхъ средствъ для поддержанія своего существованія, въ первыя мѣсяца своей жизни на мѣстѣ поселенія, онъ никакихъ не имѣлъ, а потому Тобольскимъ губернаторомъ Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ сдѣлано было распоряженіе о выдачѣ ему изъ Пелымскаго хлѣбо-запаснаго инородческаго магазина въ натурѣ муки, крупы и соли, въ размѣрѣ солдатскаго пайка, согласно Высочайше утвержденнымъ правиламъ о надзорѣ и содержаніи преступниковъ, сосланныхъ по приговору Верховнаго уголовнаго суда. Съ половины 1827 года матеріальныя условія Враницкаго измѣнились къ лучшему: онъ сталъ получать изъ Россіи небольшія денежныя суммы, пересылавшіяся въ распоряженіе Тобольскаго губернатора графомъ Бенкендорфомъ, почему тогда же сдѣлано было распоряженіе о прекращеніи ему отпуска довольствія изъ запасныхъ магазиновъ. Отъ кого именно эти денежныя суммы пересылались—неизвѣстно, такъ какъ, по удостовѣренію Тобольской администраціи, Враницкій въ то время не имѣлъ ни съ кѣмъ корреспонденціи.

Состоя на поселеніи въ Пелымѣ Враницкій находился все время въ болѣзненномъ состояніи, выражавшемся въ апатіи ко всему его окружавшему и въ упадкѣ силъ. Пелымской отдѣльный засѣдатель Тихоновъ, подъ надзоромъ котораго онъ состоялъ, доносилъ генералу-губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову, въ концѣ октября 1827 года, что Враницкій „по болѣзненному состоянію съ трудомъ встаетъ съ постели, въ пищу употребляетъ ломоть чернаго хлѣба съ квасомъ въ сутки, и то тогда когда принесутъ, самъ, если не подадутъ, хотя бы болѣе сутокъ прошло уже, не попроситъ; другихъ припасовъ покупать не приказываетъ и денегъ на сіе не выдаетъ, а когда

его спросятъ: не угодно ли чего нибудь?—то отъ него услышатъ лишь отзывъ: сами знаете—а болѣе ни слова".

20-го марта 1830 года графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири И. А Вельяминова, что, вслѣдствіе донесенія Тобольскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нагибина о жалостномъ положеніи поселеннаго въ Пелымѣ государственнаго преступника Враницкаго, онъ имѣлъ счастіе докладывать о семъ всеподданнѣйше Государю Императору, и Его Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣть изволилъ: „перевесть Враницкаго въ другой городъ, поюжнѣе".

На основаніи послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія Враницкій, по распоряженію главнаго начальника края, переведенъ былъ на жительство въ г. Ялуторовскъ. Несмотря на лучшія климатическія условія мѣстности, болѣзненное состояніе и душевное его настроеніе не измѣнились къ лучшему. Въ концѣ декабря 1831 года посѣтили квартиру его Ялутворскій городничій и капитанъ корпуса жандармовъ Алексѣевъ, съ цѣлью узнать отъ больнаго не желаетъ ли онъ о чемъ либо просить высшее начальство къ улучшенію своего положенія, но больной, какъ донесли опрашивавшіе его должностныя лица, на многіе дѣлаемые ему вопросы или вовсе ничего не отвѣчалъ или же отвѣчалъ: „все предоставляю милости и милосердію Его Императорскаго Величества, будучи совершенно увѣренъ, что Высочайшая милость для меня, по моей ничтожной просьбѣ, не иначе можетъ послѣдовать, какъ по милостивѣйшему представленію генералъ-губернатора". Въ скоромъ времени, послѣ посѣщенія Алексѣева, Враницкій, устрашившись, чтобы его молчаніе на многіе заданные ему вопросы, а также уклончивые его отвѣты, на нѣкоторые изъ вопросовъ, ему предложенныхъ Алексѣевымъ и городничимъ, не были истолкованы какъ упрямство съ его стороны, писалъ городничему: „съ ужасомъ въ несчастномъ сердцѣ моемъ, по разнымъ обстоятельствамъ, сталъ я угадывать, что мой отвѣтъ данный жандармскому офицеру имѣлъ, вѣроятно, несчастіе быть принятымъ генералъ-губернаторомъ за упрямство съ моей стороны. Ежели я такъ несчастливъ, то сдѣлайте милость не откажите, ради Бога, представить Его Высокопревосходительству что въ минуту, когда я давалъ отвѣтъ, и мысли упрямства въ несчастной душѣ моей не родилось. Надѣюсь, что самое поведеніе мое можетъ быть свидѣтельствомъ, что я собственной воли имѣть не желаю, но стараюсь, сколько въ моихъ силахъ, повиноваться всему начальствомъ мнѣ повелѣнному. Гдѣ мнѣ несчастному, давно морально мертвому человѣку, быть еще упрямымъ? Единственная моя просьба: всемилостивѣйшее

прощеніе преступленій моихъ и Высочайшая милость удостоиться счастія быть, по прежнему, вѣрнымъ и отъ всей души моей Его Императорскаго Величества приверженнымъ слугою".

Въ 1830 и 1831 годахъ, съ Высочайшаго соизволенія, Враницкій получалъ по 1000 р. ассигнаціями въ годъ изъ имѣній сосланнаго въ Тобольскъ на поселеніе, съ лишеніемъ графскаго и дворянскаго достоинствъ, бывшаго Виленскаго губернскаго маршала Мошинскаго.

Въ началѣ же 1832 года. за прекращеніемъ выдачи пособій изъ имѣній Мошинскаго, по причинамъ совершенно независящимъ отъ самаго Мошинскаго, положеніе Враницкаго значительно ухудшилось, повліявъ на болѣзненное его состояніе. Такое бѣдственное положеніе Враницкаго, лишеннаго за недостаткомъ средствъ необходимаго для пропитанія и одежды, вынудило Тобольскаго губернатора Сомова ходатайствовать передъ генераломъ-губернаторомъ Западной Сибири, И. А. Вельяминовымъ, о разрѣшеніи выдавать ему вновь кормовое довольствіе, въ размѣрѣ солдатскаго пайка, изъ запасныхъ магазиновъ, а также и о дозволеніи выдать ему зимнюю и лѣтнюю одежду по установленному росписанію для нуждающихся государственныхъ преступниновъ. Губернаторъ Сомовъ доносилъ начальнику края, что „Враницкій имѣетъ крайній недостатокъ въ содержаніи себя, а помощи въ томъ ни откуда не имѣетъ и что до сего времени имѣлъ онъ только возможность въ содержаніи отъ присылаемыхъ ему денегъ, выручаемыхъ за продаваемыя его вещи". Въ апрѣлѣ 1832 г. генералъ-губернаторъ Западной Сибири И. А. Вельяминовъ разрѣшилъ выдачу Враницкому солдатскаго пайка и полнаго комплекта зимней и лѣтней одежды.

За все время жизни на поселеніи Враницкій аттестовался въ поведеніи какъ мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ, такъ и Тобольскими губернаторами „весьма хорошо".

2-го декабря 1832 года, послѣ продолжительной болѣзни, Враницкій умеръ въ Ялуторовскѣ. Все имущество какое осталось послѣ его смерти приведено было въ извѣстность Ялуторовскимъ городничимъ и затѣмъ, по приказанію управляющаго Тобольскою губерніею А. Н. Муравьева, доставлено было изъ Ялуторовска въ Тобольскъ и сдано губернскому правленію на храненіе, до разрѣшенія продажи этого имущества съ аукціона.

Единственнымъ близкимъ человѣкомъ къ Враницкому въ Ялуторовскѣ, былъ Ентальцевъ, принадлежавшій также къ Южному обществу и почти одновременно съ нимъ переведенный изъ Березова въ Ялуторовскъ. По смерти товарища своего по несчастью Енталь-

цевъ подалъ заявленіе Тобольскому губернатору о томъ, что Враницкій изъявлялъ, неоднократно, при своей жизни, желаніе передать карманные свои часы престарѣлому отцу своему, находящемуся въ Богеміи, но всегда боялся это исполнить, такъ какъ отецъ ничего не зналъ о постигшемъ его несчастіи, а онъ боялся ему объявить все свое несчастіе, тщательно скрывая свою печальную участь; но если же послѣ смерти воля Враницкаго будетъ исполнена, то, естественно, благодарность отца будетъ неизъяснима". Это заявленіе Ентальцева сообщено было А. Н. Муравьевымъ генералу губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову, которымъ тогда же испрошены были указанія отъ графа Бенкендорфа, какъ о возможности передачи часовъ отцу умершаго Враницкаго, такъ и относительно продажи съ аукціона остальнаго имущества, оставшагося послѣ смерти государственнаго преступника. Графъ Бенкендорфъ выразилъ свое согласіе на передачу часовъ отцу Враницкаго и на продажу оставшагося имущества, а потому часы были пересланы къ старику Враницкому черезъ русское посольство въ Вѣнѣ, съ извѣстіемъ о смерти его сына на поселеніи въ Сибири, а имущество, состоявшее исключительно изъ бѣлья и разнаго рода одежды продано было съ аукціона за 246 руб. ассигнаціями, и Тобольскимъ губернскимъ правленіемъ сдѣланъ былъ вызовъ, по публикаціи, наслѣдниковъ для предъявленія ими правъ на открывшееся наслѣдство.

ГЛАВА IV.

Фохтъ.—Поселеніе въ Березовѣ. — Просьба его объ оказаніи пособія для пропитанія.—Составленная Тобольскимъ губернаторомъ Бантышъ-Каменскимъ табель зимней и лѣтней одежды для государственныхъ преступниковъ.—Переводъ на поселеніе въ Курганъ.—Доносъ кн. Друцкаго-Горскаго.—Болѣзнь и занятія на поселеніи.—Вспомоществованіе кн. Маріи Николаевны Волконской.—Смерть.—Аттестація въ поведеніи.

И. Ф. Фохтъ, штабсъ-капитанъ Азовскаго пѣхотнаго полка, принадлежалъ къ Южному обществу, преданный Верховному уголовному суду и признанный виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ его цѣли, указомъ правительствующаго сената отъ 13 іюля 1326 года отнесенъ былъ къ восьмому разряду государственныхъ преступниковъ и присужденъ къ лишенію чиновъ, дворянства и къ вѣчной ссылкѣ на поселеніе. Указомъ, даннымъ правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, по поводу смягченія наказанія государственнымъ преступникамъ, сужденнымъ Верховнымъ уголовнымъ су-

домъ, оставленъ на поселеніи на 20 лѣтъ. Прибывъ 22 августа 1826 года въ городъ Тобольскъ, онъ немедленно былъ отправленъ Тобольскимъ губернаторомъ Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ, подъ надзоромъ квартальнаго надзирателя и двухъ жандармовъ, на поселеніе въ г. Березовъ, куда онъ былъ назначенъ Высочайшею властью. Не имѣя въ Россіи родственниковъ, которые были бы въ состояніи помогать ему матеріально, онъ оказался на мѣстѣ поселенія въ такомъ бѣдственномъ положеніи, за неимѣніемъ средствъ къ поддержанію своего существованія, что вынужденъ былъ обратиться къ Тобольскому губернатору Д. Н. Бантышъ-Каменскому съ просьбой: „по малолюдству города, неимѣніи никакихъ работъ и потому поставленному въ невозможность снискивать себѣ пропитаніе, назначить ему средства къ пропитанію". Начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества генералъ Дибичъ, у котораго Тобольскимъ губернаторомъ Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ испрашивались указанія о способахъ къ вспомоществованію Фохту, увѣдомилъ Тобольскую администрацію, что ей слѣдуетъ въ подобныхъ случаяхъ обращенія государственныхъ преступниковъ за пособіями отъ казны руководствоваться сообщенными уже ей Высочайше утвержденными правилами относительно преступниковъ, сосланныхъ по приговору Верховнаго уголовнаго суда, въ которыхъ указаны тѣ способы вспомоществованій, какія можетъ оказывать правительство нуждающимся преступникамъ. На основаніи сдѣланныхъ указаній Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ предложено было Березовскому окружному начальнику выдавать Фохту изъ Березовскаго хлѣбозапаснаго инородческаго магазина муку, крупу и соль въ размѣрѣ солдатскаго пайка, съ тѣмъ, чтобы израсходованные на это довольствіе денежныя суммы изъ инородческаго хлѣбозапаснаго капитала возмѣщались изъ общей по губерніи экстраординарной суммы. Въ виду же сдѣланнаго Фохтомъ заявленія о томъ, что нужда его такъ велика, и онъ не имѣетъ одежды, Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ, составлена была особая табель какъ лѣтней, такъ и зимней крестьянской одежды, съ показаніемъ заготовительной цѣны, по которой должны были удовлетворяться государственные преступники, нуждающіеся въ одѣяніи. Эта табель заключала въ себѣ слѣдующія предметы:

Зимняя одежда:

1) Тулупъ русскихъ овчинъ..... 18 руб.
2) Шапка..... 2 „ 50 к.
3) Рукавицы съ варегами..... 1 „ 75 „

4) Бродни	5	„	50 „
5) Чулки шерстяные	1	„	—
6) Опояска шерстяная	1	„	25 „
7) Рубашка съ портами	3	„	20 „
Итого	33 р.		20 к. ассигнац.

Лѣтняя одежда.

1) Зипунъ крестьянскаго сукна	9 руб.		
2) Шапка	2	„	50 к.
3) Рукавицы простыя	1	„	25 „
4) Бродни съ анучами	6	„	—
5) Рубашка съ портами	3	„	20 „
Итого	21 р.		95 к. ассигнац.

Табель эта представлена была Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ на утвержденіе главнаго управленія Западной Сибири, которое, утвердивъ ее, дало знать Тобольской администраціи что срокъ носки какъ зимней такъ и лѣтней одежды для государственныхъ преступниковъ назначается годовой, и что Фохту, какъ нуждающемуся въ одѣяніи, надлежитъ выдавать ежегодно полный комплектъ одежды.

По утвержденіи табели, Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ сдѣлано было распоряженіе о заготовленіи полнаго комплекта одежды въ Тобольскѣ и объ отправленіи ея въ Березовъ для удовлетворенія нуждъ Фохта, съ отнесеніемъ расходовъ по заготовленію на счетъ главнаго казначейства. Этою крестьянскою одеждою, по утвержденной табели, удовлетворялись и другіе нуждавшіеся въ пособіи государственные преступники по 1835 годъ, т. е. до времени воспослѣдованія особыхъ всемилостивѣйшихъ правилъ объ оказаніи денежныхъ пособій государственнымъ преступникамъ.

Одинокая жизнь Фохта на поселеніи въ половинѣ 1828 года, съ прибытіемъ на поселеніе съ Березовъ Ентальцева и Черкасова, отбывшихъ годичный срокъ въ каторжныхъ работахъ, измѣнилась къ лучшему; домъ Ентальцевыхъ, оживляемый гостепріимною хозяйкою Александрою Васильевною, прибывшею въ Березовъ вслѣдъ за мужемъ, служилъ мѣстомъ объединенія товарищей по несчастію. Однако суровый климатъ Березова вскорѣ сталъ оказывать неблагопріятное вліяніе на здоровье И. Ф. Фохта, что и заставило его обратиться съ просьбою къ графу Бенкендорфу объ исходатайствованіи ему права переселенія въ другую мѣстность съ лучшими климатическими условіями.

7-го октября 1829 года графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генералъ губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминова, что поселенный въ Березовѣ преступникъ Фохтъ, „страдающій отъ жестокаго тамошняго климата и отъ разныхъ лишеній, грудною водяною болѣзнію и мучительными слѣдствіями сего пагубнаго недуга“, обратился къ нему съ убѣдительною просьбою исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе о переводѣ его на поселеніе въ лучшее мѣсто, гдѣ онъ надѣялся бы получить облегченіе отъ мучительной своей болѣзни. При этомъ графъ Бенкендорфъ далъ знать генералу Вельяминову, что по всеподданнѣйшему его докладу о Фохтѣ Его Императорское Величество изъявилъ Высочайшее соизволеніе на переводъ Фохта, если только генералъ-губернаторъ Западной Сибири не найдетъ къ сему препятствій.

21 декабря 1829 года И. А. Вельяминовъ предложилъ Тобольскому губернатору В. А. Нагибину, въ виду послѣдовавшаго Высочайшаго соизволенія, перевести Фохта на жительство въ г. Курганъ. Этотъ переводъ, по болѣзненному состоянію, въ которомъ находился Фохтъ, не могъ однако скоро осуществиться, и телько черезъ годъ, именно 31 декабря 1830 года, Фохтъ, совершенно больной, привезенъ былъ изъ Березова въ Тобольскъ для отправленія его на мѣсто водворенія. Не будучи въ состояніи далѣе продолжать путь, въ Тобольскѣ Фохтъ помѣщенъ былъ для излѣченія въ больницу приказа общественнаго призрѣнія, въ которой и содержался до 8-го марта 1830 года, т. е. до времени отправленія его въ Курганъ подъ присмотромъ казака Тобольскаго городоваго полка.

Несмотря на скромную жизнь во время пребыванія въ Березовѣ, которую велъ И. Ф. Фохтъ, переполненную лишеніями по бѣдному и безпомощному положенію, какъ по недостатку матеріальныхъ средствъ, такъ и по недостатку медицинскихъ пособій, а также несмотря на хорошую аттестацію въ поведеніи Тобольской администраціи, подъ надзоромъ которой онъ состоялъ, онъ, въ числѣ другихъ товарищей своихъ по ссылкѣ, одновременно съ нимъ находившихся на поселеніи въ Березовѣ, Ентальцевымъ и Черкасовымъ, оклеветанъ, былъ доносомъ князя Друцкаго-Горскаго, также находившагося на жительствѣ въ Березовѣ, въ мятежническихъ замыслахъ противъ правительства. Къ благополучію обвиняемыхъ назначенное генераломъ-губернаторомъ Западной Сибири И. А. Вельяминовымъ разслѣдованіе по доносу попало въ руки добросовѣстныхъ исполнителей, и всѣ обвиненія, какія возведены были княземъ Друцкимъ-Горскимъ, признаны были, какъ лицами производившими дознаніе на мѣстѣ, такъ и главнымъ начальствомъ края, совершенно недобросовѣстными, имѣвшими цѣлью, изъ

личной злобы, лишь усугубить бѣдствія и безъ того угнетенныхъ судьбою несчастливцевъ.

Послѣ годичнаго пребыванія своего въ Курганѣ Фохтъ обратился къ генералу Вельяминову съ просьбою разрѣшить ему пріѣхать на нѣкоторое время въ Тобольскъ, гдѣ находился лютеранскій пасторъ, „такъ какъ уже нѣсколько лѣтъ, со времени нахожденія въ ссылкѣ, онъ не можетъ пользоваться утѣшеніями въ религіи и потребностями души къ исполненію христіанскаго долга“. Эта просьба представлена была генераломъ Вельяминовымъ графу Бенкендорфу, которѣй 26 мая 1831 г., далъ знать, что Его Величество Всемилостивѣйше соизволилъ дозволить Фохту прибыть въ Тобольскъ на три дня для исполненія обрядовъ религіи по лютеранскому вѣроисповѣданію у находящагося въ въ Тобольскѣ пастора Вальтера. Воспользовавшись Высочайше разрѣшенною поѣздкою въ Тобольскъ и возвратясь въ Курганъ, И. Ф. Фохтъ впалъ опять въ болѣзненное состояніе и за неимѣніемъ на мѣстѣ медика, который могъ бы слѣдить за ходомъ его болѣзни, сталъ вновь проситься въ Тобольскъ для излеченія и для сдѣланія ему операціи, такъ какъ, по свидѣтельству медиковъ, онъ страдаетъ костоѣдою въ большемъ пальцѣ лѣвой ноги. Просимая поѣздка была разрѣшена генераломъ Вельяминовымъ собственною властью, въ виду дѣйствительно безпомощнаго положенія больнаго въ Курганѣ, а потому, прибывъ въ началѣ марта 1832 г. въ Тобольскъ для операціи, онъ оставался тамъ до іюля мѣсяца, а затѣмъ отправленъ былъ въ Курганъ подъ полицейскимъ присмотромъ. По болѣзненному же состоянію, ему разрѣшена была въ 1835 году генераломъ-губернаторомъ Западной Сибири Н. С. Сулимою поѣздка на 2 лѣтнихъ мѣсяца для лѣченія на цѣлебныя грязи, находящіяся въ Курганскомъ округѣ въ Арлагульской волости, въ 70 верстахъ отъ г. Кургана.

Во время жизни своей на поселеніи въ Западной Сибири И. Ф. Фохтъ занимался преимущественно лѣченіемъ другихъ, обзаведясь аптекою; этимъ занятіемъ, благодаря удачному лѣченію, онъ доставлялъ себѣ средства къ существованію, не отказываясь никогда подать безвозмездную помощь совѣтами и медицинскими пособіями бѣднымъ жителямъ, къ нему обращавшимся. Матеріально бѣдственное положеніе И. Ф. Фохта съ 1835 года нѣсколько измѣнились къ лучшему, какъ по тому что съ этого времени онъ сталъ получать пособіе отъ казны въ размѣрѣ 200 р. ассигнаціями, согласно послѣдовавшей Высочайшей милости, дарованной государственнымъ и политическимъ преступникамъ, такъ и потому что съ 1835 г. по 1840 г. онъ получалъ ежегодное денежное пособіе отъ княгини Маріи Николаевны Вол-

конской, по 300 р. ассигнаціями, причемъ эти деньги препровождаемы были Иркутскимъ губернаторомъ генералу-губернатору Западной Сибири для выдачи ихъ государственному преступнику „въ видѣ подаянія“. Затѣмъ въ 1836 и 1837 годахъ онъ получилъ по порученію Марьи Николаевны отъ брата ея Александра Николаевича Раевскаго изъ Москвы 1000 руб. ассигнаціями, а въ 1839 году 500 р. отъ Екатерины Николаевны Орловой, сестры княгини Марьи Николаевы Волконской. Получивъ въ іюнѣ 1835 года 15-ти десятинный участокъ земли близъ города Кургана для занятія земледѣліемъ, онъ какъ по болѣзненному своему состоянію, а также въ виду уже избранной имъ себѣ медицинской профессіи, не занимался сельскимъ хозяйствомъ и участокъ свой отдавалъ въ пользованіе другимъ своимъ товарищамъ, находившимся въ Курганѣ.

Въ 1842 году И. Ф. Фохтъ умеръ въ Курганѣ, послѣ продолжительной хронической болѣзни, оставивъ по себѣ добрую память среди населенія, которому онъ неоднократно помогалъ безвозмезднымъ леченіемъ.

Въ продолженіе 16-ти лѣтняго своего пребыванія на поселеніи въ Западной Сибири И. Ф. Фохтъ всегда аттестовался въ поведеніи хорошо, какъ мѣстною городскою полиціею, такъ и Тобольскими губернаторами.

ГЛАВА V.

Семеновъ.—Ссылка въ Сибирь „для употребленія его на службу“.—Назначеніе на службу въ Усть-каменогорскъ.—Доносъ Жуковскаго о шайкѣ гражданскихъ чиновниковъ въ Омскѣ, употребляющей разныя средства къ разрушенію общественнаго спокойствія.—Отзывъ генерала-губернатора Вельяминова о доносѣ.—Сопровожденіе Семеновымъ по Омской области Гумбольдта.—Высочайшее повелѣніе о переводѣ Семенова на службу въ отдаленное мѣсто безъ права выѣзда.—Переводъ въ Туринскъ.—Назначеніе на службу въ г. Омскъ и затѣмъ въ Тобольскъ.—Состояніе подъ надзоромъ; аттестація въ поведеніи.—Смерть.—Память объ немъ въ Западной Сибири.

Степанъ Михайловичъ Семеновъ родился въ 1789 году, происходилъ изъ духовнаго званія, воспитывался въ Орловской семинаріи и по окончаніи курса семинарскаго, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 24 Іюня 1810 года, выключенъ былъ изъ духовнаго званія, по изъявленіи имъ желанія поступить въ университетъ. Въ 1810 году онъ поступилъ въ Московскій университетъ въ число своекоштныхъ студентовъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1814 году, будучи удостоенъ степени

кандидата этико-политическихъ наукъ. Въ 1816 г., 25 іюля, Степанъ Михайловичъ удостоенъ былъ, по выдержаніи экзамена, степени магистра этико-политическаго отдѣленія, оставаясь при Московскомъ университетѣ до 1819 года; въ этомъ году онъ былъ уволенъ изъ университета и поступилъ на службу въ департаментъ духовныхъ дѣлъ, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, гдѣ занималъ сначала должность старшаго помощника столопачальника, а затѣмъ былъ назначенъ столоначальникомъ; сверхъ этихъ должностей онъ управлялъ канцеляріею высочайше учрежденной коммиссіи для приведенія въ ясность счетовъ по построенію С.-Петербургскаго Казанскаго собора.—Въ 1822 году, по высочайшему повелѣнію, Степанъ Михайловичъ былъ командированъ для производства слѣдствія по секретному дѣлу особой важности; эта командировка продолжалась 3 года и только 18 января 1825 года, за окончаніемъ слѣдствія и за представленіемъ всеподданнѣйшаго донесенія по порученному дѣлу, онъ былъ, по высочайшему повелѣнію объявленному графомъ Аракчеевымъ, возвращенъ къ прежней должности въ департаментъ духовныхъ дѣлъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1825 года онъ былъ назначенъ экспедиторомъ въ гражданскую канцелярію генерала-губернатора.—За принятіе участія въ дѣлахъ „тайнаго общества“, въ которомъ онъ былъ секретаремъ, по высочайшему повелѣнію, выдержанъ былъ въ 1826 году, четыре мѣсяца въ крѣпости, а затѣмъ, по Высочайшему же повелѣнію отъ 26 Октября 1826 года, высланъ былъ въ Западную Сибирь „для употребленія его на службу“ безъ лишенія чиновъ.—19 Ноября 1826 года Степанъ Михайловичъ прибылъ въ г. Омскъ и 30 Ноября того же года управлявшимъ Омскою областью генераломъ-лейтенантомъ Де-Сентъ-Лораномъ опредѣленъ былъ въ штатъ канцеляріи Омскаго общаго областнаго управленія, а 1 Февраля 1827 года приказомъ Де-Сентъ-Лорана назначенъ былъ Устькаменогорскимъ окружнымъ судьею.—Бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ Западной Сибири генералъ отъ артиллеріи П. М. Капцевичъ призналъ однако такое назначеніе Семенова на должность судьи совершенно невозможнымъ и потому подлежащимъ отмѣнѣ,—на томъ основаніи, какъ писалъ въ предложеніи своемъ П. М. Капцевичъ Де-Сентъ-Лорану, что Семеновъ „присланъ въ Сибирь въ наказаніе, а наказаніе не иначе облегчается какъ по заслугамъ, давать же Семенову классное мѣсто судьи—значитъ его награждать, а потому онъ, какъ начальникъ края, до тѣхъ поръ не считаетъ возможнымъ давать Семенову какой либо классной должности, пока онъ, на самомъ дѣлѣ, не докажетъ своего усердія“; при этомъ П. М. Капцевичъ предлагалъ перевести Семенова въ Устькаменогорскъ же на должность

канцелярскаго чиновника.—Прослуживъ въ должности судьи всего два мѣсяца Степанъ Михайловичъ, согласно предложенію начальника края, приказомъ начальника Омской области Де-Сентъ-Лорана назначенъ былъ на должность столоначальника Устькаменогорскаго окружнаго управленія, а въ концѣ 1827 года переведенъ былъ въ Омскъ, съ причисленіемъ къ общему областному управленію. Однако недолго Семенову пришлось оставаться въ Омскѣ, вскорѣ же по его прибытіи къ новому мѣсту служенія, а именно въ концѣ же 1827 года, сдѣланъ былъ доносъ на него служившимъ въ Омскѣ офицеромъ Жуковскимъ. Въ этомъ доносѣ, посланномъ графу Бенкендорфу, указывалось что будто бы въ Омскѣ составилась шайка изъ гражданскихъ чиновниковъ, употребляющая разныя средства къ разрушенію общественнаго спокойствія. „Лицо—управляющее вредными дѣйствіями, нарушающими порядокъ—есть нѣкто Семеновъ, тотъ самый, который былъ въ тайномъ обществѣ въ числѣ государственныхъ преступниковъ. Онъ вреднымъ своимъ умомъ и хитрыми происками не только достигъ до того, что вызванъ въ Омскъ, вопреки назначенію бывшаго генералъ-губернатора, отправившаго его въ отдаленное мѣсто, въ Устькаменогорскъ, но успѣлъ даже снискать общую благосклонность, подобравъ шайку областныхъ чиновниковъ и нѣсколько мѣсяцевъ дѣйствуетъ съ большею самостоятельностью. Черезъ него благомыслящіе оставили всякое знакомство: ибо встрѣча съ симъ коварнымъ человѣкомъ причиняетъ отвращеніе. Всѣ единогласно говорятъ, что для возстановленія порядка должно Семенова удалить, но шайка имъ подобранная защищаетъ его въ глазахъ начальства, которое не знаетъ гнуснаго поведенія сего человѣка. Ревностный соучастникъ Семенова въ поступкахъ и одинаковаго съ нимъ образа мыслей нѣкто Сушинъ, живущій въ г. Омскѣ". Эта записка Жуковскаго доложена была графомъ Бенкендорфомъ Его Императорскому Величеству и по высочайшему повелѣнію, 17 января 1828 года, графомъ Бенкендорфомъ затребовано было заключеніе по существу записки отъ только что вновь назначеннаго генераломъ-губернаторомъ Западной Сибири И. А. Вельяминова.

Генералъ Вельяминовъ не придалъ никакого значенія доносу Жуковскаго и, получивъ отъ графа Бенкендорфа запросъ по почтѣ 27 Апрѣля, въ тотъ же день донесъ графу, что „сколь ему извѣстно въ Омскѣ не могло составиться зловредной шайки гражданскихъ чиновниковъ, а причина доноса офицера Жуковскаго ссора военныхъ съ гражданскими чиновниками, изъ каковой ссоры вредныхъ послѣдствій произойти не можетъ; Семеновъ, вызванный въ Омскъ, высланъ уже давно въ Устькаменогорскъ начальникомъ области, а Сушинъ

отправленъ въ С.-Петербургъ приставомъ при Киргизской депутаціи, Сульпанѣ Ючинѣ, а потому не благоугодно ли будетъ графу самому обратить вниманіе на поведеніе Сушина и его образъ мыслей, во время пребыванія его въ С.-Петербургѣ вмѣстѣ съ депутаціей.

Дѣйствительно, еще до запроса сдѣланнаго графомъ Бенкендорфомъ, приказомъ начальника Омской области, отъ 6 Февраля 1828 года, Семеновъ „обращенъ былъ вторично къ прежней должности столоначальника устькаменогорскаго окружнаго управленія". Сдѣланный Жуковскимъ доносъ, признанный генераломъ-губернаторомъ совершенно неосновательнымъ и вымышленнымъ, не имѣлъ никакого вліянія на дальнѣйшую судьбу Степана Михайловича и на измѣненія условій его жизни въ Сибири.

Въ 1829 году, по порученію Де - Сентъ - Лорана, Степанъ Михайловичъ сопровождалъ по Омской области путешественниковъ барона Александра Гумбольдта, Эренберга и Розе. Это порученіе, а также особое благосклонное вниманіе, какое оказывалъ начальникъ области государственному преступнику, признано было совершенно несоотвѣтствующимъ тому положенію какое должно занимать сосланные въ Сибирь въ наказаніе, а потому по Высочайшему повелѣнію, объявленному генералу-губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову графомъ Бенкендорфомъ, приказано было: „употребить Семенова, по усмотрѣнію генерала-губернатора Западной Сибири, на службу въ отдаленноаъ мѣстѣ безъ права выѣзда". Въ исполненіе такого высочайшаго повелѣнія, Семеновъ, по распоряженію генерала-губернатора, назначенъ былъ на жительство въ гор. Туринскъ, гдѣ онъ 29 марта 1830 года и опредѣленъ былъ по распоряженію Тобольскаго губернатора Сомова въ число канцелярскихъ служителей Туринскаго окружнаго суда. Въ этой должности Степанъ Михайловичъ пробылъ восемь лѣтъ и только по высочайшему повелѣнію, объявленному графомъ Бенкендорфомъ 9-го Февраля 1838 года генералъ-губернатору Западной Сибири князю Горчакову, разрѣшено было опредѣлить Семенова въ Западной Сибири къ штатной должности соотвѣтствующей его чину, но съ продолженіемъ за нимъ надзора. 17 Октября 1838 года Степанъ Михайловичъ былъ назначенъ княземъ Горчаковымъ въ столоначальники во 2-е отдѣленіе канцеляріи главнаго управленія Западной Сибири, а 12 Мая 1839 года, по ходатайству князя Горчакова, Государь Императоръ всемилостивѣйше изволилъ изъявить свое согласіе о представленіи въ Правительствующій Сенатъ, какъ о производствѣ Семенова въ слѣдующій чинъ, но безъ отдачи ему старшинства, такъ и на дальнѣйшее награжденіе его установленнымъ поряд-

камъ. 6-го Іюля 1841 года Степанъ Михайловичъ назначенъ былъ совѣтникомъ въ пограничное управленіе сибирскихъ киргизовъ, а въ 1843 году переведенъ былъ на должность совѣтника тобольскаго губернскаго правленія, гдѣ и оставался на службѣ въ продолженіи почти десяти лѣтъ, до своей смерти, дослужившись до чина статскаго совѣтника.

Въ продолженіи всего 20-тилѣтняго періода нахожденія своего въ Сибири, несмотря на значительныя служебныя посты въ сферѣ губернской администраціи, какія занималъ Степанъ Михайловичъ въ разное время, онъ до самой смерти находился подъ надзоромъ на общемъ основаніи съ другими государственными преступниками и аттестовался въ поведеніи „особенно хорошо“ всѣми губернаторами, при которыхъ служилъ.

Въ Тобольскомъ губернскомъ правленіи, въ которомъ послѣднее десятилѣтіе своей жизни служилъ Степанъ Михайловичъ, сохранилось самое лучшее объ немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ и чиновникѣ со стойкими, независимыми и честными убѣжденіями. Эта твердость убѣжденій, которою онъ не поступался ни предъ мнѣніями своихъ сослуживцевъ, ни предъ предложеніями губернаторовъ и предписаніями генералъ-губернаторовъ, часто порождало непріятныя для него служебныя столкновенія. Къ характеристикѣ личности Семенова нельзя не упомянуть, что во все время служенія своего въ Сибири онъ не только никогда не падѣвалъ мундира, но даже не имѣлъ ни мундира, ни вицъ-мундира, а всегда являлся на службу въ черномъ сюртукѣ, а зимою вмѣсто шубы носилъ овчинный тулупъ. Умеръ Степанъ Михайловичъ послѣ продолжительной болѣзни отъ заворота кишекъ.

Степанъ Михайловичъ умеръ холостымъ; ближайшимъ ему родственникомъ, съ которымъ онъ поддерживалъ сношенія, былъ братъ Василій Михайловичъ, служившій старшимъ учителемъ въ Тверской губернской гимназіи и присылавшій брату своему въ Сибирь, до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ классной должности съ достаточнымъ содержаніемъ для поддержанія своего существованія, по 200 руб. асигнаціями въ годъ.

Похороненъ Степанъ Михайловичъ въ Тобольскѣ на городскомъ Завальномъ кладбищѣ, недалеко отъ кладбищенской церкви Семи Отроковъ: на могилѣ его лежитъ чугунная плита съ надписью:

„Здѣсь покоится прахъ статскаго совѣтника Степана Михайловича Семенова, родившагося 27 декабря 1789 года, скончавшагося 10 Іюня 1852 года“.

ГЛАВА VI.

Башмаковъ.—Поселеніе въ Тарскомъ округѣ.—Бѣдственное положеніе.—Пособіе отъ казны и отъ частныхъ лицъ.—Переводъ въ Тобольскъ.—Высочайшее соизволѣніе о возвращеніи на жительство во внутреннія губерніи Россіи.—Просьба Башмакова объ оставленіи его въ Тобольскѣ.—Занятіе на поселеніи, аттестація въ поведеніи.—Смерть.

Флегонтъ Мироновичъ Башмаковъ поступилъ въ военную службу въ 1794 году; будучи въ чинѣ полковника артиллеріи, за совершенное имъ по службѣ преступленіе—растрату суммъ, по Высочайшей конфирмаціи разжалованъ былъ въ рядовые Черниговскаго пѣхотнаго полка, до выслуги, безъ лишенія дворянства. За принятіе участія въ мятежѣ 1825 года, былъ взятъ въ числѣ другихъ преступниковъ въ бывшій Верховный уголовный судъ, а затѣмъ по конфирмаціи главнокомандующаго 1-ою арміею, за знаніе о существованіи въ Россіи тайнаго общества и за принадлежность къ этому обществу, лишенъ былъ дворянскаго достоинства и сосланъ въ 1828 году на поселеніевъ Западную Сибирь, гдѣ, по распоряженію генерала-губернатора И. А. Вельяминова, Тобольскимъ приказомъ о ссыльныхъ назначенъ, съ 24 августа 1828 года, на поселеніе въ Рыбинскую волость, Тарскаго округа, Тобольской губерніи. Будучи сосланнымъ на поселеніе уже въ преклонныхъ годахъ, почти 60 лѣтъ, не имѣя никакого состоянія и по неспособности ни къ какому труду, Башмаковъ весьма нуждался въ матеріальныхъ средствахъ для поддержанія своего существованія на мѣстѣ поселенія. Въ Россіи у него не было никого изъ близкихъ состоятельныхъ родственниковъ, которые могли бы ему помогать; престарѣлая мать его, оставшаяся въ Казани, будучи стѣснена также въ матеріальныхъ средствахъ не могла тоже оказывать ему никакого пособія. По снисхожденію къ его преклоннымъ годамъ, неспособности къ занятію земледѣліемъ и вообще какимъ либо физическимъ трудомъ, Тобольскою администраціею разрѣшено было ему проживать не на мѣстѣ причисленія въ Рыбинской волости, а въ городѣ Тарѣ, гдѣ онъ и оставался до 1845 года.

Въ первые годы жизни на поселеніи единственными средствами его къ существованію были тѣ незначительныя денежныя пособія, какія онъ получалъ отъ разныхъ лицъ, сосланныхъ въ Сибирь по приговору Верховнаго уголовнаго суда и находившихся въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ Но какъ и матеріальныя средства лицъ судженныхъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ были ограничены Высочайше

утвержденными правилами, на основаніи которыхъ каждый изъ ссыльныхъ могъ получать отъ родственниковъ своихъ изъ Россіи не болѣе тысячи рублей ассигнаціями въ годъ, то естественно, что эти лица, по незначительности вообще денежныхъ средствъ, находившихся въ ихъ распоряженіи, не могли удѣлять Башмакову необходимаго пособія для безбѣднаго его существованія. За все время проведенное въ ссылкѣ, т. е. въ продолженіи 40 лѣтъ, наибольшее денежное пособіе получено было Башмаковымъ въ 1835 году, въ размѣрѣ 200 руб. ассигнаціями отъ княгини Марьи Николаевны Волконской, много вообще помогавшей нуждавшимся изъ сосланныхъ по приговору Верховнаго уголовнаго суда. Эти деньги представлены были княгиней Волконской Иркутскому губернатору, которымъ онѣ и были препровождены къ генералу-губернатору Западной Сибири, съ вычетомъ узаконенныхъ процентовъ въ пользу почты, *для выдачи въ видѣ подаянія преступнику Башмакову.*

Когда, въ концѣ 1835 года, послѣдовало Высочайшее соизволеніе о выдачѣ изъ казны по 200 р. ассигнаціями въ годъ тѣмъ государственнымъ преступникамъ, которые ни какой отъ родственниковъ своихъ изъ Россіи помощи не получаютъ, Башмаковъ подалъ бывшему генералъ-губернатору Западной Сибири Н. С. Сулимѣ прошеніе, ходатайствуя о выдачѣ ему денежнаго пособія.

„По воспослѣдовавшему въ 1825 году въ Россіи возмущенію“,— писалъ Башмаковъ въ своемъ прошеніи—„въ числѣ настоящихъ преступниковъ взятъ былъ я въ бывшій Верховный уголовный судъ, въ чемъ не будучи участенъ не мало уличенъ, и самыхъ на меня ни отъ кого не было доказательствъ, но по Высочайшей конфирмаціи сосланъ въ Сибирь на поселеніе *единственно потому подозрѣнію, что я находился на службѣ у самыхъ злонамѣренныхъ преступниковъ.* Съ самаго поселенія меня въ Рыбинскую волость, я не водворился, ибо не имѣю ни состоянія, ни способности къ сельскимъ занятіямъ. Будучи обремененъ болѣзненными припадками и въ продолженіи службы будучи неоднократно раненъ противъ непріятелей, при старости лѣтъ едва нахожу себѣ дневное пропитаніе. Ваше Высокопревосходительство! Крайность всѣхъ терпимыхъ мною положеній, объятыхъ бѣдностью моей, безъ всякаго пособія ни со стороны родственниковъ, ни со стороны пріятелей, побудило меня прибѣгнуть къ вашему Высокопревосходительству. Пріемля въ основаніе Высочайшее повелѣніе, покорнѣйше прошу, убѣдившись моими обстоятельствами, присоединить меня подъ покровъ Государя Императора!“

Въ виду дѣйствительно стѣсненнаго положенія Башмакова, крайне

нуждавшагося въ матеріальномъ пособіи, генералъ-губернаторомъ Западной Сибири сдѣлано было распоряженіе о внесеніи его въ число тѣхъ государственныхъ преступниковъ, которые имѣютъ право на полученіе денежнаго пособія отъ казны, а потому съ 1835 года по 1845 годъ Башмаковъ ежегодно получалъ пособіе отъ казны въ размѣрѣ 200 руб. ассигнаціями или 57 р. $14^{2}/_{7}$ к. серебромъ, только въ 1836 году ему выдано было изъ казны въ пособіе 165 р. 35 к. ассигнаціями, за полученіемъ имъ въ этомъ году денежной суммы въ размѣрѣ 34 руб. 65 к. ассигнаціями изъ Россіи, такъ какъ на основаніи 2 пункта Высочайше утвержденныхъ въ 1835 году правилъ дозволялось выдавать изъ казны государственнымъ преступникамъ, по полученіи ими денегъ изъ Россіи отъ родственниковъ, достальную до 200 руб. сумму.

Получивъ въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія отъ своихъ родственниковъ изъ Россіи только одно единовременное ничтожное пособіе въ размѣрѣ 34 р. 65 к. ассигнаціями, естественно, Башмаковъ, по незначительности выдаваемаго отъ казны пособія, не могъ не нуждаться, а потому постоянно обращался за пособіемъ къ разнымъ лицамъ изъ числа государственныхъ преступниковъ и не имѣя часто своей квартиры и не будучи въ состояніи достать себѣ пропитаніе на свои средства, проживалъ и пропитывался на счетъ благотворительности. Хотя въ просьбѣ своей, обращенной къ генералу-губернатору Сулимѣ, по поводу назначенія ему пособія отъ казны, онъ, жалуясь на свою несчастную судьбу, высказывалъ укоръ пріятелямъ своимъ, оставляющимъ его безъ всякаго вспомоществованія, но эта укоризна, совершенно несправедливая, приведена была имъ въ просьбѣ, единственно, надо полагать, съ цѣлью описанія въ болѣе яркихъ чертахъ своего безпомощнаго положенія, такъ какъ въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ своихъ обращеній къ мѣстной администраціи, описывая свое стѣсненное положеніе, онъ никогда не скрываетъ истинныхъ своихъ благотворителей. Въ 1845 году послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ разрѣшающее выдавать пособіе государственнымъ преступникамъ до 400 руб. ассигнаціями, или до 114 р. $28^{4}/_{7}$ к. серебромъ въ годъ, тѣмъ, которые отъ родственниковъ изъ Россіи никакого вспомоществованія не получаютъ и которые по увѣчью, болѣзни или преклоннымъ лѣтамъ не въ состояніи снискивать себѣ пропитаніе трудомъ. Это положеніе застало Башмакова въ Курганѣ, куда онъ только что переведенъ былъ на жительство, согласно выраженному имъ желанію. Какъ только ему сдѣлалось извѣстно о новой Монаршей милости къ осужденнымъ по приговору Верховнаго уголовнаго

суда, онъ просилъ изъ Кургана генерала-губернатора Западной Сибири князя Горчакова, назначить ему высшую норму опредѣленнаго пособія: „Крайне бѣдное положеніе и неминуемый, при преклонныхъ лѣтахъ (мнѣ 73 года), упадокъ здоровья, побуждаютъ меня", писалъ Башмаковъ князю Горчакову, „прибѣгнуть къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою соблаговолить включить меня въ число тѣхъ лицъ, которыя, по постановленію комитета гг. министровъ, состоявшемуся въ нынѣшнемъ году, имѣютъ право на полученіе до 400 руб. ассигнаціями вспомоществованія. Не получая никакого пособія отъ дальнѣйшихъ родственниковъ, коихъ еще имѣю, обязанъ моимъ существованіемъ добрымъ пріятелямъ, которые, помня многолѣтнюю службу отечеству и сострадая къ бѣдственному моему положенію, въ которомъ я нахожусь, не оставляютъ меня своимъ вспомоществованіемъ, иначе бы я уже давно погибъ отъ недостатка, потому что 200 рублей ассигнаціями Всемилостивѣйше выдаваемыхъ мнѣ едва достаточно на хлѣбъ насущный".

Еще до полученія этой просьбы княземъ Горчаковымъ сдѣлано было распоряженіе о включеніи Башмакова въ число лицъ которымъ испрашивалось разрѣшеніе объ увеличеніи пособія, причемъ князь Горчаковъ просилъ графа Орлова, во вниманіе къ преклоннымъ годамъ Башмакова и нуждѣ, въ которой онъ находится, ассигновать ему пособіе въ высшемъ размѣрѣ и разрѣшить выдать добавочное пособіе за истекшій 1844 годъ. Это ходатайство князя Горчакова было уважено, и графомъ Орловомъ сдѣлано было распоряженіе объ ассигнованіи просимой суммы. Это пособіе, въ размѣрѣ 114 руб. 28½ коп. серебромъ, Башмаковъ получалъ ежегодно, до дня своей смерти.

Въ 1851 году, Башмаковъ, согласно его желанію, переведенъ былъ на жительство въ гор. Тобольскъ.

12 марта 1854 года министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ увѣдомилъ генерала-губернатора Г. Х. Гасфорда, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ находящагося на жительствѣ въ г. Тобольскѣ государственнаго преступника Флегонта Башмакова возвратить на жительство во внутреннія губерніи, съ учрежденіемъ надъ нимъ полицейскаго надзора и съ воспрещеніемъ ему выѣзда въ обѣ столицы.

Увѣдомляя о такомъ Высочайшемъ повелѣніе генералъ-адъютантъ Бибиковъ просилъ генерала Гасфорда сдѣлать распоряженіе объ отправленіи Башмакова на жительство въ г. Владиміръ; но вскорѣ затѣмъ это мѣсто назначенія было замѣнено г. Казанью. — По объявленіи Башмакову Высочайшей милости и распоряженія министра

внутреннихъ дѣлъ, онъ далъ отзывъ что не можетъ опредѣлить времени своего отъѣзда въ Россію, за неполученіемъ свѣдѣній отъ родныхъ. Но такъ какъ родные Башмакова уже давно прежде прервали съ нимъ сношенія, и онъ оставался совершенно одинокимъ, то естественно, сдѣланный имъ запросъ о томъ, не согласятся ли они пріютить его больнаго и престарѣлаго, остался безъ отвѣта. По истеченіи года, со времени объявленія Башмакову Высочайшей милости, разрѣшающей ему возвращеніе въ Россію, департаментъ полиціи исполнительной спрашивалъ тобольскаго губернатора о причинахъ, по которымъ Башмаковъ, до сего времени, не высланъ по назначенію. Такой запросъ департамента, указывавшій на возможность примѣненія принудительнаго выселенія на новое мѣсто назначенія, устрашилъ Башмакова, просившаго тобольскаго губернатора В. А. Арцымовича оставить его въ Тобольскѣ: „Вы изволили объявить мнѣ назначеніе въ Казанскую губернію,—писалъ Башмаковъ,—войдите въ мое положеніе: я старъ, уже конецъ приходитъ моей жизни, лестно было мнѣ умереть отъ ядра,—порывъ души не знавшей страха увлекъ меня и заставилъ просить объ исходатайствованіи у Государя Всемилостивѣйшаго соизволенія стать въ ряды защитниковъ отечества; безъ достиженія этой цѣли, въ восемьдесять лѣтъ,—для чего мнѣ въ Казань и въ Россію,—вообще могила тамъ не теплѣе, я слабъ и не въ силахъ, въ восемьдесять лѣтъ, переѣхать дальняго разстоянія. Умоляю, ваше превосходительство, исходатайствовать мнѣ оставленіе въ Тобольскѣ, съ продолженіемъ того содержанія, какое отъ милости и щедротъ Монаршихъ получаю“.

Викторъ Антоновичъ Арцымовичъ, находя ходатайство Башмакова заслуживающимъ уваженія, по его преклоннымъ годамъ, просилъ генералъ-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасферда оставить Башмакова въ Тобольскѣ, съ продолженіемъ отпуска ему уже выдаваемаго пособія. 30 Марта 1855 года министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ увѣдомилъ генерала Гасферда, что согласно отзыву графа Орлова Башмаковъ можетъ быть оставленъ въ Тобольскѣ съ производствомъ ему пособія. Въ 1859 году Башмаковъ посылалъ всеподданнѣйшее прошеніе объ увеличеніи ему отпускаемаго отъ казны пособія по недостаточности получаемыхъ 114 руб. 28 4/7 к. По всеподданнѣйшему докладу этого прошенія шефомъ корпуса жандармовъ генералъ-адъютантомъ княземъ Долгоруковымъ Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ выдать дворянину Башмакову въ единовременное пособіе 100 руб. Это пособіе Башмаковъ получилъ незадолго до своей смерти,—21 Сентября 1859 года онъ умеръ въ Тобольскѣ, 85 лѣтъ.

Въ продолженіи почти 30 лѣтняго періода времени проведеннаго въ ссылкѣ и состоянія въ этотъ періодъ времени подъ полицейскимъ надзоромъ въ Сибири, съ 1828 года до воспослѣдствія Высочайшаго манифеста 1856 года Башмаковъ аттестовался какъ, мѣстными полицейскими органами, такъ и лицами бывшими въ разное время тобольскими губернаторами, „человѣкомъ скромнаго хорошаго поведенія“,—„но ни чѣмъ не занимающагося“; только въ періодъ времени съ 1848 г. по 1851 годъ въ вѣдомостяхъ о лицахъ состоящихъ подъ надзоромъ полиціи показано было что Башмаковъ занимается „чтеніемъ духовныхъ книгъ“.

Похороненъ Башмаковъ въ Тобольскѣ на городскомъ „Завальномъ“ кладбищѣ, на могилѣ лежитъ чугунная плита со слѣдующею надписью:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь.
Флегонтъ Мироновичъ
Башмаковъ
послѣдній изъ ссыльныхъ за 14 декабря 1825 года, скончался въ Тобольскѣ 21 сентября 1859“.

ГЛАВА VII.

Фурманъ.—Поселеніе въ Кондинскѣ.—Бѣдственное положеніе.—Вспомоществованія отъ казны и отъ родственниковъ.—Донесеніе Конуинскаго засѣдателя о предосудительной жизни Фурмана.—Письмо Фурмана къ тобольскому губернатору Сомову.—Смерть.—Завѣщаніе.

Андрей Ѳедоровичъ Фурманъ, капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, принадлежалъ къ обществу „соединенныхъ славянъ“, судимъ былъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, и признанный виновнымъ „за согласіе въ умыслѣ бунта“ отнесенъ былъ судомъ къ восьмому разряду государственныхъ преступниковъ, съ осужденіемъ къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь безсрочно; по указу же данному Правительствующему Сенату отъ 22 Августа 1826 года, относительно смягченія наказанія государственныхъ преступниковъ, оставленъ на поселеніи на 20 лѣтъ, по воспослѣдовавшему за симъ Высочайшему повелѣнію, сосланъ былъ на поселеніе въ село Кондинское, Березовскаго округа Тобольской губерніи. Доставленный въ Тобольскъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1827 года онъ немедленно отправленъ былъ на мѣсто поселенія. Вскорѣ по прибытіи въ Кондинскъ, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, онъ просилъ тобольскаго губернатора о

выдачѣ ему необходимаго пропитанія, почему тогда же тобольскою губернскою администраціею сдѣлано было распоряженіе о выдачѣ ему изъ инородческихъ хлѣбо-запасныхъ магазиновъ предметовъ продовольствія въ размѣрѣ солдатскаго пайка; это пособіе онъ получалъ во все время нахожденія своего на поселеніи, такъ какъ тѣ незначительныя денежныя вспомоществованія, какія высылались ему его родственниками изъ Россіи, не могли вполнѣ обезпечить его существованіе. Незначительныя денежныя пособія онъ получилъ изъ С.-Петербурга, спачала отъ отца своего, а затѣмъ отъ сестры своей Натальи Ѳедоровны Литке, находившейся съ нимъ въ перепискѣ. Первое пособіе, въ размѣрѣ 160 руб. ассигнаціями, а также посылку съ книгами и бѣльемъ онъ получилъ отъ отца своего въ концѣ 1828 года. Эти деньги и посылка высланы были изъ С.-Петербурга въ началѣ 1828 года, не за долго до смерти отца Фурмана и такъ какъ они въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ не доходили по назначенію, то сестра Андрея Ѳедоровича Екатерина Ѳедоровна Коростовирова, заботясь о посылкѣ, писала генералу-губбрнатору Западной Сибири Н. А. Вельяминову, „прося оказать истинное благодѣяніе доставить несчастному сыну послѣднее благословленіе скопчавшагося отца, тѣмъ болѣе ему нужное что онъ оставался столь долгое время безъ всякаго пособія“. Послѣ смерти отца всѣ денежныя пособія Андрей Ѳедоровичъ получалъ отъ сестры своей Литке, а именно въ 1831 году 150 руб. ассигнаціями, въ 1832 году 250 руб. и 1833 году 300 руб. ассигнаціями.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1832 года управлявшій Тобольскою губерніею Корниловъ донесъ генералу-губернатору Западной Сибири, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ отъ Кондинскаго отдѣльнаго засѣдателя Албычева, государственный преступникъ Фурманъ вошелъ въ тѣсныя связи съ проживающимъ въ Кондинскѣ унтеръ-офицеромъ Уфинцевымъ, въ компаніи съ которымъ предастся пьянству, почему засѣдатель и ходатайствуетъ удалить Уфинцева изъ Кондинска. „Находя такую связь предосудительною, доносилъ Корниловъ, мѣру выселенія Уфинцева я считаю крайнею, а потому мною сдѣлано распоряженіе объ объявленіи Фурману о томъ, чтобы онъ старался поведеніе свое исправить, а Уфинцева же приказалъ обязать подпискою, дабы онъ съ Фурманомъ никакихъ, а тѣмъ болѣе предосудительныхъ связей, имѣть не осмѣливался“.

Это донесеніе засѣдателя Албычева, явно желавшаго еще ухудшить несчастную судьбу Фурмана,—опорочить въ глазахъ высшей администраціи края, а также сдѣланное распоряженіе управлявшимъ Тобольскою губерніею предсѣдателемъ губернскаго правленія Корниловымъ,

принявшимъ на вѣру донесеніе, безъ надлежащей его провѣрки,— вынудили Фурмана представить тобольскому губернатору Сомову истинныя данныя, послужившія основаніемъ вражды къ нему засѣдателя Албычева и просить о провѣркѣ сдѣланнаго донесенія. „По власти Августѣйшаго Монарха особѣ вашей ввѣренной", писалъ Фурманъ губернатору Сомову, „полагаюсь на основательнѣйшее покровительство вашего превосходительства, въ ходатайствѣ о соблюденіи ненарушимости законовъ для страждущаго христіанства, въ числѣ коего и я нынѣ пребываю!—а поэтому что можетъ быть чувствительнѣе и обиднѣе человѣку моего положенія, сносить несправедливыя напасти безъ всякой основательности, каковыя послѣдовали въ донесеніи вашему превосходительству о моемъ поведеніи за прошедшій апрѣль мѣсяцъ отъ г. засѣдателя Албычева и которое мнѣ объявлено. Печему съ крайнимъ прискорбіемъ вынужденнымъ нахожусь утруждать ваше превосходительство приказать изслѣдовать въ строжайщей точности справедливость сдѣланнаго донесенія съ опросомъ жителей о томъ, имѣютъ ли они малѣйшій фактъ и замѣчаніе обо мнѣ за 6-ти лѣтнее мое пребываніе съ ними, ибо, служа въ офицерскихъ чинахъ 13 лѣтъ, въ артиллеріи и лейбъ-гвардіи, я всегда былъ съ отличіемъ одобряемъ въ кондуитныхъ спискахъ; нынѣ же чувствуя въ полной мѣрѣ бывшую вину свою и пытая воспитаніе свое, стараюсь съ всемогушимъ рвеніемъ заслужить сколько ни на есть преступленіе молодости своей и не позволю навлекать на себя новое негодованіе милосерднаго начальства, которое единственная надежда и подпора моя. Основываясь на непоколебимѣйшей правдѣ, мнѣ совѣсть велитъ открыться вашему превосходительству, что если бы я бралъ примѣръ съ поведенія г. Албычева, я заслуживалъ бы по справедливости ваше негодованіе, но мнѣ нравственность Всемогущій еще сохраняетъ, и никакому невоздержанію не подверженъ, какъ его благородіе ежедневно, а потому судить надо, что терпитъ народъ! Только Богу вѣсть! Къ унтеръ-офицеру Уфинцеву питаю почтеніе всегда за человѣколюбіе его, ибо, не имѣя денегъ съ прибытія моего, пользовался его столомъ, болѣе года безъ платы, равнымъ образомъ во время трудной болѣзни моей, онъ усердствовалъ мнѣ по возможности, какъ лѣкарствомъ, такъ и собственной услугой, почему подозрѣніе г. Албычева совсѣмъ не у мѣста и совершенно неосновательно. Изложивъ всѣ сіи обстоятельства по совершенной истинѣ, прибѣгаю къ стопамъ вашего превосходительства, прося сдѣлать для оправданія моего надлежащее распоряженіе и увѣдомить здѣшнее кондинское отдѣленіе о несправедливости бывшаго донесенія, ибо я дорожу своею аттестаціею не менѣе

чѣмъ жизнью, потому что отъ нея зависитъ мое благополучіе; паче же чаянія и высшія дистанціи отнеслись съ порочной стороны обо мнѣ, то защитите невинность! ибо я опасаюсь, если таковыя слухи дойдутъ до моихъ роственниковъ, я потеряю ихъ состраданіе!“

Одновременно съ посланнымъ оправданіемъ Фурмана, вновь назначенный на мѣсто Албычева кондинскимъ отдѣльнымъ засѣдателемъ Ширяевъ, по провѣркѣ на мѣстѣ образа жизни и поведенія Фурмана, донесъ тобольскому губернатору, что донесеніе его предмѣстника совершенно неосновательно и несправедливо, и что государственный преступникъ Фурманъ „ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ и велъ себя все время жизни своей на поселеніи въ Кондинскѣ добропорядочно“.

О донесеніи Ширяева и о существѣ обращенія Фурмана тобольскимъ губернаторомъ Сомовымъ доведено было до свѣдѣнія генерала-губернатора Западной Сибири Н. А. Вельяминова. За свое ложное донесеніе, порочащее Фурмана, Албычевъ не подвергся никакому взысканію, въ удовлетвореніе же просьбы Фурмана снять взведенную на него клевету генералъ Вельяминовъ предложилъ тобольскому губернатору объявить Фурману, „что такъ какъ по донесенію засѣдателя Ширяева онъ ведетъ себя добропорядочно, то симъ само собою опровергаетъ сдѣланное на него Албычевымъ донесеніе о нетрезвой его жизни и предосудительной связи съ унтеръ-офицеромъ Уфинцевымъ“. Въ началѣ 1833 года Фурманъ просилъ разрѣшить ему пріѣхать изъ Кондинска въ Тобольскъ, на нѣкоторое время, для исполненія христіанскихъ требъ, по Евангелическому исповѣданію, объясняя при этомъ что находясь въ Кондинскѣ уже 6 лѣтъ онъ ни разу еще не исполнялъ этой христіанской обязанности; несмотря на ходатайство управлявшаго въ то время Тобольскою губерніею А. Н. Муравьева о разрѣшеніи Фурману поѣзки въ Тобольскъ, генералъ Вельяминовъ отказалъ въ просьбѣ.

8-го Марта 1835 года, послѣ продолжительной болѣзни, въ крайней нищитѣ, умеръ Фурманъ въ Кондинскѣ. Умирая, Андрей Ѳедоровичъ оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ просилъ родныхъ своихъ о томъ, чтобы изъ причитающагося на его часть наслѣдственнаго отъ отца капитала, были уплочены сдѣланные имъ въ Сибири долги на сумму 890 руб. ассигнаціями, а остальную сумму, равно какъ и оставшееся послѣ него незначительное имущество просить выдать находящейся при немъ крестьянской дѣвушкѣ Марьѣ Щепниной въ обезпеченіе ея и прижитыхъ имъ съ нею двухъ дѣтей.

Это завѣщаніе препровождено было Тобольскимъ губернаторомъ

Капыловымъ на благоусмотрѣніе графа Бенкендорфа, который по сношенію съ родственниками Фурмана и по полученіи отъ нихъ денежной суммы въ размѣрѣ 4360 руб. 50 к. ассигнаціями, причитавшейся изъ наслѣдственнаго имущества на долю умершаго Фурмана, препроводилъ всю полученную имъ сумму въ распоряженіе генералъ-губернатора Западной Сибири съ тѣмъ, чтобы по удовлетвореніи кредиторовъ, остальная сумма была выдана крестьянкѣ Щепниной.

За уплатою долговъ, 3426 р. 97 к. ассигнаціями были переданы березовскимъ исправникомъ Щепниной въ обезпеченіе двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Въ числѣ кредиторовъ Фурмана былъ и унтеръ-офицеръ Уфинцевъ, отношенія къ которому Фурмана такъ не нравились засѣдателю Албычеву, но такъ какъ Фурманъ пережилъ Уфинцова, умершаго ранѣе годомъ, то въ завѣщаніи своемъ онъ просилъ о томъ, чтобы должныя имъ деньги, безъ документа, были переданы изъ его имущества наслѣдникамъ Уфинцова.

ГЛАВА VIII.

Ентальцевъ.—Поселеніе въ Березовѣ.—Переводъ въ Ялуторовскъ.—Обвиненіе Ентальцева, Черкасова и Фохта княземъ Друцкимъ-Горскимъ въ мятежническихъ замыслахъ.—Дознаніе чиновника Палашковскаго.—Дознаніе полковника Колычевскаго.—Распоряженіе генералъ-губернатора Вельяминова.—Обвиненіе Ентальцева Ялуторовскимъ городничимъ въ разныхъ интригахъ.—Письмо Ентальцева къ генералу-губернатору Вельяминову.—Обвиненіе Ентальцева и Тизенгаузена Ялуторовскимъ городничимъ Смирновымъ въ поселеніи среди крестьянъ и посельщиковъ духа ябеды и неуваженія къ мѣстному начальству. — Высочайшее повелѣніе объ изслѣдованіи поступковъ Ентальцева и Тизенгаузена. — Распоряженіе генералъ-губернатора Сулимы.—Слѣдствіе, произведенное чиновникомъ Яшинымъ.—Донесеніе предсѣдательствовавшаго въ совѣтѣ главнаго управленія Е. П. Ковалевскаго военному министру графу Чернышеву о результатахъ добытыхъ слѣдствіемъ.—Обвиненіе Ентальцева чиновникомъ Портнягинымъ въ преступныхъ умыслахъ.—Обыскъ дома Ентальцевыхъ.—Распоряженіе Тобольскаго губернатора Повало-Швейковскаго о назначеніи слѣдствія.—Матеріальное положеніе Ентальцевыхъ на поселеніи.—Помѣшательство Ентальцева.—Смерть его.—Отъѣздъ изъ Сибири Александры Васильевны Ентальцевой.

Андрей Васильевичъ Ентальцевъ, подполковникъ, командиръ конно-артиллерійской роты, принадлежалъ къ южному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ и признанный виновнымъ „въ знаніи объ умыслѣ цареубійства, въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и въ знаніи о приготовленіяхъ

къ мятежу" отнесенъ былъ указомъ Правительствующаго Сената отъ 13 іюля 1826 года къ седьмому разряду государственныхъ преступниковъ осужденныхъ къ временной ссылкѣ въ каторжныя работы на 4 года, а потомъ на поселеніе. Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, оставленъ въ каторжной работѣ на одинъ годъ, съ обращеніемъ затѣмъ на вѣчное поселеніе въ Сибирь. По отбытіи годичнаго срока въ каторжныхъ работахъ, въ Нерчинскихъ рудникахъ, согласно послѣдовавшей Высочайшей волѣ назначенъ былъ на поселеніе въ г. Березовъ. Въ половинѣ іюня 1828 года Ентальцевъ доставленъ былъ изъ Иркутска въ Тобольскъ, одновременно съ окончившими годичный срокъ каторжныхъ работъ Черкасовымъ и Фонъ-деръ-Бригеномъ, а 20 іюня Ентальцевъ, Черкасовъ и ранѣе ихъ прибывшій изъ Восточной Сибири, одной съ ними категоріи, Лихаревъ,—отправлены были управляющимъ Тобольскою губерніею Жуковскимъ, подъ надзоромъ: казачьяго хорунжаго Ушарова и трехъ жандармовъ, первые двое въ Березовъ, а Лихаревъ въ Кондинскъ. За Ентальцевымъ послѣдовала изъ Иркутска въ Березовъ жена его, Александра Васильевна, которой дозволено было находиться при мужѣ. Въ годъ водворенія своего въ Березовѣ Ентальцевы купили себѣ тамъ небольшой деревянный домъ, состоявшій изъ трехъ комнатъ, и занимались устройствомъ пріобрѣтеннаго дома и хозяйственныхъ приспособленій. Въ Березовѣ Ентальцевы оставались два года: 29 ноября 1829 года графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генерала Вельяминова, что Государь Императоръ всемилостивѣйше снисходя къ просьбѣ сестры поселеннаго въ Березовѣ Ентальцева, г жи Спкстель, Высочайше повелѣть изволилъ просить генерала-губернатора Западной Сибири, чтобы онъ перевелъ Ентальцева въ другое мѣсто Тобольской, губерніи гдѣ бы Ентальцевъ могъ завестись маленькимъ хозяйствомъ для снискапія себѣ и раздѣляющей его участь женѣ насущнаго пропитанія, коего они вовсе лишены въ Березовѣ, по причинѣ жестокости климата. Во исполненіе Высочайшей воли генералъ-губернаторомъ И. А. Вельяминовымъ сдѣлано было распоряженіе о перемѣщеніи Ентальцева въ г. Ялуторовскъ; 8 іюля 1830 года Ентальцевъ доставленъ былъ изъ Березова въ Тобольскъ, а 31 іюля отправленъ былъ къ мѣсту назначенія подъ присмотромъ казака Тобольскаго городоваго полка.

Проведенные Ентальцевыми два года на поселеніи въ Березовѣ могли быть тягостными для нихъ только по суровости климата, такъ какъ остальныя условія ихъ жизни были совершенно для нихъ благопріятными, въ матеріальныхъ средствахъ они не нуждались, получая

достаточныя суммы денегъ изъ Россіи, а потому жили лучше другихъ въ Березовѣ, и даже помогали бѣднѣйшимъ изъ жителей сѣвернаго края; для услугъ же своихъ они имѣли при себѣ 3-хъ дворовыхъ крѣпостныхъ людей, привезенныхъ Александрою Васильевною еще въ Восточную Сибирь и затѣмъ переведенныхъ въ Березовъ, что ставило Ентальцевыхъ даже въ привеллигированное положеніе въ отношеніи другихъ лицъ, сужденныхъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ и лишенныхъ права имѣть при себѣ крѣпостныхъ людей, принадлежащихъ ихъ женамъ или родственникамъ. Кромѣ того, съ 1829 года, по особому Высочайшему соизволенію Александра Васильевна получала отъ казны ежегодное пособіе въ размѣрѣ 250 руб. ассигнаціями; это пособіе выдавалось Ентальцевой въ продолженіе всего времени пребыванія ея въ Сибири.

По водвореніи своемъ въ Ялуторовскѣ, Ентальцевы, вскорѣ же, съ разрѣшенія генерала-губернатора И. А. Вельяминова, купили себѣ домъ у Ялуторовскаго мѣщанина Минаева за 250 руб. ассигнаціями, состоявшій изъ одной комнаты съ двумя перегородками; при домѣ была особая пристройка для кухни, погребъ и кладовая. Въ этомъ домѣ Ентальцевы прожили два года, такъ какъ въ началѣ 1833 года, съ разрѣшенія же генералъ-губернатора, купили другой болѣе помѣстительный домъ у коллежскаго совѣтника Шеншина за 1300 руб. ассигнаціями. Жизнь Ентальцевыхъ въ Ялуторовскѣ была полна несчастій; Андрей Васильевичъ былъ преслѣдуемъ различными доносами, обвинявшими его въ разныхъ преступленіяхъ и противогосударственныхъ умыслахъ, доносы не оставляли въ покоѣ и его семейной жизни. Эти доносы, по которымъ производились въ разное время дознанія и слѣдствія, естественно, не могли не вліять на здоровье и душевное состояніе Ентальцева и, вмѣстѣ съ ухудшеніемъ матеріальнаго положенія по прекращенію присылки денегъ изъ Россіи, довели Ентальцева до совершеннаго разстройства умственныхъ способностей.

Въ концѣ декабря 1830 года генералъ-губернаторъ Западной Сибири И. А. Вельяминовъ далъ знать управляющему Тобольскою губерніею предсѣдателю губернскаго правленія Корнилову, что до свѣдѣнія его дошло, будто бы Ентальцевъ, нынѣ находящійся въ Ялуторовскѣ, во время пребыванія своего въ Березовѣ вошелъ въ тѣсныя связи съ Березовскимъ протопопомъ Вергуновымъ и совмѣстно съ нимъ велъ торговлю, вручилъ ему капиталъ въ размѣрѣ 8 тысячъ руб. ассигнаціями, и что нынѣ еще торговля эта продолжается и Ентальцевъ переписывается съ Вергуновымъ чрезъ посредство посылаемыхъ

имъ нарочныхъ. При этомъ И. А. Вельяминовъ поручилъ Корнилову, пользуясь его пребываніемъ въ Березовѣ, лично убѣдиться въ истинности дошедшихъ до него слуховъ. 23 января 1831 года Корниловъ, произведя удостовѣреніе на мѣстѣ, донесъ генералу Вельяминову „что при всемъ его строгомъ розысканіи онъ открылъ, что всѣ Березовскіе жители любили Ентальцева и его жену по характеру, и по поведенію ихъ безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей, и никто торговыхъ связей съ ними не имѣлъ". При этомъ Корниловъ доносилъ, что и нынѣ Березовскіе жители любятъ находящагося тамъ государственнаго преступника Черкасова, по доброму поведенію, какъ они любили Ентальцевыхъ, но статскаго совѣтника князя Друцкаго-Горскаго избѣгаютъ по строптивости его.

За этимъ анонимнымъ доносомъ послѣдовалъ доносъ отъ князя Друцкаго-Горскаго, находившагося на жительствѣ въ Березовѣ одновременно съ Ентальцевымъ, Черкасовомъ и Фохтомъ и обвинявшаго ихъ въ мятежническихъ замыслахъ. Въ этомъ доносѣ, поданномъ графу Бенкендорфу, Горскій писалъ: „будучи въ Березовѣ въ средѣ сосланныхъ туда Ентальцева, Черкасова и Фохта, онъ сначала слушалъ съ притворною терпѣливостью нелѣпые и самые дерзкіе ихъ разговоры, вошелъ къ нимъ въ довѣріе и сколько могъ узналъ преступный и дерзкій ихъ образъ мыслей, обнаруживающій озлобленіе и ненависть къ правительству и ко всему существующему законному порядку. Эти люди, подходя хитро съ разныхъ сторонъ, касаясь чувствительнаго органа души его и сердца, имѣли намѣреніе сдѣлать его своимъ единомышленникомъ, который бы содѣйствовалъ имъ въ ихъ предпріятіяхъ, или же, по крайней мѣрѣ, не мѣшалъ поселять въ людей всякаго сословія питаемый ими ко всему законному порядку и правительству нашему духъ злобы и ненависти. Съ такимъ намѣреніемъ склонить къ преступному образу мыслей обратился къ нему прежде всего Фохтъ, доказывавшій несправедливость правительства и порицавшій его, послѣ чего онъ возмущенный вынужденъ былъ многимъ жителямъ напомнить, что законъ запрещаетъ допускать имъ Фохта въ общество къ себѣ и слушать мятежническія его слова".

Далѣе Горскій писалъ въ своемъ донесѣ, что многіе жители города Березова послушались его совѣта и не только стали не пускать Фохта, но даже стали бѣгать отъ него, боясь съ нимъ встрѣчи, тѣмъ болѣе что Фохтъ занимался сочиненіемъ разныхъ пасквилей въ стихахъ на правительство и на частныхъ лицъ, проживающихъ въ Березовѣ.

О Черкасовѣ Горскій доносилъ, „что этотъ человѣкъ только ды-

шетъ республиканскимъ духомъ и сколько бы ни благодѣтельны были законныя дѣйствія монархическаго правленія, за то только что они не названы республиканскими, то по его чувствамъ и словамъ все варварскіе и тиранскіе. Но онъ будучи хитръ и имѣя способность вкрадываться въ довѣренность всякаго сословія людей, подходя съ слабой стороны каждаго, осторожно,—гораздо вѣрнѣе дѣйствуетъ. Онъ нѣкоторыхъ до такой степени ослѣпилъ, что они сдѣлалась совершеннымъ отпечаткомъ образа его мыслей". Затѣмъ Горскій доносилъ что Черкасовъ старался сблизиться съ нимъ, но онъ на всѣ порицанія правительства возражалъ Черкасову, что „всѣ смѣлыя его слова и неприличныя его сужденія довольно обнаруживаютъ неблаговидный его образъ мыслей, и что еслибы кто подслушалъ за дверьми легко могъ бы почесть и его за единоумышленника и тогда бы онъ опять долженъ былъ бы терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье, въ который по милости братіи вашей вольнодумцевъ, уже довольно терплю. Послѣ сего Черкасовъ всталъ съ мѣста и отвѣчалъ: Извините я незналъ, что говорю со шпіономъ и ушелъ". „Сколько ни дерзки поступки Фохта и Черкасова, но они ничто противъ озлобленія Ентальцева"— доносилъ далѣе Горскій: „этотъ непримиримый врагъ правительства и законнаго порядка, принимающій на себя личину, чтобы вкрасться въ довѣріе каждаго человѣка, и, опутавъ его ложными системами совращаетъ на образъ своихъ мыслей, вредный законному порядку и общему спокойствію. Для этой цѣли онъ входитъ въ разныя связи: даетъ въ займы, угощаетъ у себя обѣдами, вечеринками, ужинами, поитъ и, напоивши, со всею дерзостью ложными доводами чернитъ правительство, чтобы возбудить въ слушателяхъ питаемую имъ ненависть и злобу, въ чемъ ему ревностно содѣйствуетъ Березовскій протопопъ Вергуновъ а иногда и исправникъ Лебедевъ, желающіе блеснуть ученостію и показать свѣдѣнія свои въ политикѣ и государственномъ правленіи".

Кромѣ того Горскій обвинялъ протопопа Вергунова и Ентальцева въ томъ, что они, читая вмѣстѣ газеты Сенатскія и Московскія Вѣдомости, а также Сѣверную Пчелу и Сынъ Отечества, разсуждали съ дерзкою насмѣшкою о распоряженіяхъ правительства, порицали Персидскую и Турецкую войны. Получивъ свѣдѣнія о томъ что бывшему Тобольскому губернатору Бантышъ-Каменскому, за самовольное открытіе могилы Меншикова повелѣно сдѣлать выговоръ, Вергуновъ и Ентальцевъ называли такое распоряженіе неблагодарностію русскаго правительства. Протопопъ Вергуновъ, „учинившій тѣсную связь съ государственнымъ преступникомъ и отъ котораго посему можно

ожидать всего дурнаго", обвинялся еще Горскимъ въ неисполненіи имъ своихъ священническихъ обязанностей, въ незаконномъ обвѣнчаніи нѣкоторыхъ лицъ, въ соблазнительномъ поведеніи, въ употребленіи неприличныхъ въ разговорѣ выраженій, въ торговлѣ разными товарами съ Остяками и Самоѣдами, въ тайномъ провозѣ вина въ иногородческія жилища. Ентальцевъ же, этотъ „государственный злодѣй", участвуя тайно въ компаніи съ Вергуновымъ въ торговыхъ дѣлахъ, ведетъ, какъ писалъ Горскій въ доносѣ, „непристойный, безнравственный образъ жизни, отъ чего страдаетъ его семья, дозволяетъ себѣ насиліе надъ крѣпостною дѣвкою, приведенною его женою въ Березовъ и ревнуетъ ту дѣвку къ крѣпостному своему человѣку, бьетъ этого человѣка желѣзнымъ шомполомъ и увѣчитъ, гоняясь за нимъ по улицамъ".

Доносъ князя Друцкаго-Горскаго былъ препровожденъ графомъ Бенкендорфомъ къ генералу губернатору Западной Сибири Вельяминову „для провѣрки путемъ дознанія о дѣйствительности существованія въ Сибири мятежническаго духа, гнѣздящагося въ государственныхъ преступникахъ." Въ концѣ 1831 г. генераломъ Вельяминовымъ былъ командированъ въ Березовъ чиновникъ особыхъ порученій главнаго управленія Западной Сибири Палашковскій съ инструкціей „удостовѣриться со всею возможною подробностію о поведеніи въ Березовѣ Фохта, Черкасова и Ентальцева, объ образѣ ихъ мыслей и о дѣйствительности разговоровъ ихъ, заключавшихъ въ себѣ духъ мятежничества, а также и удостовѣриться о противозаконныхъ дѣйствіяхъ чиновниковъ, на которыхъ указываетъ Горскій".

Въ мартѣ 1832 г. порученное дознаніе было окончено, и Палашковскій доносилъ, что сначала Горскій былъ близокъ съ водворенными въ Березовѣ государственными преступниками Фохтомъ, Черкасовымъ и Ентальцевымъ, но впослѣдствіи всѣ отъ Горскаго отшатнулись по непомѣрной его гордости и болѣзненному самолюбію. Домовладѣльцы г. Березова, а частью и посторонніе лица всѣ удостовѣрили о безукоризненномъ поведеніи и образѣ мыслей обвиняемыхъ Горскимъ лицъ. Также не подтвердились дознаніемъ и взведенныя Горскимъ обвиненія на должностныхъ лицъ Березовской администраціи. Изъ распросовъ же обывателей города Березова, писалъ Палашковскій, „онъ всего болѣе наслышался о плохой репутаціи самаго Горскаго, отличающагося до того безпокойнымъ нравомъ, что его всѣ называютъ страшнымъ человѣкомъ и именемъ его пугаютъ дѣтей".

Въ то время когда Палашковскій производилъ дознаніе въ Бере-

зовѣ, командированный въ Сибирь полковникъ корпуса жандармовъ Кельчевскій произвелъ дознаніе въ Ялуторовскѣ, на новомъ мѣстѣ водворенія Ентальцевыхъ, для провѣрки доноса Горскаго. Полковникомъ Кельчевскимъ никакихъ мятежническихъ замысловъ не было обнаружено и потому онъ доносилъ графу Бенкендорфу, что Ентальцевъ „ни съ кѣмъ дружныхъ связей не имѣетъ и никуда не выходитъ, ведя жизнь замкнутую"; въ домашнемъ же быту ведетъ себя неприлично: жена его, раздѣляющая его участь, привезла съ собою въ Сибирь для прислуги человѣка и дѣвку, и Ентальцевъ, влюбившись въ сію дѣвку и ревнуя къ ней онаго человѣка, жестоко поступаетъ съ обоими". При этомъ Кольчевскій въ донесеніи своемъ къ графу Бенкендорфу высказывалъ мнѣніе свое, что дѣвку изъ Ялуторовска слѣдуетъ удалить подъ тѣмъ предлогомъ что она крѣпостная Ентальцевой, принимая въ соображеніе, что когда дозволено было графинѣ Мошинской послать въ Тобольскъ къ ея мужу, государственному преступнику Петру Мошинскому, двухъ слугъ, то послѣдовало Высочайше повелѣніе, чтобы эти слуги не были изъ принадлежащихъ семейству его крѣпостныхъ людей.

Донесеніе полковника Кельчевскаго было доложено графомъ Бенкендорфомъ Его Императорскому Величеству и на докладной запискѣ графа положена была собственноручная Его Величества резолюція: „О крѣпостныхъ людяхъ Ентальцевой снестись съ Вельяминовымъ, дабы поступлено было по законамъ".

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири И. А. Вельяминовъ, приступая къ исполненію Высочайшей резолюціи, сообщенной ему графомъ Бенкендорфомъ, предложилъ Тобольскому губернатору произвести удостовѣреніе для выясненія того, по какимъ именно актамъ жена государственнаго преступника Ентальцева владѣетъ крѣпостными людьми при ней находящимся, и дѣйствительно ли Ентальцевъ жестоко съ ними поступаетъ собственно по любви, питаемой къ крестьянкѣ. О своихъ распоряженіяхъ генералъ Вельяминовъ сообщилъ графу Бенкендорфу съ донесеніемъ, что до сего времени со стороны людей о жестокомъ съ ними обращеніи Ентальцева никакихъ просьбъ не поступало, и что если откроется что Ентальцева владѣетъ людьми по законнымъ актамъ, то невозможно будетъ, на основаніи законовъ, воспретить ей держать людей при себѣ. Требуемое генераломъ-губернаторомъ удостовѣреніе поручено было къ производству Тобольскимъ губернаторомъ Сомовымъ Ялуторовскому окружному судьѣ Смирнову.

Ентальцевъ, мучимый неизвѣстностію о результатахъ произведенныхъ дознаній, оправдываясь противъ клеветъ взведенныхъ на него

Горскимъ, въ маѣ 1832 году, просилъ генералъ-губернатора И. А. Вельяминова его защиты: „Изъ вопросовъ сдѣланныхъ мнѣ корпуса жандармовъ капитаномъ Алексѣевымъ,—писалъ Ентальцевъ,—я могъ убѣдиться о мщеніи и ненависти ко мнѣ Статскаго Совѣтника Горскаго. Отвѣчать на сіи вопросы я не могъ иначе-какъ это выдумки и клеветы; въ сихъ словахъ хотя и заключалась моя невинность и оправданіе, но благодѣтельному и справедливому начальству неизвѣстны причины, почему обносилъ меня Горскій, черезъ что я можетъ быть долженъ безвинно лишиться добраго вниманія начальства. Причины, почему Горскій имѣетъ на меня негодованіе, преслѣдуетъ мщеніемъ,—единственно тѣ, что проживая въ Березовѣ онъ обхожденіемъ и поступками своими навлекъ на себя всѣхъ почти жителей негодованіе, и я тоже счелъ необходимымъ уклониться отъ него, полагая тѣмъ избѣгнуть могущихъ встрѣтиться непріятностей“.

По дознанію Смирнова оказалось, что Ентальцева владѣетъ людьми, приведенными ею въ Сибирь, на основаніи законныхъ актовъ, у нея находящихся, а именно дворовый человѣкъ переданъ ей по довѣренности ея сестрою г-жею Сикстель для услугъ и для продажи его, а дѣвка Палагея передана ей по дарственной записи, другою ея сестрою, г-жею Лисовскою. Ентальцевъ дѣйствительно жестоко, изъ ревности, обращался съ людьми и наносилъ дворовому своему человѣку побои, пока тотъ человѣкъ не женился въ Ялуторовскѣ на дочери государственнаго крестьянина. О результатахъ этого дознанія генераломъ-губернаторомъ И. А. Вельяминовымъ сообщено было графу Бенкендорфу, причемъ Вельяминовъ писалъ графу, что онъ находитъ возможнымъ настоящее дѣло объ Ентальцевѣ оставить безъ дальнѣйшаго производства, не привлекая его къ преслѣдованію за прелюбодѣяніе съ крѣпостною дѣвкою, въ виду вообще трудности доказать свидѣтельскими показаніями самого факта прелюбодѣянія, а также и потому еще, что дѣвку Палагею онъ предложилъ Ентальцевой немедленно продать или же выслать въ Россію. Тобольскому же губернатору генералъ Вельяминовъ предложилъ объявить Ентальцевой: „что какъ до Государя Императора доведено уже до свѣдѣнія о любовной связи мужа съ дѣвкою, то чтобы она во избѣжаніе новаго доказательства о дурной нравственности мужа ея, немедленно ту дѣвку продала или же отправила въ Россію, въ противномъ же случаѣ онъ самъ приметъ мѣры къ высылкѣ той дѣвки“.

Въ началѣ 1834 года возникло новое гоненіе на Ентальцева,—Ялуторовскій городничій Смирновъ донесъ генералу-губернатору И. А. Вельяминову, что Ентальцевъ съ нѣкотораго времени завелъ тѣсную

связь съ засѣдателемъ Ялуторовскаго окружнаго суда Маевымъ, „каждый день по нѣскольку разъ бываетъ у него. По обязанности своей я старался всѣми средствами узнать о причинахъ такой короткой связи, но ничего открыть не могъ, но только получилъ свѣдѣнія, что Ентальцевъ, по разнымъ предметамъ относительно службы и общежитія, преподаетъ Маеву совѣтъ, а передъ пріѣздомъ въ Ялуторовскъ полковника корпуса жандармовъ Маслова, Маевъ подъ руководствомъ Ентальцева будьто бы занимался составленіемъ какихъ то бумагъ,—я сомнѣваюсь чтобы Ентальцевъ своими внушеніями не ввелъ Маева въ какія либо непріятныя по службѣ или по общежитію послѣдствія".

Это донесеніе городничаго, основанное на однихъ слухахъ и предположеніяхъ, послужило поводомъ къ тому, что генераломъ-губернаторомъ И. А. Вельяминовымъ предложено было Тобольскому губернатору объявить Ентальцеву, „что если онъ не удержится отъ интригъ, несообразныхъ съ настоящимъ его положеніемъ, то онъ, какъ доказавшій уже доселѣ строптивость своего характера, можетъ подвергнуться строгому взысканію".

Выслушавъ въ Ялуторовскомъ полицейскомъ управленіи повелѣніе начальника края, Ентальцевъ вновь писалъ И. А. Вельяминову, прося его защиты: „Повелѣніе ваше совершенно меня убило, въ немъ изображенъ гнѣвъ коего я, утверждая подъ присягою, не заслуживаю,—и если бы не чувствовалъ того уваженія, коимъ я преисполненъ къ вашей особѣ, то не имѣлъ бы надобности и оправдываться. — Прошу у васъ, генералъ, защиты и покровительства отъ клеветы и надѣюсь, что высокоодаренная душа ваша добродѣтелью не допуститъ страдать людей невинныхъ".

Письмо это оставлено было генераломъ Вельяминовымъ безъ отвѣта и безъ всякаго распоряженія о провѣркѣ основательности донесенія городничаго.

Ялуторовскій городничій Смирновъ, донесенія котораго принимались на вѣру представителями высшей администраціи въ краѣ, видимо, во что бы ни стало, съ помощью разныхъ ложныхъ донесеній и клеветъ стремился отяготить участь ввѣренныхъ его ближайшему надзору государственныхъ преступниковъ, желая, можетъ быть, тѣмъ пріобрѣсти себѣ какія либо служебныя выгоды. Онъ не ограничивался оклеветаніемъ одного Ентальцева, но одинаково клеймилъ и Тизенгаузена. Ободренный успѣшнымъ для его тайныхъ цѣлей исходомъ донесенія съ клеветами на Ентальцева, онъ 6 іюня 1834 года донесъ исправлявшему должность тобольскаго губернатора Копылову, „что нерѣдко доходили до него слухи о томъ, что государственные преступники

Тизенгаузенъ и Ентальцевъ имѣютъ довольно близкія связи съ живущими въ городѣ и въ разныхъ селеніяхъ крестьянами и посельщиками; поселяютъ въ нихъ своими совѣтами и внушеніями духъ ябедничества, недовѣрчивости и неуваженія къ мѣстнымъ начальникамъ". „Я старался — писалъ Смирновъ — всѣми средствами удостовѣриться въ справедливости таковыхъ слуховъ, однакожъ къ подтвержденію оныхъ никакихъ ясныхъ доказательствъ пріобрѣсти не могъ. Однако извѣстно что жена поселенца Чаплыгина приходила къ Тизенгаузену просить у него совѣта по дѣлу, тогда какъ положеніе этого преступника не должно бы позволять ему вмѣшиваться въ постороннія до него дѣла". Относительно Ентальцева я могъ узнать, что чаще къ нему приходитъ крестьянинъ Трушниковъ, который, какъ извѣстно, тоже по слухамъ, оказывалъ неоднократно ослушанія не только противу волостнаго правленія, но даже противу земскаго начальства, а также утруждалъ несправедливыми просьбами господина министра финансовъ, Правительствующій Сенатъ по своимъ дѣламъ. Изъ всего я долженъ заключить что дошедшія до меня слухи на счетъ Тизенгаузена и Ентальцева не совсѣмъ ложны".

Копія съ этого донесенія городничаго представлена была и. д. тобольскаго губернатора Копыловымъ вновь назначенному генералъ-губернаторомъ Западной Сибири Н. С. Сулимѣ съ вопросомъ о томъ не должно ли принять это донесеніе въ основаніе при аттестаціи въ поведеніи государственныхъ преступниковъ Тизенгаузена и Ентальцева въ спискахъ, представляемыхъ при всеподданнѣйшихъ рапортахъ Его Императорскому Величеству. На сдѣланный допросъ генералъ-лейтенантъ Сулима далъ знать тобольскому губернатору, что донесенія ялуторовскаго городничаго обязательно подлежитъ принять въ основаніе аттестацій государственныхъ преступниковъ,— предложивъ при ссылкѣ въ аттестаціяхъ на донесеніе городничаго упомянуть, „что городничій Смирновъ одинъ изъ лучшихъ служащихъ полицейскихъ въ Западной Сибири, и отличная служба его обращаетъ особенное мое на него вниманіе".

Послѣдствіемъ такой порочащей аттестаціи было то, что 15 іюля 1834 года военный министръ графъ Чернышевъ увѣдомилъ генерала-губернатора Западной Сибири Н. С. Сулиму, что Государь Императоръ, выслушавъ всеподданнѣйшій рапортъ и. д. тобольскаго губернатора о злоумышленныхъ связяхъ государственныхъ преступниковъ Ентальцева и Тизенгаузена съ крестьянами и посельщиками, Высочайше повелѣть соизволилъ: „отнестись къ генералу-губернатору Западной Сибири дабы

онъ приказалъ строжайшимъ образомъ изслѣдовать описываемые поступки Ентальцева и Тизенгаузена, и если оные подтвердятся, то въ такомъ случаѣ сослать ихъ на жительство подъ строгій присмотръ въ городъ Якутскъ".

Сообщая о такой монаршей волѣ, графъ Чернышевъ просилъ генерала Сулиму увѣдомить его для доклада Его Величеству о всемъ томъ, что имъ будетъ предпринято.

Къ благополучію заподозрѣнныхъ въ злоумышленныхъ дѣяніяхъ Ентальцева и Тизенгаузена, генералъ лейтенантъ Сулима, повидимому безусловно довѣрявшій городничему Смирнову, былъ въ отсутствіи изъ г. Омска, предсѣдательствовалъ же въ совѣтѣ Главнаго управленія Западной Сибири томскій губернаторъ генералъ-маіоръ, Евграфъ Петровичъ Ковалевскій, отнесшійся съ недовѣріемъ къ донесенію городничаго и выбравшій для производства слѣдствія о поступкахъ Ентальцева и Тизенгаузена совѣтника тобольскаго Губернскаго суда Яшина.

Прежде чѣмъ приступить къ слѣдствію, Яшинъ обратился къ ялуторовскому городничему Смирнову съ вопросами: отъ кого, когда и какимъ путемъ доходили до него слухи о злоумышленныхъ внушеніяхъ, какія дѣлали государственные преступники Тизенгаузенъ и Ентальцевъ разнымъ крестьянамъ и посельщикамъ? На этотъ запросъ слѣдователя городничій Смирновъ отвѣтилъ, „что онъ не можетъ объяснить отъ кого и когда доходили до него слухи, потому что эти слухи доходили до него въ разное время и отъ разныхъ лицъ, болѣе или менѣе вѣроятія заслуживающихъ, въ видѣ, такъ сказать, *народной молвы*".

Когда слѣдователемъ Яшинымъ преступлено было къ производству слѣдствія, то городничій Смирновъ началъ выставлять разныхъ лицъ свидѣтелями учиненныхъ будто бы государственными преступниками злоумышленныхъ дѣяній, но всѣ эти свидѣтели, спрошенные подъ присягою и на очныхъ ставкахъ съ обвиняемыми, или вовсе не подтверждали тѣхъ обстоятельствъ, къ свидѣтельству которыхъ они призывались, или же давали совершенно сбивчивыя, противорѣчивыя показанія. Тизенгаузенъ подъ присягою показалъ: „Василій Карловъ сынъ Тизенгаузенъ, отъ роду 53 года, грамотѣ на разныхъ діалектахъ читать и писать умѣю, женатъ и дѣтей имѣю, которые находятся въ Нарвѣ. Въ г. Ялуторовскѣ жительствую на квартирѣ у крестьянина Бронникова; по освобожденіи отъ каторжныхъ работъ нахожусь на поселеніи, государственный преступникъ. Я ни съ какими крестьянами и посельщиками, живущими въ г. Ялуторовскѣ и округѣ онаго, связей и знакомства не имѣю, совѣтовъ и внушеній,

клонящихся къ поселенію въ нихъ духа ябедничества, недовѣрчивости и особаго неуваженія къ мѣстному начальству, не дѣлалъ, равно ложныхъ слуховъ въ народѣ объ отрѣшеніи генералъ-губернатора отъ сей должности не распространялъ и другихъ вредныхъ слуховъ для правительства не распускалъ. Съ чего все сіе происходитъ совершенно мнѣ неизвѣстно". При этомъ Тизенгаузенъ просилъ чтобы его вытребовали въ Тобольскъ или Омскъ для дачи объясненія губернатору или же генералу-губернатору, которымъ онъ единственно можетъ ввѣрить участь свою.

Ентальцевъ подъ присягою показалъ: „Андрей Васильевъ сынъ Ентальцевъ, 50 лѣтъ, грамотѣ читать и писать на разныхъ діаклетахъ умѣю, исповѣдуюсь и Святыхъ Таинъ пріобщаюсь, женатъ, дѣтей не имѣю, въ г. Ялуторовскѣ живу собственнымъ домомъ, государственный преступникъ. Крестьянинъ Трушниковъ у меня бываетъ потому, что покупаю у него хлѣбъ и дрова; внушеній и совѣтовъ ему и никому другому никогда ни для чего не давалъ,—свою невинность поручаю защитѣ и покровительству правительства. Если у меня дома бываютъ постороннія, то для поданія имъ помощи лѣченіемъ изъ благотворенія и для снабженія ихъ лѣкарствомъ, получаемымъ мною черезъ Тобольскаго губернатора отъ своихъ родственниковъ, почитаю сіе болѣе человѣколюбіемъ нежели преступнымъ дѣйствіемъ, въ разсужденіи же своего поведенія и образа мыслей ссылаюсь на Ялуторовскихъ жителей".

Спрошенные слѣдователемъ, подъ присягою, 50 человѣкъ жителей г. Ялуторовска, единогласно показали, что Ентальцевъ и Тизенгаузенъ поведенія хорошаго и ничего за ними законопротивнаго замѣчено не было. Только два члена Ялуторовскаго земскаго суда и окружный стряпчій поддерживали городничаго, отозвавшись, что до нихъ доходили слухи о связяхъ Тизенгаузена и Ентальцева съ крестьянами и посельщиками, но доказательствъ никакихъ представить не могли.

Оконченное слѣдственное производство было представлено слѣдователемъ въ главное управленіе Западной Сибири. Предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Е. П. Ковалевскій по разсмотрѣніи полученнаго слѣдствія, 20 октября 1834 года, донесъ военному министру графу Чернышеву, что „по соображеніи всѣхъ данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, и имѣя въ виду Высочайше повелѣніе, онъ не почитаетъ себя въ правѣ приступить къ ссылкѣ преступниковъ Тизенгаузена и Ентальцева въ г. Якутскъ, но находитъ справедливымъ оставить ихъ, по прежнему, на жительствѣ въ Ялуторов-

скѣ, съ усугубленіемъ токмо бдительнаго надзора. „А какъ изъ обстоятельствъ дѣла оказалось, что Ялуторовскій городничій, безъ точнаго удостовѣренія о поступкахъ государственныхъ преступниковъ, донесъ о зазорномъ ихъ поведеніи Тобольскому губернатору, а этотъ послѣдній, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, изъяснилъ о томъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ, то я почелъ справедливымъ сдѣлать городничему Смирнову за такую неосмотрительность строгій выговоръ".

Заступничество Е. П. Ковалевскаго и предложенныя имъ мѣропріятія были одобрены военнымъ министромъ графомъ Чернышевымъ, и возникшее дѣло о злоумышленныхъ будто бы поступкахъ Тизенгаузена и Ентальцева было окончено, не имѣвъ вліянія на дальнѣйшую жизнь государственныхъ преступниковъ въ Западной Сибири.

Съ 1834 года, на время, Ентальцевы оставлены были въ покоѣ, доносы прекратились. Когда послѣдовало, въ 1835 году Высочайшее соизволеніе на отводъ государственнымъ преступникамъ земли въ размѣрѣ 15 десятинъ для занятія земледѣліемъ, то Андрей Васильевичъ просилъ генерала-губернатора Западной Сибири Н. С. Сулиму не оставить его забытымъ и дать возможность ему заняться земледѣліемъ, какъ въ видахъ увеличенія своихъ скудныхъ матеріальныхъ средствъ, такъ и для того чтобы „оживить праздную и несчастную свою жизнь, подавившую совершенно душевныя и тѣлесныя способности". Ентальцевымъ отведенъ былъ участокъ земли въ 2-хъ верстахъ отъ Ялуторовска и въ 3-хъ верстахъ отъ Барнутинской волости. Матеріальные средства Ентальцевыхъ, бывшія сначала поселенія ихъ въ Сибири, совершенно достаточными для безбѣднаго существованія, настолько ухудшились къ 1835 году, по неполученію должныхъ имъ изъ Россіи денегъ, Андрей Васильевичъ вынужденъ былъ просить генерала-губернатора Западной Сибири Н. С. Сулиму оказать содѣйствіе ему ко взысканію съ командира Измаильскаго артиллерійскаго гарнизона полковника Янова, должныхъ ему по заемному письму, съ 1821 года, 6845 руб. съ %. При этомъ Ентальцевъ указывалъ что первоначально онъ получалъ удерживаемые изъ содержанія Янова деньги, но что нынѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, это удержаніе прекращено, а между тѣмъ неполученіе денегъ „лишаетъ ихъ возможности удовлетворять первыя потребности жизни". Генералъ Сулима просилъ начальника штаба Его Императорскаго Величества по управленію генерала-фельдцейхмейстера, князя Долгорукова, оказать содѣйствіе свое ко взысканію съ полковника Янова денегъ, „такъ какъ ему достовѣрно извѣстно, что Ентальцевы терпятъ нужду", но это обращеніе принесло мало пользы: долгъ съ Янова Ентальцевы получить не могли.

Въ виду недостатка средствъ у Ентальцевыхъ, имъ было назначаемо съ 1835 года пособіе отъ казны въ размѣрѣ 200 р. ассигнаціями въ годъ, а затѣмъ имъ нѣсколько помогала княгиня Марья Николаевна Волконская, поручавшая брату своему Александру Николаевичу Раевскому высылать изъ Москвы Ентальцевымъ небольшія денежныя суммы. Въ 1836 году Александра Васильевна Ентальцеса получила отъ княгини Волконской 500 рублей вспомоществованія.

Въ 1837 году Андрей Васильевичъ снова подвергся преслѣдованію. 23-го іюня, служившій при Ялуторовскомъ окружномъ судѣ губернскій секретарь Портнягинъ объявилъ въ присутсвіи окружному судьѣ и стряпчему, „что онъ дозналъ отъ нѣкоторыхъ лицъ, что у государственнаго преступника Ентальцева хранятся въ завознѣ четыре пушечные лафета, и въ амбарѣ, въ который входъ воспрещенъ всякому постороннему лицу, должно полагать, есть спрятанныя пушки и порохъ, и что, быть можетъ, все это приготовлено единственно къ прибытію Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника. Обо всемъ этомъ онъ, Портнягинъ, потому заявляетъ судьѣ и стряпчему, что городничаго въ городѣ нигдѣ не могъ отыскать, взявъ на себя обязанность, до прибытія городничаго, оставаться у дома Ентальцева караульщикомъ“.

Къ вечеру однако городничій, капитанъ Балакшей, прибылъ въ городъ и, услыхавъ отъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ о сдѣланномъ заявленіи Портнягина, отправился къ командующему Ялуторовскою инвалидною командою просить его содѣйствія къ обнаруженію злаго умысла. По совѣщаніи, начальствующія лица вызвали команду, разставили по улицамъ у дома Ентальцева со всѣхъ сторонъ открытый военный караулъ, съ тѣмъ чтобы утромъ приступить къ надлежащимъ розыскамъ. 24 іюня, какъ доносилъ городничій, капитанъ Балакшей, Тобольскому губернатору Павало-Швейковскому, „въ 7 часовъ утра, въ присутствіи окружнаго судьи, стряпчаго, командира инвалидной команды и чиновника Портнягина, безъ участія Ентальцевыхъ, которыхъ не было дома, первоначально сдѣланъ былъ обыскъ завозни, въ которой найдены 4 лафета безъ колесъ и передковъ, купленные Ентальцевымъ у какой то чиновницы, по удостовѣренію многихъ лицъ, единственно для желѣза. Затѣмъ, по прибытіи Ентальцевыхъ, въ тотъ же день, по просьбѣ самого Ентальцева, настаивавшаго сдѣлать формальный обыскъ, этотъ обыскъ былъ произведенъ во всѣхъ частяхъ дома: на кровляхъ, въ огородѣ, ледовнѣ, погребѣ, шкафахъ, шкатулкахъ, бочкахъ, сундукахъ, подпольяхъ, столахъ, коробкахъ, комодахъ,

банкахъ, и, по указанію губернскаго секретаря Портнягина о томъ, что у завозни есть скрытое подполье, срываемы были солдатами и самимъ Портнягинымъ доски, но ни чего не найдено. Лафеты взяты до особаго распоряженія въ полицію на храненіе".

Тобольскимъ губернаторомъ Х. Х. Повало-Швейковскимъ немедленно назначено было слѣдствіе съ присутствіемъ во время слѣдственнаго производства депутата со стороны корпуса жандармовъ. О сдѣланныхъ распоряженіяхъ донесено было генералу-губернатору Западной Сибири князю Горчакову и военному министру. Въ донесеніи военному министру Повало-Швейковскій писалъ, „что онъ совершенно увѣренъ въ неосновательности доноса Портнягина (терпимаго на службѣ только по необходимости съ прочими ему подобными), и Ентальцевъ, по образу своей жизни, никогда не увлечется въ столь важное преступленіе безъ сообщниковъ, которыхъ онъ не найдетъ ни въ коренныхъ жителяхъ Сибири, ни въ своихъ товарищахъ. Назначеніе слѣдствія имѣетъ въ виду, по обнаруженіи истины во всей ея полности, съ виновными поступитъ по всей строгости законовъ и тѣмъ прекратитъ распространившіяся съ нѣкотораго времени въ Сибирскихъ губерніяхъ нелѣпые толки, которые еще въ 1834 году доведены были до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества".

Слѣдствіе окончено было въ концѣ 1837 года и выяснило вполнѣ ложность доноса чиновника Портнягина, который и преданъ былъ Тобольскимъ губернскимъ правленіемъ судебному преслѣдованію.

Доносы, преслѣдовавшіе Ентальцевыхъ въ продолженіи цѣлаго десятилѣтія жизни на поселеніи, неодобрительная аттестація мѣстной полицейской администраціи, служившая часто основаніемъ для аттестацій высшимъ правительственнымъ мѣстамъ и учрежденіямъ, разстройство матеріальныхъ средствъ и жизнь въ нуждѣ на пособія отъ казны и частныхъ лицъ, естественно, не могли не повліять на физическое и душевное состояніе Андрея Васильевича. Въ концѣ 30-хъ годовъ у него стали проявляться симптомы душевной болѣзни, а въ 1841 году наступило полное тихое помѣшательство. Во время своей болѣзни онъ оставался въ Ялуторовскѣ на попеченіи жены своей Александры Васильевны и умеръ 25 января 1845 года. По смерти мужа Александра Васильевна оставалась на жительствѣ въ Ялуторовскѣ, ходатайство ея о дозволеніи возвратиться въ Россію было отклонено. Все время жизни въ Ялуторовскѣ она находилась подъ надзоромъ полиціи, хорошо ее аттестовавшей, и получала пособіе по 57 р. $14^2/_7$ к. серебро въ годъ, кромѣ назначенныхъ еще въ 1829 г.

въ размѣрѣ 250 руб. ассигнаціями въ годъ по особому Высочайшему повелѣнію; только по воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года, Александра Васильевна получила право на возвращеніе въ Россію, куда и выѣхала въ 1857 году.

ГЛАВА IX.

Баронъ Черкасовъ.—Поселеніе въ Березовѣ.—Обвиненіе его вмѣстѣ съ Ентальцевымъ и Фохтомъ въ мятежническихъ умыслахъ.—Письмо его къ генералу-губернатору Вельяминову съ ходатайствомъ о переводѣ на поселеніе въ другую мѣстность.—Письмо отца его, барона Ивана Петровича, генералу Вельяминову.—Аттестація въ поведеніи.—Болѣзненное его состояніе.—Переводъ въ Ялуторовскъ.—Опредѣленіе рядовымъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ.

Баронъ Алексѣй Ивановичъ Черкасовъ, поручикъ квартирмейстерской части, принадлежалъ къ южному обществу, затѣмъ сужденъ былъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ и, признанный виновнымъ „въ знаніи объ умыслѣ на Цареубійство и въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, отнесенъ былъ къ седьмому разряду государственныхъ преступниковъ, съ осужденіемъ въ временную ссылку въ каторжныя работы на 4 года, а потомъ въ вѣчную ссылку на поселеніе въ Сибири. По указу объявленному Правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, онъ оставленъ въ каторжныхъ работахъ на одинъ годъ, съ обращеніемъ на поселеніе на 20 лѣтъ. По отбытіи годичнаго срока въ каторжныхъ работахъ въ Восточной Сибири, Черкасовъ отправленъ былъ въ началѣ 1828 года изъ Иркутска въ Тобольскъ для поселенія въ Березовѣ, согласно послѣдовавшему о томъ Высочайшему повелѣнію. Прибывъ въ Тобольскъ въ половинѣ іюня 1828 г., Черкасовъ, вмѣстѣ съ Ентальцевымъ, отправленъ былъ на водвореніе въ Березовъ. Жизнь Алексѣя Ивановича на поселеніи была совершенно обезпечена матеріально, такъ какъ отецъ его, баронъ Иванъ Петровичъ, состоятельный помѣщикъ Бѣлевскаго уѣзда Тульской губерніи, постоянно высылалъ ему, чрезъ посредство Тобольской губернской администраціи, достаточныя денежныя суммы для безбѣднаго существованія. Находясь въ Березовѣ одновременно съ Фохтомъ и Ентальцевымъ, Алексѣй Ивановичъ велъ скромный образъ жизни, какъ и товарищи его по ссылкѣ, но не смотря на свое безукоризненное поведеніе, засвидѣтельствованное какъ Березовскою полиціею, такъ Тобольскими губернаторами, аттестовавшими его всегда съ хорошей стороны въ вѣдомостяхъ о лицахъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи,

подвергся въ 1831 году одинаково съ товарищами своими Фохтомъ и Ентальцевымъ, оклеветанію сосланнымъ на жительство въ Березовъ княземъ Друцкимъ-Горскимъ въ мятежническихъ замыслахъ противъ правительства. Разслѣдованіе, произведенное чиновниками, командированными генераломъ-губернаторомъ Вельяминовымъ, обнаружило совершенную ложность доноса и подтвердило тѣ симпатіи населенія, которыми пользовались какъ Алексѣй Ивановичъ, тамъ и товарищи его по ссылкѣ. Когда Ентальцевъ и Фохтъ получили, по Высочайшему соизволенію, разрѣшеніе на переводъ изъ Березова въ южные города Тобольской губерніи, Алексѣй Ивановичъ, оставшись одинокимъ въ этомъ суровомъ и неприглядномъ мѣстѣ ссылки, сталъ также ходатайствовать о своемъ перемѣщеніи въ мѣстность съ лучшими условіями для жизни. По поводу своего перевода онъ писалъ въ началѣ 1832 года генералу Вельяминову: „Зная сколь драгоцѣнно время для особы, облеченной властію, не осмѣливался бы я безпокоить ваше высокопревосходительство просьбою человѣка униженнаго ударами судьбы. Одна лишь крайняя необходимость могла меня принудить взяться за перо, дабы прибѣгнуть къ могущественному ходатайству вашего высопревосходительства для полученія возможнаго облегченія моей участи. Четыре года почти протекло со дня моего пріѣзда въ Березовъ. Но эти четыре года показались мнѣ четырьмя вѣками, въ которыхъ каждый день былъ ознаменованъ новыми страданіями. Не входя въ подробное описаніе этихъ страданій, доложу только вашему высокопревосходительству, что я пріѣхалъ сюда съ ревматизмами и ипохондріею; эти болѣзни усилились и развернулись дѣйствіями климата столь злокачественнаго, что онъ вреденъ даже природнымъ жителямъ. Къ этому присоединилась въ прошломъ февралѣ мѣсяцѣ простуда въ лѣвомъ боку, сопровождаемая гепатитою, которая по частымъ своимъ возобновленіямъ угрожаетъ мнѣ чахоткою. Будучи твердо убѣжденъ, что человѣкъ обязанъ печься о сохраненіи своего здоровья и тѣмъ болѣе жизни, я вижу бездѣйствіе всѣхъ медицинскихъ пособій въ семъ климатѣ и не нахожу другого средства къ сохраненію или даже поддержанію онаго, какъ только перемѣну жительства въ другое мѣсто, въ которомъ климатъ былъ бы сноснѣе для меня. Статскій совѣтникъ Горскій и подполковникъ Кржижановскій удостоились получить дозволеніе перемѣщенія въ другіе города по представленію вашего высокопревосходительства, что заставляетъ меня питать надежду въ полученіи таковой же милости. По симъ причинамъ осмѣливаюсь прибѣгнуть къ состраданію вашего высокопревосходительства для испрошенія мнѣ перевода въ одинъ изъ Южныхъ городовъ То-

больской губерніи и предпочтительнѣе въ Курганъ или Ишимъ. Зная благотворительный и сострадательный характеръ вашего высокопревосходительства, буду ожидать съ терпѣніемъ и покорностію судьбѣ извѣстія освобожденія изъ этого мѣста лютыхъ страданій, освобожденіе, которое тѣмъ болѣе меня осчастливитъ, что я обязанъ буду онымъ вашему высокопревосходительству".

Одновременно съ возбужденнымъ Алексѣя Ивановича ходатайствомъ и отецъ его, баронъ Иванъ Петровичъ Черкасовъ, просилъ письмомъ генерала Вельяминова: „надежда облегчить участь несчастнаго моего сына, томящагося почти въ безпрестанныхъ страданіяхъ въ Березовѣ, даетъ мнѣ смѣлость обезпокоить васъ моею всепокорнѣйшею просьбою. Слабое состояніе сего страдальца не можетъ снести суровости климата мѣста его пребыванія. Съ тѣхъ поръ какъ онъ туда водворенъ, частыя воспалительныя болѣзни и непрерывная нестерпимая боль въ лѣвомъ боку увеличиваютъ его горестное положеніе. Вамъ, какъ начальнику, сіе должно быть извѣстно. А потому и прибѣгаю къ вашему высокопревосходительству, умоляя васъ перевести несчастнаго сына моего, куда вамъ будетъ угодно, только въ одинъ изъ южныхъ городовъ: въ Курганъ, Ишимъ, Тюкалинскъ, или другой какой южный городъ. Не откажите просьбѣ престарѣлаго отца семейства, и Отецъ всѣхъ щедротъ ниспошлетъ на васъ свое благословеніе, которое у него за долгъ поставитъ вамъ испрашивать".

По полученіи ходатайства о переводѣ, генераломъ Вельяминовымъ предложено было Тобольскому губернатору представить медицинское свидѣтельство о состояніи здоровья Алексѣя Ивановича. Только въ концѣ августа 1832 года требуемое свидѣтельство, составленное Обдорскимъ врачемъ Петелинымъ, было представлено генералу-губернатору. Въ этомъ свидѣтельствѣ врачъ удостовѣрилъ, что Черкасовъ темперамента меланхолическаго, тѣлосложенія посредственнаго; постоянно тоскуетъ, имѣетъ стремленіе къ уединенію, чрезмѣрно мнителенъ, имѣетъ желтый цвѣтъ лица, впалые глаза, раннее выпаденіе волосъ и по всѣмъ признакамъ страдаетъ воспаленіемъ печени и селезенки. Графъ Бенкендорфъ, чрезъ котораго испрашивалось разрѣшеніе на переводъ Черкасова, 30 ноября 1832 года, увѣдомилъ генерала Вельяминова, что Его Императорское Величество изъявилъ Высочайшее соизволеніе на переводъ Черкасова въ Ялуторовскъ 23 февраля 1833 г., т. е. ровно черезъ годъ, со времени возбужденія ходатайства о переводѣ, Черкасовъ доставленъ былъ изъ Березова въ Тобольскъ, а 4 марта прибылъ въ Ялуторовскъ. На новомъ мѣстѣ водворенія Алексѣй Ивановичъ велъ такой же скромный образъ жизни,

какъ и въ Березовѣ, не имѣя опредѣленныхъ занятій. Получивъ въ 1835 году, въ числѣ другихъ водворенныхъ на поселеніе государственныхъ преступниковъ, 15-ти десятинный надѣлъ, онъ отведенную въ пользованіе его землю отдавалъ для эксплоатаціи товарищамъ своимъ по ссылкѣ, находившимся въ Ялуторовскѣ и занимавшимся сельскимъ хозяйствомъ.

По Высочайшему повелѣнію, объявленному графомъ Бенкендорфомъ генералу-губернатору Западной Сибири князю Горчакову, въ 1837 году, вмѣстѣ съ другими государственными преступниками, находившимися на поселеніи въ Западной Сибири, Нарышкинымъ, барономъ Розеномъ, Лореромъ, Лихаревымъ, Назимовымъ и княземъ Одоевскимъ, Алексѣй Ивановичъ опредѣленъ былъ рядовымъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ и, по распоряженію князя Горчакова, тогда же отправленъ въ Тифлисъ.

Въ продолженіе девятилѣтняго пребыванія на поселеніи въ Западной Сибири Алексѣй Ивановичъ аттестовался всегда хорошо въ поведеніи Тобольскою администраціею, подъ надзоромъ которой онъ состоялъ.

ГЛАВА X.

Тизенгаузенъ.—Поселеніе въ Сургутѣ.—Переводъ въ Ялуторовскъ.—Постройка дома.—Пожары.—Матерьяльное положеніе.—Пособіе отъ казны.—Жалоба Тизенгаузена на Ялуторовскую полицію.—Обвиненіе Тизенгаузена вмѣстѣ съ Ентальцевымъ въ порожденіи духа ябедничества въ населеніи и въ возбужденіи недовѣрія къ начальству.—Обвиненіе Тизенгаузена въ сманиваніи дѣвицы Варвары къ любовной съ нимъ связи.—Отводъ земли.—Занятіе на поселеніи.—Аттестація въ поведеніи.—Всемилостивѣйшее разрѣшеніе на возвращеніе въ Россію.

Василій Карловичъ Тизенгаузенъ, полковникъ Полтавскаго пѣхотнаго полка, принадлежалъ къ южному обществу, затѣмъ сужденъ былъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ и, по признаніи его виновнымъ въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство и на лишеніе свободы всей Императорской фамиліи и въ участіи въ умыслѣ бунта, отнесенъ былъ указомъ правительствующаго Сената отъ 13-го іюля 1826 года къ седьмому разряду государственныхъ преступниковъ, съ осужденіемъ къ временной ссылкѣ въ каторжныя работы на 4 года, а потомъ на вѣчное поселеніе. По указу, объявленному правительствующимъ Сенатомъ 22 августа 1826 года, оставленъ онъ въ каторжной работѣ на одинъ годъ, съ обращеніемъ на вѣчное поселеніе въ Сибири. По отбытіи годичнаго срока каторжныхъ работъ въ Восточной Сибири, Василій

Карловичъ доставленъ былъ 2-го іюня 1828 года, вмѣстѣ съ Лихаревымъ, изъ Иркутской губерніи въ Тобольскъ; 4-го іюня, согласно Высочайшему повелѣнію, онъ отправленъ былъ на поселеніе въ заштатный городъ Сургутъ.

Въ Сургутѣ Василій Карловичъ оставался лишь нѣсколько мѣсяцевъ; 16-го ноября 1828 года товарищъ начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества графъ Чернышевъ сообщилъ генералу-губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову, что, по дошедшему до Государя Императора свѣдѣнію, климатъ въ нынѣшнемъ заточеніи весьма разстроилъ здоровье преступника Тизенгаузена, а потому Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ сдѣлать распоряженіе: если дѣйствительно климатъ Сургута разстроилъ здоровье преступника, то перевести его изъ Сургута въ одинъ изъ городовъ Тобольской губерніи или въ деревню, не въ весьма дальнемъ разстояніи отъ города.

На основаніи послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія и произведеннаго удостовѣренія о состояніи здоровья Тизенгаузена, командированнымъ по Высочайшему повелѣнію въ Сибирь, для обозрѣнія мѣстъ поселенія, полковникомъ корпуса жандармовъ Масловымъ, донесшимъ, что не только здоровье его, но и умственныя и душевныя способности его ослабли отъ частыхъ припадковъ болѣзни, генералъ-губернаторомъ И. А. Вельяминовымъ сдѣлано было распоряженіе о переводѣ его въ г. Тобольскъ.

4-го апрѣля 1829 года Тизенгаузенъ прибылъ въ Тобольскъ, но однако ему не было дозволено оставаться на жительствѣ въ этомъ городѣ, куда назначилъ его генералъ-губернаторъ. 19 апрѣля 1829 года управлявшій главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества графъ Чернышевъ далъ знать генералу Вельяминову, что по докладѣ Государю Императору свѣдѣній о переселеніи Тизенгаузена въ г. Тобольскъ, Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: „только до возстановленія здоровья преступника Тизенгаузена пользовать въ Тобольскѣ, но не иначе какъ подъ арестомъ, когда же онъ получитъ совершенное облегченіе, то назначить ему мѣстожительство южнѣе Тобольска“. Согласно вновь послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія генераломъ Вельяминовымъ предложено было Тобольскому губернатору д. с. сов. Нагибину лѣчить Тизенгаузена въ Тобольскѣ подъ арестомъ и по совершенномъ излѣченіи, отправить его на жительство въ г. Ялуторовскъ. 27 мая 1829 года Тизенгаузенъ отправленъ былъ изъ Тобольска на вновь назначенное мѣсто поселенія.

Какъ въ Сургутѣ, такъ и первое время въ Ялуторовскѣ, Тизен-

гаузенъ жилъ въ нанимаемыхъ имъ квартирахъ, а затѣмъ въ началѣ 1830 года, съ разрѣшенія генерала-губернатора, выстроилъ себѣ въ Ялуторовскѣ деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ, стоившій до 6 тысячъ рублей ассигнаціями.

Этотъ домъ неоднократно подвергался пожарамъ, а Потому Василью Карловичу приходилось снова отстраивать его и нанимать для своего жительства квартиру; въ началѣ же 1848 г., какъ доносилъ Тобольскій губернаторъ Энгельке генералу-губернатору Западной Сибири князю Горчакову, домъ, принадлежащій Тизенгаузену, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, сгорѣлъ до основанія, причемъ убытку хозяинъ потерпѣлъ на 1500 руб. сер. Послѣ этого пожара Василій Карловичъ уже не возобновлялъ своего жилища. Матеріальныя средства Василія Карловича, въ первые годы жизни на поселеніи, когда онъ получалъ отъ семьи своей, проживавшей въ Нарвѣ и С.-Петербургѣ, денежныя пособія, были совершенно достаточными для безбѣднаго его существованія, но затѣмъ съ каждымъ годомъ присылка денегъ изъ Россіи уменьшалась, и онъ вынужденъ былъ просить денежнаго вспомоществованія отъ казны; въ 1835 году ему выдано было 200 р. ассигнаціями, а въ 1836 г. 100 руб. ассигнаціями, а съ 1845 г. по 1853 годъ, т. е. до времени выбытія его изъ Сибири, по совершенномъ прекращеніи присылки денегъ изъ Россіи, ему выдавалось вспомоществованіе въ высшемъ размѣрѣ, установленномъ для государственныхъ преступниковъ, — по 400 руб. ассигнаціями въ годъ, или по 114 р. 28 4/7 к. сереб., такъ какъ, по удостовѣреніямъ бывшихъ въ этотъ періодъ времени Тобольскими губернаторами Энгельке и Прокопьева, онъ дѣйствительно находился въ нуждѣ.

Мирная жизнь Василья Карловича въ скоромъ времени по водвореніи въ Ялуторовскѣ была нарушена. Въ послѣднихъ числахъ декабря 1833 г. на квартиру, имъ нанимаемую, въ которой онъ жилъ одинъ, не имѣя прислуги, сдѣлано было ночное нападеніе. Ялуторовскій мѣщанинъ Филатовъ, разгульно проводившій рождественскіе праздники, ночью, выломавъ входныя двери, ворвался въ его квартиру; испуганный хозяинъ схватилъ Филатова какъ злоумышленника и отправилъ въ полицейское управленіе, съ помощью людей пришедшихъ къ нему на помощь. На другой день происшествія Тизенгаузенъ подалъ заявленіе въ полицейское управленіе, въ которомъ просилъ произвести строжайшее слѣдствіе, обвиняя Филатова въ посягательствѣ на его жизнь и имущество, но несмотря на такое заявленіе Филатовъ изъ подъ ареста былъ освобожденъ городничимъ Смирновымъ, за неимѣніемъ противъ арестованнаго какихъ-либо уликъ въ злонамѣрен-

номъ дѣяніи. Это освобожденіе изъ подъ стражи Филатова дало поводъ Тизенгаузену жаловаться временно управлявшему тогда Тобольскою губерніею Александру Николаевичу Муравьеву на бездѣйствіе Ялуторовской полиціи вообще и на пристрастныя дѣйствія городничаго Смирнова, съ просьбою назначить слѣдствія о поступкахъ мѣщанина Филатова. А. Н. Муравьевъ по полученіи жалобы немедленно возложилъ на чиновника особыхъ порученій при Тобольскомъ Общемъ Губернскомъ управленіи Попова производство слѣдствія какъ о поступкахъ Филатова, такъ и относительно бездѣйствія мѣстной полиціи. Слѣдователемъ обнаружены были лишь буйныя поступки Филатова, происходившіе отъ чрезмѣрнаго его пьянства, и полная безпристрастность дѣйствій полиціи, освободившей Филатова изъ подъ стражи, за неимѣніемъ противъ него какихъ либо уликъ въ злонамѣренныхъ дѣяніяхъ, и какъ одобреннаго мѣщанскимъ обществомъ въ поведеніи и прежде ни въ какихъ буйныхъ поступкахъ не замѣченнаго.

Жалоба Тизенгаузена губернской администраціи на бездѣйствіе и пристрастіе Ялуторовской полиціи настолько возбудила противъ него представителя этой полиціи городничаго Смирнова, что вскорѣ же, какъ бы въ отомщеніе за обвиненіе, привлекавшее полицію къ отвѣтственности, создано было Ялуторовскою полиціею сначала обвиненіе Тизенгаузена въ уголовномъ преступленіи—въ склоненіи несовершеннолѣтней къ любовной съ нимъ связи, а затѣмъ уже извѣстное обвиненіе, вмѣстѣ съ Ентальцевымъ, въ государственномъ преступленіи,—въ порожденіи духа ябедничества въ населеніи и въ порожденіи недовѣрія къ мѣстному начальству.

Какъ только окончено было слѣдственное дѣло о поступкахъ мѣщанина Филатова, въ началѣ же 1834 года, вдова унтеръ-офицера Шестакова подала заявленіе городничему Смирнову о томъ что поселенецъ Чаплыгинъ и жена его сманивали воспитанницу ея Варвару для любовной связи съ посельщикомъ изъ государственныхъ преступниковъ Тизенгаузеномъ. Немедленно начато было полиціею слѣдственное дѣло, которое велось подъ наблюденіемъ самого городничаго; какъ ни старались слѣдователи уличать обвиняемыхъ разными допросами и очными ставками, тѣмъ не менѣе никакихъ доказательствъ къ обвиненію не добыли, и Ялуторовскій окружный судъ, въ который поступило слѣдственное дѣло, сдѣлалъ постановленіе о его прекращеніи. Несмотря на прекращеніе дѣла судомъ, городничій Смирновъ, явно желавшій повредить Тизенгаузену, доносилъ генералу-губернатору Западной Сибири А. Н. Сулимѣ: „хотя Тизенгаузенъ и Чаплыгинъ во всемъ возводимомъ на

нихъ Шестаковой рѣшительно заперлись и со стороны Шестаковой къ изобличенію сихъ людей никакихъ явныхъ и сомнѣнію неопровержимымъ доказательствъ не представлено, но найденіе воспитанницы Шестаковой—Варвары въ квартирѣ Чаплыгина есть какъ бы нѣкоторымъ образомъ поличное, которому чистаго отводу не сдѣлано и потому сіе даетъ поводъ подозрѣвать Чаплыгиныхъ и Тизенгаузена въ выводимомъ на нихъ преступленіи".

Обвиненія Тизенгаузена прекратились съ удаленіемъ городничаго Смирнова изъ Ялуторовска.

Съ 1835 года, со времени воспослѣдованія Высочайшаго повелѣнія объ отводѣ государственнымъ преступникамъ пахотной земли въ размѣрѣ 15 десятинной пропорціи, Василій Карловичъ занимался хозяйствомъ и въ продолженіе всего времени нахожденія своего на поселеніи, за исключеніемъ того періода когда онъ былъ преслѣдуемъ городничимъ Смирновымъ, онъ аттестовался въ поведеніи всегда хорошо какъ мѣстною полиціею, такъ и всѣми Тобольскими губернаторами, при которыхъ онъ жилъ на поселеніи.

8 мая 1853 года Министръ Внутреннихъ Дѣлъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорда, что по всеподданнѣйшему докладу ходатайства генералъ-адъютанта князя Суворова о дозволеніи поселенному въ Ялуторовскѣ государственному преступнику Тизенгаузену возвратиться къ семейству, Государь Императоръ во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ отличному поведенію, чистосердечному раскаянію и преклоннымъ лѣтамъ Тизенгаузена, Высочайше соизволилъ на означенное ходатайство, съ воспрещеніемъ Тизенгаузену въѣзда въ столицы и съ оставленіемъ его подъ строжайшимъ тамъ надзоромъ.

6-го іюля 1853 г., 75-лѣтній старецъ В. К. Тизенгаузенъ, сопровождаемый рядовымъ Тобольской жандармской команды, выѣхалъ изъ Ялуторовска къ своему семейству.

ГЛАВА XI.

Лихаревъ.—Поселеніе въ Кондинскѣ.—Переводъ въ Курганъ.—Болѣзнь.—Матеріальное положеніе.—Долги.—Обращеніе къ графу Алексѣю Алексѣевичу Бобринскому.—Письмо Лихарева къ генералу-губернатору Вельяминову.—Предположеніе управлявшаго Тобольскою губерніею Копылова о мѣрахъ къ огражденію кредита государственныхъ преступниковъ.—Распоряженіе генерала-губернатора Сулимы о томъ, чтобы никто не кредитовалъ государственныхъ преступниковъ ни деньгами, ни вещами.—Донесеніе чиновника Яшина объ общительной жизни

Лихарева.—Наставленіе, данное управлявшимъ Тобольскою губерніею Копыловымъ Курганскому городничему. — Опредѣленіе рядовымъ въ Кавказскій отдѣльный Корпусъ.

Владиміръ Николаевичъ Лихаревъ, подпоручикъ квартирмейстерской части, принадлежавшій къ Южному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ; признанный виновнымъ въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство, въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и въ знаніи о приготовленіи къ мятежу, отнесенъ былъ указомъ правительствующаго Сената отъ 13 іюля 1826 года къ седьмому разряду государственныхъ преступниковъ, съ осужденіемъ къ временной ссылкѣ въ каторжныя работы на 4 года, а потомъ на вѣчное поселеніе. По указу, объявленному правительствующему Сенату 22 августа 1826 г., оставленъ въ каторжныхъ работахъ на одинъ годъ, съ обращаніемъ на вѣчное поселеніе въ Сибири. По отбытія годичнаго срока въ каторжныхъ работахъ, согласно послѣдовавшей волѣ Его Императорскаго Величества, 2 іюня 1828 года доставленъ былъ изъ Иркутска въ Тобольскъ для водворенія его на поселеніе въ селѣ Кондинскѣ. Въ Кондинскѣ Лихаревъ пробылъ два года. 22 марта 1830 года управлявшій главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества графъ Чернышевъ увѣдомилъ генерала-губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминова, что Государь Императоръ, снисходя къ просьбѣ матери преступника, Высочайше повелѣть соизволилъ—„перевесть Лихарева изъ Кондинска въ другое мѣсто, болѣе на югъ, по усмотрѣнію генерала-губернатора Западной Сибири, гдѣ бы климатъ, болѣе умѣренный, не столько вредилъ его здоровью“. По распоряженію генерала Вельяминова, Лихаревъ переведенъ былъ въ Курганъ. Въ Кондинскѣ и Курганѣ Лихаревъ проживалъ по разнымъ квартирамъ, пособія отъ казны не получалъ, располагая достаточными матеріальными средствами, присылавшимися ему изъ Россіи.

Въ началѣ 1832 года, чувствуя себя нездоровымъ и найдя необходимость лѣчиться подъ наблюденіемъ лучшихъ врачей, Лихаревъ просилъ генерала Вельяминова разрѣшить ему пріѣздъ въ г. Тобольскъ:

„Vous avez daigné m’encourager avec tant de bonté à vous adresser mes supplications que c’est avec une extrême confiance que je prends la liberté de vous importuner, pénétré du souvenir des affectueuses bontés dont votre excellence avez comblé mes compagnons d’infortune et parmi eux moi, dès l’instant où nous avons eu le bonheur de vous approcher.

„Il y a plusieurs années que je porte une balle dans le corps et la moindre variation dans l’air suffit pour renouveler la douleur

qu'elle m'a laissée. Avec une santé aussi délabrée que la mienne je redoute les conséquences de ce mal continu et je sens un pressant besoin de consulter un medecin, bien résolu de me soumettre aux chances d'une opération, s'il en est question".

Генераломъ Вельяминовымъ сдѣлано было распоряженіе объ освидѣтельствованіи состоянія здоровья Лихарева черезъ мѣстнаго городоваго врача и по полученіи свидѣтельства, удостовѣрявшаго необходимость оперативнаго лѣченія, сдѣлано было сношеніе съ графомъ Бенкендорфомъ о разрѣшеніи Лихареву поѣздки въ г. Тобольскъ. 31 мая 1832 года графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генерала Вельяминова, что онъ имѣлъ счастье представлять Его Императорскому Величеству отношеніе его съ ходатайствомъ о Лихаревѣ, и Его Величество Всемилостивѣйше дозволилъ государственному преступнику Лихареву прибыть въ Тобольскъ „для вынутія изъ тѣла его пули, съ тѣмъ однакожъ, чтобы онъ остался тамъ не долѣе, какъ сколько нужно будетъ для его выздоровленія".

15-го іюля 1832 года Лихаревъ прибылъ въ Тобольскъ, гдѣ и оставался для лѣченія, благодаря принятому въ немъ участію и ходатайству со стороны управлявшаго въ то время Тобольскою губерніею Александра Николаевича Муравьева, до 21 марта 1833 года.

Матеріальныя средства Лихарева, частію вслѣдствіе болѣзненнаго его состоянія, требовавшаго расходовъ по лѣченію, частію вслѣдствіе усвоенной имъ прежде привычки не стѣснять себя въ расходахъ, пришли въ скоромъ времени въ крайне запутанное положеніе. Еще будучи въ Кондинскѣ и получая отъ своей семьи по тысячѣ руб. ассигнаціями въ годъ, т. е. въ наибольшемъ размѣрѣ, опредѣленномъ для содержанія государственныхъ преступниковъ, несмотря на крайнюю дешевизну жизни, онъ былъ въ долгахъ.

Надѣясь поправить свое запутанное положеніе и уплатить сдѣланные имъ долги въ Сибири, онъ, въ началѣ 1834 года, просилъ графа Алексѣя Алексѣевича Бобринскаго прислать ему 7 тысячъ рублей, въ которыхъ имѣлъ крайнюю надобность; это обращеніе сдѣлалось извѣстнымъ графу Бенкендорфу и по его настоянію отъ Лихарева требованы были объясненія о томъ, на какой предметъ проситъ онъ у графа Бобринскаго такую сумму, на которую, по существующему положенію, ограничивающему права государственныхъ преступниковъ на полученіе значительныхъ денежныхъ суммъ, онъ права не имѣлъ. Въ объясненіи Лихаревъ ссылался на значительные расходы, имъ понесенные при болѣзни, такъ какъ съ 1828 года, со времени назначенія въ Кондинскъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, онъ

постоянно былъ боленъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій и въ этотъ двухлѣтній періодъ онъ никогда своевременно не получалъ денегъ отъ своихъ родныхъ, а потому вынужденъ былъ распродать имѣвшуюся у него необходимую одежду и другія необходимыя для жизни предметы. Получивъ же разрѣшеніе на переводъ въ Курганъ онъ по болѣзни оставался въ Тобольскѣ, а по прибытіи въ Курганъ вновь долженъ былъ заводиться одеждою и припасами. При такихъ условіяхъ онъ по необходимости задолжалъ многимъ лицамъ значительную сумму денегъ и видя себя не въ состояніи уплатить изъ предназначенныхъ ему на содержаніе 1000 руб. ассигнаціями въ годъ, рѣшилъ обратиться къ графу Бобринскому съ просьбою дать ему сумму, необходимую для покрытія имъ сдѣланныхъ долговъ.

Одновременно съ представленіемъ требуемаго объясненія, Лихаревъ обратился съ письмомъ къ генералу-губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову, объясняя свое разстроенное матеріальное положеніе: „Когда я разстался съ семействомъ своимъ, писалъ Лихаревъ, оно пользовалось болѣе нежели безнуждным состояніемъ, которое по разнымъ причинамъ разстроилось въ продолженіи моей ссылки. Между тѣмъ я оставался о томъ въ совершенной безъизвѣстности и былъ увѣренъ не только въ готовности и средствахъ моихъ родныхъ доставить мнѣ все нужное для моего содержанія, но даже непрестанно былъ укрѣпляемъ въ тѣхъ мысляхъ и надеждѣ ихъ письмами. Когда же я обратился къ семейству своему съ настоятельною просьбою объ уплатѣ моихъ долговъ, я узналъ скрываемое отъ меня до той поры разстройство его состоянія и рѣшился писать о нуждахъ своихъ графу Бобринскому, безъ всякихъ объясненій, какъ къ старому товарищу; этихъ объясненій теперь отъ меня требуетъ правительство: я представляю ихъ, съ мучительною неизвѣстностію о будущихъ послѣдствіяхъ въ предметѣ столь важномъ для моего спокойствія и совѣсти“.

Затѣмъ Лихаревъ просилъ генерала Вельяминова исходатайствовать разрѣшеніе на полученіе отъ родныхъ его или отъ графа Бобринскаго просимой имъ суммы денегъ на уплату долговъ. Копія съ этого письма препровождена была генераломъ Вельяминовымъ графу Бенкендорфу съ аттестаціею Лихарева, свидѣтельствовавшею что этотъ государственный преступникъ велъ себя на поселеніи „отлично—хорошо“. Пока продолжалась переписка между разными учрежденіями о долгахъ Лихарева и спрашивался отзывъ графа Бобринскаго о согласіи его на выдачу Лихареву просимой имъ суммы, тѣмъ временемъ стали поступать отъ разныхъ Сибирскихъ торговыхъ фирмъ прошенія,

подаваемыя какъ генералу-губернатору Западной Сибири, такъ и Тобольскому губернатору съ просьбой о взысканіи съ Лихарева должныхъ имъ денегъ за забранные въ разное время товары. Всѣхъ такихъ взысканій предъявлено было на сумму 6300 руб., признанныхъ Лихаревымъ, а затѣмъ еще самимъ имъ указанъ былъ сдѣланный имъ заемъ у товарища своего по ссылкѣ Лорера, въ размѣрѣ 500 руб. Наконецъ графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генерала-губернатора Западной Сибири Н. С. Сулиму, что графъ Бобринскій отказывается исполнить желаніе Лихарева, такъ какъ родственники Лихарева не берутъ на себя обязательства къ уплатѣ просимой имъ суммы.

Управлявшій Тобольскою губерніею Копыловъ, получивъ увѣдомленіе объ отзывѣ графа Бобринскаго и, видя невозможность удовлетворенія кредиторовъ Лихарева, вошелъ съ представленіемъ къ генералу-губернатору Сулимѣ о необходимости принятія общихъ мѣръ къ огражденію кредита государственнымъ преступникамъ, такъ какъ, по мнѣнію его, „подобные займы, какіе надѣлалъ Лихаревъ, не могутъ быть дозволяемы, ибо въ противномъ случаѣ, если допустить уплату оныхъ, нарушена будетъ Высочайшая воля ограничивающая матеріальныя средства государственныхъ преступниковъ“, а потому онъ полагалъ бы опубликовать по Тобольской губерніи, „чтобы никто больше, ни помянутому Лихареву, ни прочимъ государственнымъ преступникамъ или польскимъ мятежникамъ довѣренности въ кредитъ не дѣлалъ“.

Генералъ-губернаторъ Сулима вполнѣ одобрилъ предположенія Копылова, предложивъ чрезъ распубликованіе „всѣмъ градскимъ и земскимъ полиціямъ дать знать непремѣнно чтобы государственнымъ преступникамъ и польскимъ мятежникамъ довѣренности въ кредитъ, ни денегъ, ни вещей, никто не дѣлалъ, а если и за симъ кто будетъ давать симъ преступникамъ въ одолженіе деньги, то оные не будутъ имъ платить“.

Объ этомъ циркулярномъ распоряженіи доведено было генераломъ Сулимою до свѣдѣнія графа Бенкендорфа, разрѣшившаго платить долги Лихарева изъ ежегодно получаемыхъ имъ денегъ отъ родственниковъ, въ виду того что долги имъ сдѣланы были до распубликованія по Тобольской губерніи ограничительныхъ правилъ для кредита государственнымъ преступникамъ.

Какъ многіе государственные преступники, изъ числа сужденныхъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ, не избѣгли доносовъ на нихъ, такъ и общительная жизнь Лихарева, какую онъ велъ въ Курганѣ, не осталась безъ осужденія. Въ концѣ 1839 года совѣтникъ Тобольскаго губернскаго суда Яшинъ, посѣтивъ Курганъ, донесъ управляв-

шему Тобольскою губерніею Копылову, что „живущіе въ Курганѣ государственные преступники Фохтъ и Лихаревъ, показываются безпрепятственно въ тамошнихъ обществахъ и взаимно открытымъ образомъ посѣщаются курганскими чиновниками и гражданами, каковыя соотношенія упомянутыхъ государственныхъ преступниковъ съ Курганскимъ обществомъ представляются вовсе, по мнѣнію его, несообразными съ настоящимъ ихъ положеніемъ“. Это донесеніе послужило поводомъ Копылову дать наставленіе курганскому городничему подполковнику Бурдзинкевичу, съ объясненіемъ того положенія какое должны занимать государственные преступники среди гражданъ: „хотя въ настоящее время я не нахожу еще достаточныхъ поводовъ, по однимъ дошедшимъ до меня слухамъ о несообразномъ поведеніи государственныхъ преступниковъ, назначать формальное слѣдствіе, но считаю не лишнимъ обнаружить касательно предмета сего истинный образъ своихъ мыслей. Состраданіе къ несчастнымъ есть одно изъ благороднѣйшихъ чувствованій человѣка, внушаемое намъ самою религіею, ибо она повелѣваетъ намъ любить даже и заблудшихъ нашихъ братій, но когда оно переходитъ черту указанную закономъ и увлекаетъ насъ къ нарушеніямъ правительственныхъ распорядковъ, въ такомъ случаѣ становится уже преступленіемъ. Уважать или ласкать открыто порокъ, значитъ публично оскорблять честь и добродѣтель. Убѣждаясь сими причинами, я рекомендую вамъ принять немедленно зависящія мѣры, чтобы жительствующіе въ Курганѣ государственные преступники ни подъ какимъ видомъ въ отношеніе къ тамошнему обществу не выходили изъ круга высшимъ правительствомъ для нихъ опредѣленнаго, и чтобы доброхотство и состраданіе къ нимъ Курганскихъ чиновниковъ и гражданъ отнюдь, на будущее время, не преступали границъ должнаго благоприличія и установленнаго закономъ порядка“.

Донесеніе чиновника Яшина и данное управлявшимъ Тобольскою губерніею Копыловымъ наставленіе городничему не имѣли вліянія на измѣненіе жизни государственныхъ преступниковъ въ Курганѣ, граждане и чиновники не переставали искать знакомства съ декабристами, сознавая ихъ высшее по сравненію съ ними развитіе и благородство воспитанія. Также совершенно безрезультатны были сдѣланныя распоряженія Копыловымъ, одобренныя генералъ-губернаторомъ Западной Сибири Сулимою, о воспрещеніи частнымъ лицамъ кредитовать государственныхъ преступниковъ. Большинство декабристовъ, изъ числа поселенныхъ въ Западной Сибири, было безъ средствъ, нуждавшееся даже часто въ пропитаніи и въ томъ ничтожномъ пособіи которое давалось отъ казны, но все это были люди, пользовавшіеся симпатіями

сибирскаго населенія, всегда оказывавшаго имъ услуги. Если сибирское населеніе давало пріютъ и матеріально помогало государственнымъ преступникамъ изъ числа декабристовъ, то эти преступники никогда не злоупотребляли симпатіями населенія.

По Высочайшему повелѣнію, объявленному генералу-губернатору Западной Сибири кн. Горчакову графомъ Бенкендорфомъ въ 1837 году, Лихаревъ, въ числѣ прочихъ государственныхъ преступниковъ, опредѣленъ былъ рядовымъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ и отправленъ на почтовыхъ въ Тифлисъ.

ГЛАВА XII.

Фонъ-деръ-Бригенъ.—Поселеніе въ Пелымѣ.—Матеріальное положеніе.—Постройка дома.—Резолюція Его Императорскаго Величества на всеподданнѣйшей докладной запискѣ о переводѣ Бригена въ другое мѣсто поселенія.—Ходатайство А. Н. Муравьева о переводѣ Бригена изъ Пелыми.—Переводъ въ Курганъ.—Опредѣленіе на службу въ Курганскій окружный судъ.—Высочайше утвержденныя правила о правахъ государственныхъ преступниковъ, опредѣляемыхъ на государственную службу.—Назначеніе засѣдателемъ въ Курганскій окружный судъ.—Преданіе суду.—Занятія переводомъ Юлія Цезаря.—Посвященіе перевода В. А. Жуковскому.—Полученіе денегъ отъ В. А. Жуковскаго.—Аттестація въ поведеніи.—Перемѣщеніе на службу въ Туринскъ.—Возвращеніе въ Россію.

Александръ Ѳедоровичъ Фонъ-деръ-Бригенъ, отставной полковникъ, принадлежалъ къ Сѣверному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ и, признанный виновнымъ въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство и въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго, указомъ правительствующаго Сената отъ 13 іюля 1826 года отнесенъ былъ къ седьмому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ временной ссылкѣ въ каторжныя работы на 4 года, а потомъ на вѣчное поселеніе. Указомъ объявленнымъ правительствующему Сенату 22 августа 1826 г. оставленъ въ каторжныхъ работахъ на одинъ годъ, а затѣмъ на вѣчномъ поселеніи въ Сибири. По отбытіи годичнаго срока въ каторжныхъ работахъ, доставленъ былъ изъ Иркутска въ Тобольскъ въ половинѣ іюня 1828 года, одновременно съ Черкасовымъ. 20 іюня, согласно послѣдовавшей Высочайшей воли, отправленъ былъ изъ Тобольска на поселеніе въ Пелымь, подъ надзоромъ урядника Баеднаго и одного жандарма. Семейство его, состоявшее изъ жены, 3-хъ дочерей и одного сына, оставалось въ Россіи, проживая въ Глуховскомъ уѣздѣ. Находясь въ постоянномъ сношеніи съ семьею, онъ получалъ отъ нея необходимыя

матеріальныя средства для своего существованія, а именно по 1 тысячи руб. ассигнаціями въ годъ, и кромѣ того ему высылались особо денежныя суммы на первоначальное обзаведеніе и домообзаводство. Благодаря матеріальной обезпеченности, въ первый же годъ своего поселенія въ Пелымѣ, онъ выстроилъ себѣ, съ разрѣшенія главной администраціи края, деревянный домъ, состоявшій изъ трехъ комнатъ, съ необходимыми для хозяйства и небольшаго скотоводства постройками. Неблагопріятныя климатическія условія Пелыми скоро отозвались на здоровьѣ его а потому въ 1831 году т. е. по прошествіи трехлѣтней жизни въ Пелымѣ, исправлявшій должность Тобольскаго губернатора, предсѣдатель Тобольскаго губернскаго правленія Корниловъ, донесъ генералъ-губернатору И. А. Вельяминову, что находящійся въ Пелымѣ Бригенъ совершенно разстроилъ свое здоровье и никуда потому изъ дому не выходитъ, такъ какъ не въ состояніи переносить суровость климата. Это донесеніе, подкрѣпленное хорошей аттестаціей въ поведеніи, было представлено генераломъ Вельяминовымъ графу Бенкендорфу, съ ходатайствомъ разрѣшить переводъ Бригена, въ другую мѣстность Тобольской губерніи съ болѣе благопріятными климатическими условіями. 29 іюня 1831 года графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генерала Вельяминова, что онъ имѣлъ счастье представить Государю Императору всеподданнѣйшую докладную записку о переводѣ Бригена въ другое мѣсто, южнѣе, но на этой запискѣ Его Величество собственноручно изволилъ написать слѣдующее: „Начали всѣ проситься, надобно быть осторожнѣе въ согласіи на это, въ особенности нынѣ“. По полученіи извѣщенія о такой Высочайшей резолюціи генераломъ Вельяминовымъ сдѣлано было распоряженіе объ объявленіи Бригену, что на переводъ его въ другое мѣсто Высочайшаго соизволенія не воспослѣдовало.

Въ 1834 году, т. е. спустя уже 6-ть лѣтъ по водворенію Бригена въ Пелымѣ, управлявшій Тобольскою губерніею А. Н. Муравьевъ, основываясь на донесеніи Пелымскаго отдѣльнаго засѣдателя, вновь возбудилъ ходатайство передъ генераломъ-губернаторомъ Западной Сибири И. А. Вельяминовымъ о переводѣ Бригена въ другой городъ, такъ какъ всѣ употребляемыя медицинскія средства для лѣченія болѣзни преступника, при сыромъ климатѣ, торфяной водѣ и недостаточности доброкачественной пищи, не оказываютъ желаемаго успѣха. Вслѣдствіе этого ходатайства, подкрѣпленнаго медицинскимъ свидѣтельствомъ, о состояніи здоровья Бригена. Генералъ Вельяминовъ просилъ графа Бенкендорфа не оставить своимъ вниманіемъ государственнаго преступника уже столько лѣтъ находящагося въ Пелымѣ

и отличающагося весьма хорошимъ поведеніемъ; но и это ходатайство не имѣло успѣха, оно оставлено было графомъ Бенкендорфомъ даже безъ отвѣта на него, а только уже когда начальникъ VII округа корпуса жандармовъ, полковникъ Масловъ, донесъ графу Бенкендорфу что Бригенъ, находясь въ Пелымѣ совершенно потерялъ свое здоровье, и что по общему отзыву этотъ преступникъ отличается наилучшимъ поведеніемъ и исполненъ чувствъ искренняго раскаянія, то, по Всеподданнѣйшему докладу Государю Императору донесенія полковника Маслова, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на переводъ Бригена въ одну изъ южныхъ мѣстностей Тобольской губерніи. О такомъ Высочайшемъ соизволеніи графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири Сулиму 30 ноября 1835 года. Отъ Бригена затребованъ былъ генералъ-губернаторомъ отзывъ о томъ, куда именно онъ желаетъ быть переселеннымъ и, по выраженному имъ желанію, сдѣлано было распоряженіе о переводѣ его въ г. Курганъ, куда онъ и прибылъ въ первыхъ числахъ марта 1836 года.

Въ началѣ 1838 года послѣдовало высочайшее соизволеніе на опредѣленіе Бригена на службу въ Курганскій окружный судъ канцеляристомъ. Приказъ объ опредѣленіи его въ штатъ суда состоялся 29 марта 1838 года. При одредѣленіи Бригена на гражданскую службу предсѣдательствующимъ въ совѣтѣ главнаго управленія Западной Сибири и возбуждены были слѣдующія вопросы: 1) Слѣдуетъ ли Бригена приводить къ присягѣ на вѣрность службы? 2) Къ какому разряду должно причислить его на выслугу срока для полученія чина? 3) Считать ли за нимъ, за родителями или за женою его недвижемое имѣніе? 4-е) Какимъ порядкомъ долженъ онъ производить свою переписку?

По докладу графомъ Бенкендорфомъ Государю Императору возбужденныхъ вопросовъ, Его Величество Высочайше изволилъ повелѣть: 1) Бригена привести къ присягѣ на вѣрность службы, такъ какъ онъ вступаетъ въ оную вновь. 2) Причислить его къ 4-му разряду канцелярскихъ служителей (люди сего рода обязаны 12 лѣтнею службою до производства въ первый офицерскій чинъ). 3) Канцелярскіе служители 4-го разряда на владѣніе недвижимымъ имѣніемъ права неимѣютъ, а по сему Бригену оно предоставлено быть не можетъ. Родители Бригена и жена его не лишены дворянскихъ правъ, слѣдовательно, если во владѣніи ихъ состоитъ недвижимое имѣніе, то нѣтъ причины не показывать онаго въ формулярномъ спискѣ Бригена, права же его наслѣдовать симъ имѣніемъ опредѣляются правами состоянія, къ которому онъ нынѣ принадлежитъ. 4) Переписку Бригена,

впредь до времени, подчинить тѣмъ же правиламъ въ порядкѣ надзора за оною, какимъ подлежала доселѣ. 5) Съ опредѣленіемъ Бригена на службу правило на счетъ выдачи ему денегъ можетъ быть въ отношеніи къ нему измѣнено дозволеніемъ получать большія суммы и свободно располагать ими, тѣмъ болѣе что начальство его не изъято отъ непремѣнной и строжайшей обязанности имѣть постоянное и самое бдительное за нимъ наблюденіе, а посему должно будетъ слѣдить за употребленіемъ, которое онъ можетъ дѣлать изъ получаемыхъ имъ денегъ.

Эти Высочайше утвержденныя правила приняты были къ руководству и по отношенію къ другимъ лицамъ изъ состава государственныхъ преступниковъ, которымъ впослѣдствіи Всемилостивѣйше дозволено было вступить на гражданскую службу [1]).

Черезъ восемь лѣтъ службы, а именно 31 января 1846 года, Бригенъ перечисленъ былъ, съ Высочайшаго соизволенія, изъ 4-го въ 3-й разрядъ писцовъ, а затѣмъ Высочайшимъ приказомъ отъ 24 марта 1848 г. произведенъ былъ въ коллежскіе регистраторы, въ этомъ же году, по предложенію генерала-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, опредѣленъ былъ на классную должность засѣдателемъ Кур-

---

[1]) Приведенныя правила, которымъ подчинялись лица изъ состава государственныхъ преступниковъ при поступленіи на гражданскую службу, дополнены были въ 1846 году указаніями о порядкѣ разрѣшенія отпусковъ и возложенія командировокъ. За воспослѣдованіемъ въ разное время Высочайшихъ соизволеніи къ вступленіи нѣкоторымъ лицамъ изъ государственныхъ преступниковъ на службу въ Сибири, возникли вопросы о томъ могутъ ли подобныя лица быть увольняемы въ отпуски по Сибири и на какомъ именно основаніи, а также могутъ ли эти лица получать командировки. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ графъ Орловъ входилъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ, по положенію котораго, Высочайше утвержденному, повелѣно было: дезволить Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ увольнять концелярскихъ служителей изъ государственныхъ преступниковъ въ отпуски, но только по самымъ важнымъ причинамъ, на срокъ не болѣе 15 дней и въ мѣста, не слишкомъ отдаленныя, съ тѣмъ чтобы генералъ-губернаторы о каждомъ такомъ увольненіи доставляли свѣдѣнія въ 3-е отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи; если же упомянутыя лица будутъ просить объ увольненіи ихъ на продолжительнѣйшія срока и въ отдаленныя мѣста по Сибири, то генералы-губернаторы обязаны входить о семъ съ предстсвленіями къ генералъ-адъютанту графу Орлову. Что же касается до командировокъ, то Высочайше повелѣно было, чтобъ бывшіе государственные преступники *не были никуда командированы*, даже и по дѣламъ службы изъ мѣстъ постояннаго ихъ жительства.

ганскаго окружнаго суда. На этой отвѣтственной должности, при составѣ суда изъ полуграмотныхъ продажныхъ, нетрезвыхъ представителей юстиціи, Бригенъ не избѣгнулъ несчастной участи большинства сибирскихъ чиновниковъ, которымъ ввѣрялось правосудіе, быть преданнымъ суду по постановленіямъ главнаго управленія Западной Сибири, которыя утверждены кн. Горчаковымъ 23 марта и 15 мая 1850 года, Бригенъ вмѣстѣ съ прочими членами Курганскаго окружнаго суда преданъ былъ суду за разныя противозаконныя дѣйствія по дѣламъ: 1) объ убійствѣ крестьянина Курганскаго округа Михаила Власова, 2) о переводителяхъ и дѣлателяхъ фальшивыхъ монетъ въ Курганскомъ округѣ.

Состоя на службѣ въ Курганѣ, Бригенъ занимался переводомъ Юлія Цезаря и сдѣланный переводъ посвятилъ Василью Андреевичу Жуковскому, прося его принять изданіе этого перевода на себя. Василій Анндреевичъ согласился на посвященіе ему перевода, выразивъ желаніе принять на себя изданіе его, но по докладу графа Орлова, въ іюнѣ 1845 года, вмѣстѣ съ доставленіемъ письма Жуковскаго къ Бригену, поручено было князю Горчакову объявить Бригену, что, на основаніи Высочайшаго соизволенія, ему дозволяется печатать его переводъ, но безъ означенія имени переводчика, и чтобы рукопись, если онъ согласенъ на предъявленныя ему тайнымъ совѣтникомъ Жуковскимъ условія, была бы прислана въ III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи для отправленія ея къ Жуковскому.

Предложенныя Жуковскимъ условія были приняты Бригеномъ, и 3-го ноября 1845 года гунералъ Дубельтъ препроводилъ къ князю Горчакову для выдачи Бригену полученныя отъ Жуковскаго за переводъ деньги 714 р. 26 коп.

Преданный главнымъ управленіемъ Западной Сибири суду, Бригенъ въ вѣдомостяхъ о состоящихъ подъ надзоромъ полиціи и представлявшихся Его Императорскому Величеству въ 1850 г., аттестованъ былъ въ поведеніи Тобольскою администраціею весьма дурно.— Такъ въ началѣ 1850 года Тобольскій губернаторъ Энгельке доносилъ что Бригенъ „склоненъ къ интригамъ и имѣетъ знакомство съ людьми нетрезваго поведенія“.

Эта неодобрительная въ поведеніи аттестація послужила поводомъ къ тому, что 24 іюня 1850 г., по Высочайшему повелѣнію, Бригенъ перемѣщенъ былъ изъ Кургана въ Туринскій окружный судъ засѣдателемъ—„за неумѣстныя его званію сужденія и заносчивое поведеніе“.

Судебное преслѣдованіе Бригена за дѣятельность его по должности засѣдателя Курганскаго окружнаго суда окончено было административнымъ взысканіемъ.

По переводѣ въ Туринскъ Бригенъ снова, какъ и прежде до 1850 года, сталъ аттестоваться въ поведеніи Тобольскими губернаторами съ самой лучшей стороны. По воспослѣдованію Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года Александръ Ѳедоровичъ, 62 л., получивъ прощеніе съ возстановленіямъ утеренныхъ по суду правъ, возвратился въ Россію.

ГЛАВА XIII.

Мозгалевскій.—Поселеніе въ Нарымѣ.—Бѣдственное положеніе.—Пособія отъ казны.—Женитьба.—Ходатайство о полученіи наслѣдства.—Переводъ на поселеніе въ Восточную Сибирь.—Аттестація въ поведеніи.

Мозгалевскій, подпоручикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка, принадлежалъ къ обществу соединенныхъ славянъ, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ и признанный виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, приговоромъ суда отнесенъ былъ къ восьмому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ, по лишенію чиновъ и дворянства, къ ссылкѣ на поселеніе. Указомъ объявленнымъ правительствующему Сенату 22 августа 1826 года оставленъ на поселеніи на 20 лѣтъ.

Прибывъ въ августѣ 1826 года въ Тобольскъ онъ отправленъ былъ въ распоряженіе томскаго губернатора для поселенія его, согласно Высочайшему повелѣнію, въ заштатномъ городѣ Нарымѣ. Не имѣя средствъ къ существованію на поселеніи, онъ просилъ о выдачѣ ему пособія отъ казны, почему, томскою администраціею сдѣлано было распоряженіе о выдачѣ ему по 4 руб. 35 3/4 к. серебромъ въ мѣсяцъ, взамѣнъ солдатскаго пайка а также установленной для государственныхъ преступниковъ крестьянской одежды. По воспослѣдованіи въ 1835 году Высочайше утвержденныхъ правилъ, относительно выдачи государственнымъ преступникамъ денежныхъ пособій, онъ сталъ получать изъ казны пособіе въ размѣрѣ 200 руб. ассигнаціями въ годъ. Въ скоромъ времени по водвореніи своемъ въ Нарымѣ, съ разрѣшенія томской администраціи, онъ женился на нарымской мѣщанской дочери Авдотьѣ Кутаргиной и въ 1830 году купилъ себѣ въ Нарымѣ домъ цѣною за 40 рублей, въ которомъ и поселился съ семьею.—Претерпѣвая тяжелую нужду онъ старался увеличить средства свои

къ существованію съ семьею занятіями по хозяйству, но суровыя климатическія условія Нарыма препятствовали его стремленіямъ, почему уже съ 1835 года онъ сталъ ходатайствовать о переводѣ его въ Восточную Сибирь, гдѣ надѣялся найти себѣ лучшій, болѣе обезпечивающій заработокъ. Въ 1834 году Мозгалевскій обращался къ томскому губернатору съ ходатайствомъ предоставить ему право принять наслѣдство отъ своего отца и послать довѣренность братьямъ на полученіе ему причитающейся части, заключающейся въ капиталѣ, находящимся въ долгахъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь Блудовъ, съ которымъ генералъ-губернаторъ Западной Сибири И. А. Вельяминовъ входилъ въ сношенія для выясненія правъ Мозгалевскаго, увѣдомилъ, что такъ какъ Мозгалевскій лишенъ всѣхъ правъ состоянія, то на основаніи указа 27 марта 1753 года долженъ быть почитаемъ политически мертвымъ, а по этому и довѣренности по дѣламъ наслѣдства онъ выдавать не можетъ. Послѣ этого отказа жена Мозгалевскаго, представляя генералу Вельяминову всеподданнѣйшую просьбу, писала ему: „Отказъ г. министра внутреннихъ дѣлъ лишилъ насъ средства къ полученію пособія отъ родственниковъ на содержаніе семейства, поступающаго къ тому нынѣ въ окладъ; полагая еще надежду на милость Государя Императора, рѣшилась умолять Его Величество". Просьба Мозгалевской препровождена была къ графу Бенкендорфу, который увѣдомилъ, что „онъ не осмѣливается представить Государю Императору такую просьбу, въ которой испрашивается дозволеніе противное существующимъ узаконеніямъ".

Въ 1836 году Мозгалевскій, по полученію разрѣшенія, на переѣздъ въ Восточную Сибирь, выбылъ изъ Нарыма съ семьею, состоящей изъ жены, двухъ сыновей,—Павла 5 лѣтъ, Валентина 3 лѣтъ,—и дочери Варвары 8 лѣтъ.

За все время десятилѣтняго пребыванія своего на поселеніи въ Нарымѣ Мозгалевскій хорошо аттестовался въ поведеніи томскою администраціею.

ГЛАВА XIV.

Выгодовскій.—Поселеніе въ Нарымѣ.—Пособія отъ казны.—Надѣленіе землею.—Занятія хозяйствомъ.—Покупка дома.—Аттестація въ поведеніи.—Возвращеніе въ Россію.

Выгодовскій, канцелярист, членъ общества соединенныхъ славянъ, сужденъ былъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ и признанный виновнымъ въ знаніи умысла на цареубійство и въ принадлежности

къ тайному обществу, указомъ Правительствующаго Сената отъ 13 іюля 1826 года отнесенъ былъ къ седьмому разряду государственныхъ преступниковъ, съ осужденіемъ въ каторжныя работы на 4 года и съ оставленіемъ затѣмъ на вѣчномъ поселеніи. Указомъ, объявленнымъ Правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, оставленъ въ каторжной работѣ на одинъ годъ, съ оставленіемъ на вѣчномъ поселеніи въ Сибири.

По отбытіи годичнаго срока въ каторжныхъ работахъ назначенъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, на поселеніе въ заштатный городъ Нарымъ, Томской губерніи, куда и прибылъ 3 іюня 1828 года.—Матеріальныхъ средствъ для поддержанія своего существованія на поселеніи онъ никакихъ не имѣлъ а потому, по распоряженію Томской Губернской администраціи и съ согласія генерала-губернатора Западной Сибири, со времени прибытія на поселеніе, онъ получалъ по 4 руб. 35¾ к. въ мѣсяцъ, взамѣнъ солдатскаго пайка, а также установленную для государственныхъ преступниковъ крестьянскую одежду.—Когда воспослѣдовало, въ 1835 году, Всемилостивѣйшее соизволеніе о производствѣ неимущимъ государственнымъ преступникамъ выдачи изъ казны денежнаго пособія, и графомъ Бенкендорфомъ сдѣланъ былъ запросъ о томъ, кто именно изъ государственныхъ преступниковъ и въ какой мѣрѣ нуждается, то генералъ-губернаторъ Западной Сибири Сулима увѣдомилъ графа Бенкендорфа что Выгодовскій, какъ не имѣющій въ Россіи состоятельныхъ родственниковъ, которые могли бы ему оказывать матеріальную поддержку, нуждается въ пособіи; получая же крестьянскую одежду по утвержденной табели, преступникъ этотъ носитъ собственную, соотвѣтствующую прежнему его званію: сюртукъ, фуражку или картузъ, такъ какъ крестьянская одежда ему не совсѣмъ удобна, а потому, согласно отзыву Томскаго губернатора, полагалъ бы выдавать этому преступнику, по прежнему, какъ правіантъ въ патурѣ или деньгами по справочнымъ цѣнамъ а затѣмъ, не выдавая одежды, отпускать ему по бѣдному его состоянію отъ казны ежегодное денежное пособіе въ размѣрѣ 200 р. ассигнаціями.—Съ разрѣшенія графа Бенкендорфа, Выгодовскій, до выѣзда своего изъ предѣловъ Сибири, ежегодно получалъ пособіе въ такомъ именно размѣрѣ, въ какомъ ходатайствовалъ генералъ Сулима.—При надѣленіи въ 1835 году государственныхъ преступниковъ 15 десятинnымъ надѣломъ пахатной земли, Выгодовскій далъ отзывъ Томской Казенной палатѣ, что по мѣстоположенію почвы близъ г. Нарыма, климату и свойству промышленности въ мѣстности, имъ обитаемой, отъ хлѣбопашества совершенно не возможно извлечь какую либо пользу и

всѣ затраты, какія будутъ дѣлаемы на эту отрасль сельскаго хозяйства останутся непроизводительными; по недостатку же своему и по нахожденію подъ надзоромъ полиціи, онъ не въ состояніи заниматься сельскимъ хозяйствомъ, а потому представляетъ на волю начальства отвести ему землю тамъ, гдѣ будетъ угодно.—На основаніи этого отзыва и отказа отъ принятія въ надѣлъ хлѣбопахатной земли Мозгалевскаго, тоже находившагося на поселеніи въ Нарымѣ, сдѣлано было въ 1836 году распоряженіе, съ дозволенія генерала-губернатора, о надѣленіи государственныхъ преступниковъ, водворенныхъ въ Нарымѣ, 15 десятиннымъ надѣломъ сѣнокосной земли взамѣнъ пахотной. Жизнь на поселеніи Выгодовскій велъ совершенно скромную, занимался хозяйствомъ и въ тридцатыхъ годахъ пріобрѣлъ себѣ въ Нарымѣ небольшой деревянный домъ, въ которомъ и проживалъ до времени возвращенія своего въ Россію.—За время нахожденія на поселеніи въ продолженіи 28 лѣтъ, онъ оттестовался томскою администраціею, подъ надзоромъ которой состоялъ, всегда съ хорошей стороны.—По воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года, получивъ прощеніе съ возстановленіемъ утерянныхъ правъ по суду, онъ возвратился въ Россію.

ГЛАВА XV.

Муравьевъ-Апостолъ.—Поселеніе въ Бухтарминской крѣпости. — Распоряженіе генерала-губернатора Вельяминова объ установленіи за нимъ надзора.—Распоряженія графа Бенкендорфа объ отмѣнѣ стѣснительныхъ мѣръ по надзору. — Матеріальныя средства.—Покупка дома.—Занятія. — Жалобы Муравьева-Апостола на стѣсненіе его свободы приставленнымъ къ нему карауломъ. — Распоряженіе генерала Вельяминова о порядкѣ надзора.—Женитьба.—Доносъ чиновника Петрова о „непозволительныхъ связяхъ“ Муравьева-Апостола съ управляющимъ Бухтарминскою таможнею Макаровымъ. — Донесеніе Бухтарминскаго коменданта Стражникова, подтверждавшее доносъ Петрова. — Разслѣдованіе произведенное генераломъ Петерсономъ.—Аттестація Муравьева-Апостола полковникомъ Масловымъ.—Переводъ въ Ялуторовскъ.—Надѣленіе землею.—Занятія хозяйствомъ.—Семейная жизнь.—Аттестація въ поведеніи. — Колонія декабристовъ въ Ялуторовскѣ.—Добрая память объ ней въ Сибири.—Возвращеніе въ Россію.

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, отставной подполковникъ, принадлежалъ къ южному обществу, преданъ былъ Верховному уголовному суду и, признанный виновнымъ въ умыслѣ на цареубійство а также въ томъ что самъ готовился къ совершенію онаго, уча-

ствовалъ въ возстановленіи дѣятельности сѣвернаго общества и зналъ умыслы южнаго общества во всемъ ихъ пространствѣ и наконецъ за дѣйствіе въ мятежѣ, въ которомъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, отнесенъ былъ указомъ правительствующаго Сената, отъ 13 Іюня 1826 года, къ первому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы. Указомъ объявленнымъ 10 іюля 1826 года Верховному уголовному суду, по уваженію совершеннаго и чистосердечнаго его раскаянія, по лишенію чиновъ и дворянства, опредѣленъ въ каторжную работу на 20 лѣтъ а потомъ на поселеніе. Но и этому наказанію Матвѣй Ивановичъ не подвергся, такъ какъ по обнаруженіи его переписки съ братомъ своимъ Сергѣемъ, въ которой онъ удерживалъ брата и тайное общество отъ кровопролитія и покушенія противъ Высочайшихъ особъ, опъ, по Высочайшему повелѣнію, по лишенію всѣхъ правъ состоянія, сосланъ былъ на безсрочное поселеніе въ Сибирь, а именно въ Вилюйскъ.

16 марта 1829 года графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генерала-губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминова что Его Императорское Величество, снисходя къ всеподданнѣйшей просьбѣ жены генерала-маіора Бибиковой, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ, чтобы братъ ея, государственный преступникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, переведенъ былъ изъ Вилюйска на поселеніе въ крѣпость Бухтарминскую, находящуюся въ Омской области. Генералъ Вельяминовъ, давая знать Бухтарминскому коменданту полковнику Шевнину о послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи, предлагалъ ему: „1) по привозѣ государственнаго преступника въ крѣпость тотчасъ принять его и, назначивъ ему непремѣнное и безотлучное жительство въ самой крѣпости, имѣть за нимъ строжайшій надзоръ, (не дѣлая впрочемъ никакихъ ему стѣсненій), какъ за поведеніемъ его, такъ и затѣмъ, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался отлучаться изъ крѣпости; 2) всякое огнестрѣльное оружіе, какое только могло бы у него найтиться, отобрать, не позволяя и впредь имѣть ему онаго; 3) по истеченіи каждаго мѣсяца о поведеніи и образѣ жизни сего преступника доносить г. Омскому областному начальнику“. Затѣмъ предваряя коменданта, что Муравьевъ-Апостолъ „былъ извѣстный вольнодумецъ“, Генералъ Вельяминовъ „обязывалъ наблюдать за образомъ мыслей его“.

Получивъ донесеніе отъ коменданта, что въ крѣпости находится жилыхъ строеній только ротный лазаретъ и гауптвахта, а прочія жилыя казенныя строенія находятся въ форштадтѣ при крѣпости, гдѣ квартируютъ и войска, генералъ Вельяминовъ измѣнилъ первое свое

предписаніе, разрѣшивъ помѣстить Муравьева-Апостола на жительство въ форштадтѣ, при крѣпости расположенномъ, „но съ тѣмъ все таки чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ отлучаться изъ мѣста своего жительства и чтобы къ нему былъ приставленъ полицейскій надзоръ".

29 августа 1829 года Муравьевъ-Апостолъ доставленъ былъ изъ Иркутска въ Омскъ и 30 августа отправленъ былъ на новое мѣсто поселенія; 5-го сентября онъ прибылъ въ Бухтарминскую крѣпость. Бухтарминскій комендантъ, донося генералу Вельяминову о доставленіи въ его вѣдѣніе Муравьева-Апостола, писалъ, что преступникъ принятъ имъ отъ сопровождавшаго его хорунжаго Корнилова „исправно". По прибытіи въ Бухтарминскую крѣпость Муравьевъ-Апостолъ жилъ въ отведенной ему комендантомъ квартирѣ, въ домѣ казака Щербакова, состоящей всего изъ одной комнаты, при этомъ за нимъ учрежденъ былъ, согласно данныхъ инструкцій, такой бдительный надзоръ, что комендантъ въ рапортѣ своемъ объ образѣ жизни и поведеніи ввѣреннаго ему преступика даже доносилъ о томъ, когда Муравьевъ-Апостолъ гулялъ по форштадту. Такая обстановка жизни вынудила Матвѣя Ивановича, вскорѣ же по прибытіи въ Бухтарминскъ, въ письмѣ къ сестрѣ своей Екатеринѣ Ивановнѣ Бибиковой жаловаться на то, что комендантъ крѣпости, будучи предубежденъ противъ него, запрещаетъ ему выходить изъ крѣпостной ограды, прося ее исходатайствовать ему разрѣшеніе завестись хозяйствомъ внѣ крѣпостной ограды. Матвѣй Ивановичъ, не зная данныхъ коменданту начальникомъ края инструкцій о наблюденіи за его поведеніемъ и образомъ жизни, относилъ всѣ претерпѣваемыя имъ стѣсненія къ произволу коменданта. Письмо Матвѣя Ивановича, адресованное къ сестрѣ его, сдѣлалось извѣстнымъ графу Бенкендорфу, который въ декабрѣ 1829 года писалъ генералу Вельяминову, что претерпѣваемыя Муравьевымъ-Апостоломъ стѣсненія „побуждаютъ его просить увѣдомить каменданта, что Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ переведенъ изъ Вилюйска въ Бухтарму по Высочайшему соизволенію, воспослѣдовавшему на всеподданнѣйшую просьбу его сестры и на представленіе его графа Бенкендорфа объ отлично-хорошемъ поведеніи сего преступника во все время пребыванія въ Вилюйскѣ, гдѣ крайне суровый климатъ оказалъ пагубное вліяніе на его здоровье, и что слѣдовательно Муравьевъ-Апостолъ, на основаніи общихъ правилъ о сосланныхъ на поселеніе государственныхъ преступникахъ, можетъ устроить себѣ въ Бухтармѣ хозяйство внѣ стѣнъ крѣпости".

На сдѣланный запросъ генераломъ Вельяминовымъ начальнику

Омской области генералу-лейтенанту Де-Сентъ-Лорану о томъ, на какомъ основаніи комендантъ стѣсняетъ такъ свободу Муравьева-Апостола, Де-Сентъ-Лоранъ отвѣчалъ, что комендантъ руководится данными ему самимъ генералъ-губернаторомъ инструкціями, и, въ доказательство заботы коменданта о ввѣренномъ надзору его преступникѣ Де-Сентъ-Лоранъ доносилъ, что комендантъ кромѣ полицейскаго караула, приставленнаго къ Муравьеву-Апостолу, изъ снисхожденія къ человѣколюбію, назначилъ еще къ нему „солдата хорошаго поведенія подъ видомъ якобы для услугъ и посылокъ его, въ чемъ онъ оставался довольнымъ, а между тѣмъ тому солдату приказано секретно и строго, чтобъ онъ имѣлъ къ преступнику должное уваженіе и смотрѣлъ бы за его поведеніемъ".

Данныя графомъ Бенкендорфомъ указанія послужили нѣсколько къ временному облегченію участи Матвѣя Ивановича. По полученіи отъ Екатерины Ивановны 2 т. руб. на первоначальное обзаведеніе, ему разрѣшено было генераломъ Вельяминовымъ купить домъ въ Бухтарминскѣ, а потому въ началѣ 1830 года онъ купилъ себѣ небольшой деревянный домъ у чиновника Зелейщикова за 350 руб., предположивъ остальныя деньги, выданныя ему на обзаведеніе, израсходовать на устройство пасѣки и мельницы близъ Бухтарминска. Комендантъ, полковникъ Шевнинъ, сталъ дозволять ввѣренному его надзору преступнику ходить одному по форштадту, какъ для оказанія помощи нѣкоторымъ лицамъ медицинскими пособіями, которыя Матвѣй Ивановичъ получалъ отъ сестры своей, такъ и для посѣщенія „не только простыхъ людей но даже нѣкоторыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, изъявившихъ желаніе имѣть знакомство съ преступникомъ". Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ генералу Вельяминову о той свободѣ, какою сталъ пользоваться Матвѣй Ивановичъ съ разрѣшенія коменданта, немедленно дано было предложеніе начальнику Омской области учредить за Муравьевымъ-Апостоломъ надлежащій надзоръ „и вразумить полковника Шевнина что въ данныхъ ему предписаніяхъ нигдѣ ни слова не сказано о дозволеніи Муравьеву-Апостолу ходить по форштадту къ разнымъ людямъ и чиновникамъ безъ всякаго караула, а разрѣшено ему только устроить хозяйство внѣ стѣнъ крѣпости". Вновь послѣдовавшія стѣсненія свободы и приставленный комендантомъ караулъ заставили Матвѣя Ивановича обратиться къ генералу Вельяминову съ объясненіемъ своего тяжелаго положенія. Въ письмѣ своемъ, отправленномъ изъ Бухтарминска въ первыхъ числахъ іюля 1830 года Матвѣй Ивановичъ объяснилъ генералу Вельяминову что посѣщенія бѣдныхъ больныхъ для оказанія имъ помощи медикаментами и для

лѣченія ихъ ограничивалось всего двумя случаями, а именно имъ посѣщаемъ былъ крѣпостной человѣкъ члена Бухтарминской таможни Гаевскаго для лѣченія его отъ ушиба лошадью, при чемъ, посѣщая больнаго, онъ никого сторонникъ не встрѣчалъ и съ Божіею помощью излѣчилъ рану; затѣмъ онъ лѣчилъ пожилую, оставленную безъ всякаго призрѣнія, казачку Измаилову, и о способахъ ея лѣченія списывался съ сестрою своею Бибиковою; получивъ отвѣтъ и желая подать помощь бѣдной, онъ узналъ о сдѣланномъ запрещеніи казачкѣ Измаиловой имѣть съ нимъ сношеніе, при чемъ комендантъ сталъ порицать его дѣятельность. „Съ самаго пріѣзда моего въ Бухтарминскую крѣпость, писалъ Матвѣй Ивановичъ—я не переставалъ жить уединенно; два, а много три раза въ недѣлю, и то когда я напередъ зналъ, что не встрѣчу посторонняго, я ходилъ къ управляющему Бухтарминскою таможнею Кроку, человѣку извѣстному преданностью своей къ службѣ и строгихъ правилъ, и къ командиру пѣхотной гарнизонной роты Андрееву, которому самая лучшая похвала будетъ въ томъ что, имѣя большое семейство, кромѣ жалованья никакихъ средствъ не имѣетъ а между тѣмъ проходитъ уже 50 лѣтъ службы Императорскаго Величества. Участіе такихъ людей ко мнѣ есть вѣрное доказательство, какъ я проживаю здѣсь до сихъ поръ. Ваше Высокопревосходительство! ваши приказанія исполнены, мое положеніе усугубилось, часовой ко мнѣ приставленъ, единственное здѣсь мое удовольствіе—въ уединенныхъ моихъ прогулкахъ разсматривать въ ближнемъ весьма разстояніи отъ крѣпости вокругъ лежащихъ горъ образованіе—миновалось. Я не прошу никакого облегченія. Я считаю себя еще не совсѣмъ лишеннымъ счастія, надѣясь своимъ дальнѣйшимъ житьемъ хоть мало доказать, что послѣ всѣхъ благостей Государя Императора къ моему совершенному недостоинству, благодарность есть не только самое живое чувство сердца моего но и непремѣнная пружина всѣхъ моихъ дѣйствій“.

Это письмо побудило генерала Вельяминова дать новыя указанія начальнику Омской области относительно надзора за Муравьевымъ-Апостоломъ, съ разъясненіемъ, „что присмотръ за государственными преступниками долженъ быть не въ видѣ караула, безвыходно къ нимъ приставленнаго, а секретный, посредствомъ тайнаго надзора, черезъ который комендантъ можетъ всегда имѣть вѣрныя свѣдѣнія о поведеніи Муравьева-Апостола. Караулъ же тогда надлежитъ поставить къ сему преступнику, когда бы замѣчено въ немъ было что либо противное въ его поведеніи“.

Приведя купленный домъ въ порядокъ, обзаведясь мебелью и

всей хозяйственной обстановкой, Матвѣй Ивановичъ не долго жилъ въ собственномъ домѣ: въ началѣ 1831 года, какъ писалъ генералъ Де-Сентъ-Ларонъ, онъ отдалъ домъ свой, „единственно изъ человѣколюбія, для помѣщенія семьи члена Бухтарминской таможни Андреева, а самъ перешелъ на квартиру въ домъ управляющаго таможнею Крока, съ которымъ и имѣетъ одинъ столъ".

5 февраля 1832 года, съ разрѣшенія коменданта крѣпости и на основаніе послѣдовавшаго въ 1830 году Высочайшаго соизволенія о вступленіи въ законный бракъ государственныхъ преступниковъ, Матвѣй Ивановичъ женился на дочери умершаго священника, изъ дворянъ, Константинова, Маріи Константиновнѣ, которая, оставшись сиротою, воспитывалась у тетки своей г-жи Брантъ, жены чиновника Бухтарминской таможни.

Комендантъ, разрѣшившій Матвѣю Ивановичу вступить въ бракъ безъ испрошенія на то предварительнаго согласія генерала-губернатора, получилъ „замѣчаніе" отъ генерала Вельяминова, и объ этомъ доведено было до свѣдѣнія графа Бенкендорфа.

Послѣ женитьбы три года жизни въ Бухухтарминской крѣпости протекли совершенно мирно для Матвѣя Ивановича, въ началѣ же 1835 года пакгаузный надзиратель Бухтарминской таможни Петровъ донесъ начальнику Сибири таможеннаго округа Короленко, что управляющій Бухтарминскою Таможнею Макаровъ „состоитъ въ непозволительныхъ связяхъ съ государственнымъ преступникомъ Муравьевымъ-Апостоломъ" и посылаетъ къ нему для услугъ состоящихъ на службѣ при таможнѣ казаковъ.

Для разслѣдованія на мѣстѣ этого доноса управляющимъ таможеннымъ округомъ былъ посланъ въ Бухтарминскую крѣпость надзиратель Усть-Каменогорской заставы Андреевъ, который донесъ, что извѣтъ Петрова представляется совершенно ложнымъ. Однако донесеніемъ Андреева дѣло о связяхъ Матвѣя Ивановича съ Макаровымъ не было окончено, послѣдовавшія новыя доносы вызвали производство слѣдствія. Назначенный на мѣсто полковника Шевнина комендантомъ Бухтарминской крѣпости штабсъ-капитанъ Стражниковъ, недовольный Матвѣемъ Ивановичемъ и его женою за нежеланіе ихъ ближе быть знакомыми съ нимъ и его семействомъ, донесъ начальнику Омской области генералу-лейтенанту Петерсопу, „что хотя государственный преступникъ Муравьевъ-Апостолъ ведетъ себя хорошо и занимается чтеніемъ, имѣющихся у него на разныхъ діалектахъ книгъ, но имѣетъ гостепріимную связь съ управляющимъ Бухтарминскою таможнею Макаровымъ, даже и ночными временами, какъ сіе открыто сдѣланными

нмъ розысканіями. Сверхъ того Макаровъ, вопреки порядку службы, давалъ изъ казаковъ, находящихся въ таможнѣ, стеречь домъ и имущество преступника, во время отлучекъ Муравьева въ гости, но что заключается въ связи Макарова съ преступникомъ, и не кроются ли въ ономъ какія либо законопротивныя послѣдствія, по странному и поносительному къ нему коменданту отношенію Макарова, онъ открыть не могъ.

Это донесеніе Бухтарминскаго каменданта генераломъ Петерсономъ доведено было до свѣдѣнія генерала-губернатора Западной Сибири генерала лейтенанта Сулимы, при чемъ Петерсонъ испрашивалъ указаній начальника края о томъ должно ли доносить Его Императорскому Величеству въ ежемѣсячныхъ рапортахъ, вмѣстѣ съ поведеніемъ Мурьева-Апостола, о связяхъ его съ чиновникомъ Макаровымъ. Генералъ-губернаторъ Сулима, по разсмотрѣніи донесенія штабсъ-капитана Стражникова, далъ предложеніе начальнику Омской области генералу Петерсону произвести черезъ благонадежнаго чиновника точное удостовѣреніе о справедливости всего того что доносилъ Стражниковъ и до окончанія порученнаго разслѣдованія не доносить Его Императорско Величеству о связяхъ Муравьева-Апостола съ Макаровымъ. Производство удоствѣренія возложено было генераломъ Петерсономъ на состоявшаго при немъ чиновники особыхъ порученій Маслова, который, отобравъ показанія отъ чиновниковъ таможеннаго вѣдомства, находившихся при Бухтарминской таможнѣ, а также спросивъ разныхъ сторонныхъ лицъ, донесъ генералу Петерсону, что какъ доносъ чиновника Петрова, такъ и донессніе Бухтарминскаго коменданта Стражникова представляются совершенно вымышленными, основанными на одной непріязни, питаемой Петровымъ и Стражниковымъ къ Макарову и Муравьеву-Апостолу. Основываясь на приведенныхъ опросахъ разныхъ лицъ, проживающихъ въ Бухтарминской крѣпости, генералъ Петерсонъ совершенно согласился съ выраженнымъ мнѣніемъ чиновника Маслова и въ представленіи своемъ къ генералъ-губернатору Сулимѣ ходатайствовалъ, для наказанія штабсъ-капитана Стражникова, взыскать съ него, какъ съ виновнаго въ неправильномъ донесеніи начальству, всѣ расходы, произведенныя казною при командированіи изъ Омска въ Бухтарминскъ чиновника Маслова. По распоряженію генерала Сулимы, какъ командирующаго войсками расположенными въ Западной Сибири, произведено было взысканіе съ штабсъ-капитана Стрижникова всѣхъ расходовъ затраченныхъ казною при командированіи чиновника Маслова. Не остался также безъ наказанія и таможенный чиновникъ Петровъ, сдѣлавшій извѣтъ на не-

посредственнаго своего начальника,—онъ потерялъ мѣсто и преданъ былъ суду. Въ концѣ 1835 года начальникъ VII округа корпуса жандармовъ полковникъ Масловъ донесъ графу Бенкендорфу о хорошемъ поведеніи Муравьева-Апостола и объ отзывѣ подполковника корпуса жандармовъ Черкасова, проѣзжавшаго черезъ Бухтарминскую крѣпость вмѣстѣ съ свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоромъ Мусинымъ-Пушкинымъ, о томъ, что Муравьевъ-Апостолъ претерпѣваетъ въ Бухтармѣ бельшую нужду въ своемъ содержаніи и, по глубокому чувству своей вины, не смѣетъ надѣяться на какое-либо къ участи его снисхожденіе.

По всеподданнѣйшимъ докладѣ этого донесенія графомъ Бенкендорфомъ Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ перевести Муравьева-Апостола въ Южную часть Тобольской губерніи, по усмотренію генералъ-губернатора Западной Сибири.

Получивъ увѣдомленіе о такой Высочайшей волѣ, генералъ-губернаторъ Западной Сибири генералъ-лейтенантъ Сулима, предложилъ начальнику Омской области потребовать отъ Муравьева-Апостола свѣдѣнія о томъ въ который изъ окружныхъ городовъ Тобольской губерніи онъ желалъ бы быть переведеннымъ. Матвѣй Ивановичь далъ письменный отзывъ, „что онъ принимаетъ съ признательностію милость попечительнаго правительства. Желаніе же его, какъ уже женатаго человѣка, по недостатку въ Бухтарминскѣ всѣхъ возможныхъ средствъ для жизни, переводъ въ г. Курганъ“.

Генералъ Сулима не рѣшился однако своею властью водворить Матвѣя Ивановича въ Курганѣ и, имѣя въ виду, что въ этоъ городъ только что переведенъ изъ Пелыми Фонъ-деръ-Бригенъ, и что такимъ образомъ въ Курганѣ находятся на жительствѣ 7 человѣкъ государственныхъ преступниковъ, которые со времени ихъ поселенія не были замѣчены ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ и ведутъ себя хорошо, испрашивалъ заключенія графа Бенкендорфа.

Съ назначеніемъ князя П. Д. Горчакова генералъ-губернаторомъ Западной Сибири графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ его, въ апрѣлѣ 1836 года, что онъ находитъ невозможнымъ удовлетворить просьбу Муравьева-Апостола о переводѣ его въ Курганъ, такъ какъ въ этой мѣстности уже достаточное число государственныхъ преступниковъ, и по Высочайше утвержденнымъ правиламъ относительно таковыхъ преступниковъ не дозволяется селить ихъ въ большомъ количествѣ въ одномъ мѣстѣ.

Снова былъ затребованъ, по предложенію князя Горчакова, отзывъ отъ Матвѣя Ивановича о томъ, въ какой изъ городовъ Тобольской гу-

берніи желаетъ онъ быть водвореннымъ,—въ Ишимъ или въ Ялуторовскъ. Матвѣй Ивановичъ изъявитъ желаніе быть въ Ялуторовскѣ. По полученіи отзыва управляющимъ Омскою областью полковникомъ Талызинымъ немедленно же, 16 іюня 1836 года, сдѣлано было распоряженіе о переводѣ Муравьева-Апостола въ Ялуторовскъ, для чего посланъ былъ въ Бухтарму хорунжій Гутовъ, которому поручалось „безотлучно находится при преступникѣ при слѣдованіи его до Омска, секретнымъ образомъ безъ стѣсненія для преступника замѣчать всѣ его дѣйствія, съ кѣмъ и какія онъ будетъ имѣть сношенія". Эта поспѣшность, съ какою Омское областное начальство имѣло намѣреніе привести въ исполненіе разрѣшенный переводъ, вынудила Матвѣя Ивановича подать заявленіе Бухтарминскому коменданту о томъ, что, „находяся въ Бухтарминскѣ 7 лѣтъ, онъ имѣлъ домъ и хозяйственное обзаведеніе, ему необходимо на подъемъ и для предстоящей дороги обратить въ деньги все заведеніе, а потому проситъ исходатайствовать ему на переѣздъ отсрочку до 15 сентября и о дозволеніи нанимать за указанныя прогоны, двѣ лошади для безпрепятственнаго переѣзда жены". Просимая отсрочка была разрѣшена кн. Горчаковымъ. 25 сентября Матвѣй Ивановичъ прибылъ въ Омскъ въ сопровожденіи хорунжаго Гутова, донесшаго, „что преступникъ во весь путь велъ себя хорошо и въ пути слѣдованія за нимъ ничего противозаконнаго не замѣчено. 1-го октября 1836 г. Матвѣй Ивановичъ прибылъ на водвореніе въ Ялуторовскъ.

Во все время пребыванія на жительствѣ въ Бухтарминской крѣпости съ 1829 по 1837 г. Матвѣй Ивановичъ аттестовался въ поведеніи начальниками Омской области генераломъ-лейтенантомъ Де-Сентъ-Лораномъ, генераломъ Петерсономъ и полковникомъ Талызинымъ „очень хорошо, какъ не замѣченный ни въ какихъ законопротивныхъ поступкахъ и занимающійся чтеніемъ имѣющихся у него книгъ на разныхъ діалектахъ".

Поселясь въ Ялуторовскѣ, Матвѣй Ивановичъ пріобрѣлъ въ собственность небольшой деревянный домъ и велъ скромную семейную жизнь, занимаясь хозяйствомъ на отведенномъ ему участкѣ земли въ размѣрѣ 15 десятинъ, а также поданіемъ медицинской помощи бѣдному населенію. Не имѣя дѣтей, Муравьевы-Апостолы воспитывали двухъ сиротъ дѣвочекъ, недостаточныхъ родителей, отечески заботясь объ образованіи и воспитаніи этихъ сиротъ; обученіе воспитанницъ разнымъ предметамъ производилось подъ руководствомъ Матвѣя Ивановича и его ближайшаго друга, однополчанина и товарища, Ивана Дмитріевича Якушкина. Въ Ялуторовскѣ Матвѣй Ивановичъ встрѣ-

тилъ многихъ товарищей своихъ по ссылкѣ, частью еще ранѣе тамъ поселенныхъ, частью же прибывшихъ впослѣдствіи изъ другихъ городовъ Тобольской губерніи. Прибывъ въ Ялуторовскъ въ одномъ и томъ же году съ переселеннымъ изъ Восточной Сибири И. Д. Якушкинымъ, онъ встрѣтилъ тамъ А. В. Ентальцева, В. К. Тизенгаузена и барона А. И. Черкасова. По выбытіи, въ 1837 г., Черкасова на Кавказъ ялуторовская колонія въ 1843 году увеличилась въ свемъ составѣ прибывшими кн. Е. П. Оболенскимъ и И. И. Пущинымъ, а звтѣмъ, по смерти въ 1845 году, А. В. Ентальцева, эта колонія пополнилась, въ 1847 году, Н. В. Бассаргинымъ. Ялуторовская колонія декабристовъ жила тѣсною дружною семьею, домъ Муравьевыхъ-Апостоловъ служилъ мѣстомъ объединенія членовъ этой семьи. Посвящая свое знаніе и средства на пользу гражданскаго развитія населенія и также на пользу общественной благотворительности, эта колонія оставила въ средѣ не только Ялуторовскаго городскаго населенія но и въ средѣ населенія всей Западной Сибири вообще самыя лучшія благодарныя о ней воспоминанія, еще и нынѣ сохраняющіяся, по прошествіи болѣе 35 лѣтъ, со времени выбытія декабристовъ изъ предѣловъ Западной Сибири.

За все двадцатилѣтнее пребываніе свое на жительствѣ въ Ялуторовскѣ Матвѣй Ивановичъ аттестовался въ поведеніи какъ мѣстною Ялуторовскою полиціею, такъ и Тобольскими губернаторами съ самой лучшей стороны, какъ человѣкъ отличающійся хорошимъ и примѣрнымъ поведеніемъ и образомъ жизни.

По воспослѣдованіи Всемилостивѣйшаго Манифеста 26 августа 1856 года Матвѣй Ивановичъ съ семьею своею выбылъ изъ Сибири въ Россію.

ГЛАВА XVI.

Князь Друцкій-Горскій: Ссылка на жительство въ Березовъ.—Болѣзненное состояніе.—Ходатайство о переводѣ въ другую мѣстность.—Отказъ въ переводѣ.—Назначеніе ему пенсіи.—Вторичное ходатайство о переводѣ изъ Березова.—Переселеніе въ Тару.—Обвиненіе Горскимъ Ентальцева, Черкасова и Фохта въ мятежническихъ замыслахъ и Березовской администраціи въ разныхъ злонамѣренныхъ поступкахъ.—Аттестація Горскаго въ поведеніи и обвиненіе его въ приверженности къ полякамъ.—Распоряженіе генерала Вельяминова.—Разрѣшеніе на переводъ Горскаго въ Бійскъ.—Бунтъ поляковъ въ гор. Омскѣ.—Арестъ полковника Маркевича.—Учрежденіе слѣдственной коммисіи.—Арестъ князя Друцкаго-Горскаго.—Оправданіе полковника Маркевича.—Признаніе невиновности князя Друцкаго-Горскаго.—Ксендзъ Сироцинскій главный вождь заговора и бунта въ Омскѣ.—Высочайше конфирмованный приговоръ военнаго суда и наказаніе

заговорщиковъ.—Причины, вызвавшія недовольство среди поляковъ, сосланныхъ въ Сибирскія войска.—Оставленіе Горскаго на жительствѣ въ г. Омскѣ.—Конфискація его имущества.—Просьба его объ отобраніи принадлежащаго ему имущества отъ его дочери Кузминой.—Отзывъ Кузминой.—Жизнь въ Омскѣ.—Аттестація въ поведеніи.—Смерть.

26 февраля 1827 года дежурный генералъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, генералъ отъ инфантеріи графъ Толстой, увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири Капцевича, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ статскаго совѣтника Горскаго отправить на житье въ городъ Березовъ, съ тѣмъ чтобы мѣстное начальство имѣло за нимъ бдительный надзоръ и чтобы Тобольскій гражданскій губернаторъ доносилъ ежемѣсячно, въ собственныя руки Его Величества, о поведеніи Горскаго. Объ этой же Высочайшей волѣ графомъ Толстымъ сообщено было и Тобольскому губернатору, съ препровожденіемъ при нарочномъ фельдъегерѣ и самаго Горскаго.

Статскій совѣтникъ князь Іосифъ Викентьевичъ Друдцкій-Горскій, служившій прежде въ военной службѣ, а затѣмъ въ гражданской, по 1822 годъ, на должности Кавказскаго вице-губернатора, принадлежалъ къ составу сѣвернаго общества, сужденъ былъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ, но не былъ включенъ судомъ ни въ одинъ изъ тѣхъ разрядовъ, на которые подраздѣлены были, по степени ихъ виновности и мѣрѣ наказаній, государственные преступники, а по особому Высочайшему повѣленію сосланъ былъ въ Сибирь на житье безъ ограниченія правъ.

19 марта 1827 года Горкій прибылъ въ Березовъ гдѣ онъ пользовался, сравнительно съ другими лицами, сужденными Верховнымъ уголовнымъ судомъ и за тѣмъ водворяемыми въ городахъ Тобольской губерніи,—особыми привилегіями, для помѣщенія ему отведена была довольно просторная квартира отъ обывателей съ отопленіемъ и кромѣ того къ нему командированъ былъ, для услугъ, казакъ изъ состава Березовской казачьей команды.

Обязательное представленіе ежемѣсячныхъ свѣдѣній о поведеніи Горскаго вскорѣ было отмѣнено. 20 ноября 1828 г. Главный штабъ Его Императорскаго Величества далъ знать Тобольскому губернатору что Государь Императоръ повелѣть изволилъ: прекратить ежемѣсячныя донесенія о поведеніи Горскаго, продолжался однако же тайный и бдительный надзоръ за его поведеніемъ и при первомъ случаѣ отступленія его отъ порядка, или когда что въ поведеніи его замѣчено будетъ, доносить непременно и немедленно

Климатическія условія Березова, при преклонныхъ лѣтахъ Горскаго, не могли не повліять разрушительно на его здоровье; поэтому, въ началѣ 1829 г., Горскій возбудилъ ходатайство о переводѣ его въ другую мѣстность, болѣе благопріятную для его здоровья. Въ письмахъ своихъ къ генералъ-губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову и къ Тобольскому губернатору Горскій описывалъ какъ причины своей несчастной участи, такъ и безпомощное болѣзненное положеніе. „Въ прошлую отечественную войну, въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, писалъ Горскій, получилъ я на полѣ брани семь огнестрѣльныхъ тяжелыхъ ранъ, поразившихъ на вылетъ пулями мышцы и кости мои обѣихъ рукъ, ногъ и плеча, затѣмъ контузія ядромъ головы и всей спины; пуля же, пробившая два ребра и поясницу находится до сего времени въ животѣ моемъ, отъ чего родились разнаго рода многосложныя тяжелыя болѣзни, какъ то: эпильсаны, конвульсіи, желудочныя и грудныя спазмы, ломоты въ костяхъ, ревматизмы, подагра и хиragра, сильная ипохондрія и родъ періодическаго сумашествія и всякаго рода многосложный геморой“. „Не сомнѣвайтесь ходатайствовать обо мнѣ, въ подозрѣніе я впалъ страннымъ образомъ, самонадѣянность и неосмотрительность завлекли меня въ толпу любопытныхъ узнать причину ихъ крика, а тѣмъ болѣе откуда получили свѣдѣнія, какъ увѣряли публику, что будто Великій Князь Цесаревичъ на третьей станціи отъ Нарвы былъ взятъ кѣмъ то насильно и увезенъ. Послѣ я старался распросить у солдатъ о такой ужасной нелѣпой новости,— имѣя на головѣ шляпу съ плюмажемъ, былъ я замѣченъ около оной толпы, находившейся 14 декабря на Сенатской площади, и черезъ то сочтенъ соучастникомъ, а въ три часа ночи, 15 декабря, потребованъ къ Государю и послѣ отправленъ въ крѣпость, гдѣ впавъ въ жестокую болѣзнь былъ отправленъ въ госпиталь, который довершилъ мое несчастіе. Въ госпиталѣ я нашелъ смотрителя—давняго врага своего, подполковника Вындомскаго, котораго я изъ своей бригады въ 1813 году, за трусость, выслалъ, и который послѣ втерся въ довѣріе къ покойному Меллеру-Закомельскому, а отъ него къ Татищеву, бывшему военному министру. Эти благопріятели всѣми мѣрами старались раздражать меня всякаго рода непріятностями и вынуждать все то, что въ такомъ положеніи отъ человѣка произойти могло, что и послужило причиною отправленія меня въ Березовъ“.

Подлинныя письма Горскаго препровождены были къ графу Бенкендорфу, причемъ генералъ Вельяминовъ, аттестуя поведеніе Горскаго въ Березовѣ съ хорошей стороны, просилъ графа Бенкендорфа удовлетворить ходатайство Горскаго, въ виду разстроеннаго его здо-

ровья, дозволивъ служить въ другомъ городѣ, при болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ. Ходатайство генерала Вельяминова осталось безъ успѣха. 9-го августа 1829 г. графъ Бенкендоръ увѣдомилъ, что онъ имѣлъ счастье всеподданнѣйше докладывать просьбу Горскаго о переводѣ его изъ гор. Березова, но на это не воспослѣдовало Высочайшаго соизволенія.

Въ 1830 году, черезъ посредство Тобольскаго губернатора Нагибина, Горскій возбудилъ ходатайство о производствѣ ему пенсіи за долговременную его боевую службу и слѣдуемой къ полученію на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта отъ 25 мая 1828 года. Ходатайство это всеподданнѣйше доложено было графомъ Бенкендорфомъ Государю Императору, и Его Императорское Величество Высочайше изволилъ найти просьбу Горскаго справедливою. О такомъ Высочайшемъ соизволеніи графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ Тобольскаго губернатора для объявленія Горскому и сообщилъ министру финансовъ къ исполненію. Пенсія Горскому назначена была въ размѣрѣ 1200 руб. ассигнаціями въ годъ.

По назначенію пенсіи Тобольскимъ губернаторомъ возбужденъ былъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли Горскому, въ виду достаточнаго его матеріальнаго обезпеченія, прекратить отводъ квартиры отъ обывателей, а также, нарядъ казака для услугъ. Генералъ Вельяминовъ нашелъ что нарядъ казака долженъ быть прекращенъ, что же касается до отвода квартиры, то пока давать ее Горскому, до времени, но съ объявленіемъ ему, что все это сдѣлано изъ одного къ нему снисхожденія, и какъ только онъ будетъ дѣлать какія либо безчинства то лишится сего пособія.

Въ началѣ 1831 года Горскій снова возбудилъ ходатайство о переводѣ его изъ Березова и въ письмѣ своемъ къ генералу губернатору И. А. Вельяминову опять высказывалъ тѣ же причины, побуждающія его вновь обращаться къ милосердію правительства, какія и прежде имъ были приводимы: „Вседержитель видитъ всѣ изгибы сердца моего, что я не причастенъ ни къ какой другой винѣ, какъ только къ неосторожности, подавшей поводъ навлечь подозрѣніе, тогда какъ я всей душой и сердцемъ преданъ Государю моему и Всеавгустѣйшему дому Его. Пораженный ложнымъ слухомъ на счетъ Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, съ пронженнымъ горестью сердцемъ и душею и невольно катившимися слезами я подходилъ спрашивать въ толпѣ и при первомъ спросѣ у рядоваго возмущенной толпы о распущенномъ ими слухѣ сдѣлалъ недовѣрчивое возраженіе, за что едва не былъ заколотъ

Щепинымъ-Ростовскимъ, который нанесъ мнѣ шпагою ударъ въ бокъ, прокололъ на ватѣ сюртукъ, мундиръ и до самаго ребра тѣло; но за всѣмъ тѣмъ я былъ оподозрѣнъ въ соучастіи оной толпы и потому сдѣлался виновнымъ,—на самомъ же дѣлѣ я горѣлъ только желаніемъ узнать что либо о настоящихъ замыслахъ толпы, предварить о томъ начальство и тѣмъ оказать истинную, въ такое критическое время, услугу и черезъ оную сдѣлаться полезнымъ Монарху своему. На горе и бѣду мнѣ самому Богъ судилъ иначе. Судьбы его неисповѣдимы, Онъ знаетъ лучше за что подвергъ меня столь тяжкому наказанію, тяжкому называю потому, что правосудіемъ законовъ осужденный преступникъ и къ каторжной работѣ въ здоровомъ положеніи стократъ счастливѣе меня, котораго душа буде не злобна и не закоснѣла въ порокахъ, раскаявшись въ преступленіи и страдая только морально, имѣетъ утѣшенье въ Богѣ, будучи въ состояніи спокойно Ему молиться ожидая конца, но я, страдая сверхъ человѣческихъ силъ въ жестокомъ мученіи отъ періодическихъ припадковъ, лишенъ и сего послѣдняго утѣшенія, ибо со стономъ и воплемъ молю только Бога о скорѣйшей смерти и существую только въ тягость другимъ. Въ столь горестномъ положеніи моемъ хотя я и нахожусь не въ чужой какой либо землѣ, чуждой милосердія, но въ предѣлахъ роднаго отечества Россіи, на защиту коего я непріятельскими пулями былъ изувѣченъ, сдѣлался страдающимъ на всю жизнь, уповая, что отечество, вспомня службу мою не допуститъ до отчаянія и не оставитъ меня безъ помощи, а наипаче нынѣ подъ священнымъ скипетромъ и державою Великодушнѣйшаго и Всемилосерднѣйшаго Монарха, явившаго неизрѣченныя безсчетныя милости и самымъ злѣйшимъ государственнымъ преступникамъ. Уповаю на такую Высочайшую милость тѣмъ болѣе что Его Величество 15 декабря 1825 года, когда я былъ представленъ во дворцѣ, передъ всѣми лично, изъ Высочайшей отеческой милости, объявить мнѣ изволилъ, дабы я показалъ все, что только я могъ знать о возмутительномъ обществѣ и ожидалъ бы особенно всякаго снисхожденія и помилованія отъ Его Величества, каковое милосердіе монарха конечно бы исполнилось, если бы въ винѣ моей правительство удостовѣрилось". Въ доказательство своей невинности Горскій ссылался на то что Верховный уголовный судъ, не причислилъ его ни къ какому разряду, опредѣленному государственнымъ преступникамъ, и тѣмъ самымъ какъ бы не считалъ его соучастникомъ дѣянія, учиненнаго тѣми преступниками. Это письмо Горскаго, вмѣстѣ съ медицинскимъ свидѣтельствомъ удостовѣрявшимъ болѣзненное его состояніе образованіе камней въ почкахъ препро-

вождено было И. А. Вельяминовымъ графу Бенкендорфу съ ходатайствомъ довести до свѣдѣнія Государя Императора о такомъ положеніи Горскаго, съ тѣмъ, что если Его Величеству благоугодно будетъ перевести Горскаго изъ Березова, то лучше всего назначить мѣстомъ его пребыванія Томскъ или Барнаулъ, гдѣ только, по нахожденію медиковъ, можетъ онъ лѣчиться.

15 Апрѣля 1831 г. графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генерала Вельяминова, что Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: перевести статскаго совѣтника Горскаго въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Тобольской губерніи. Генераломъ Вельяминовымъ сдѣлано было распоряженіе о переводѣ Горскаго въ Тару. 21 іюня 1831 г. Горскій прибылъ въ Тобольскъ, подъ надзоромъ командированнаго квартальнаго надзирателя Князькова, гдѣ оставался нѣкоторое время для лѣченія, а 7-го августа доставленъ былъ въ Тару. На новомъ мѣстѣ поселенія Горскому отведена была квартира отъ обывателей. Не довольствуясь однимъ отводомъ квартиры, Горскій сталъ предъявлять, вскорѣ же по прибытіи въ Тару, разныя притязательныя требованія объ отпускѣ ему освѣщенія, съ тѣмъ чтобы ему заплочено было деньгами или же возвращено натурою все потраченное имъ на освѣщеніе за время пребыванія его въ Сибири, о содержаніи хозяевами занимаемой имъ квартиры людей необходимыхъ ему для услугъ,—истопника и дворника, и наконецъ о томъ, чтобы ему предоставлены были всѣ тѣ выгоды и преимущества, какъ статскому совѣтнику, какими пользуются лица находящіеся въ рангѣ соотвѣтствующему чину генералъ-маіора, въ особенности по отношенію къ нему, какъ служившему въ гвардіи пвлковникомъ. Всѣ эти требованія Горскаго признаны были генераломъ Вельяминовымъ совершенно неосновательными и приказано было объявить ему, что квартира дается ему отъ обывателей изъ одного только снисхожденія и состраданія къ его положенію, и что, получая по 1200 руб. въ годъ пенсіи, онъ можетъ, безъ обремененія жителей города Тары, имѣть освѣщеніе и прислугу.

Переводъ въ Тару, мѣстность хотя и съ лучшими климатическими условіями для жизни, не произвелъ никакихъ улучшеній въ состояніи здоровья Горскаго при его хроническихъ застарѣлыхъ болѣзняхъ, а также перемѣна мѣстопребыванія, при постоянныхъ болѣзненныхъ припадкахъ, нисколько не успокоила его раздражительности и озлобленія. Но время пребыванія въ Березовѣ психическое состояніе Горскаго было болѣе нормальнымъ, хотя и тамъ за послѣднее время онъ сдѣлался въ тягость лицамъ, болѣе другихъ относившихся сочувственно къ его несчастному положенію, Ентальцеву, Фохту и Черкасову. Но

тѣмъ не менѣе, будучи въ тягость для окружающихъ по своему постоянному озлобленію, строптивому и надменному характеру, онъ за все время пребыванія своего въ Березовѣ не вызывалъ никакихъ жалобъ со стороны мѣстной администраціи, наблюдавшей за его образомъ жизни и поведеніемъ. Бывшіе съ 1826 года по 1831 годъ тобольскими губернаторами Бантышъ-Каменскій, Нагибинъ и Сомовъ всегда аттестовывали Горскаго съ хорошей стороны.—Эти одобрительные отзывы служили поводомъ къ ходатайствамъ генералъ-губернатору Вельяминову передъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи несчастной участи Горскаго. Съ прибытіемъ въ Тару озлобленіе свое Горскій прежде всего направилъ на раздѣлявшихъ съ нимъ тяжелую участь ссылки въ Березовѣ Ентальцева, Фохта и Черкасова, а также и на тѣхъ дѣятелей администраціи, подъ надзоромъ которыхъ онъ находился въ Березовѣ. Это озлобленіе высказалось въ извѣстномъ уже его доносѣ графу Бенкендорфу, обвинявшемъ Ентальцева, Фохта и Черкасова въ мятежническихъ замыслахъ, а дѣятелей Березовской администраціи въ разныхъ злонамѣренныхъ поступкахъ.

Въ сентябрѣ 1832 года Горскій въ письмѣ къ генералу Вельяминову, жалуясь на свое болѣзненное состояніе и безпомощное положеніе по неимѣнію въ Тарѣ аптеки и, слѣдовательно, медикаментовъ, необходимыхъ для лѣченія, просилъ исходатайствовать ему переводъ въ одинъ изъ губернскихъ городовъ Западной Сибири гдѣ можно было бы начать раціональный методъ лѣченія; всего болѣе, писалъ Горскій, „способствовать моему лѣченію можетъ городъ Омскъ съ болѣе южнымъ климатомъ при, томъ же и начальство будетъ получать донесенія обо мнѣ отъ людей военныхъ, служащихъ въ доброй совѣсти и нравственности, чуждыхъ пьянству, лихоимству и притѣсненій“.—Одновременно съ письмомъ Горскаго генералъ Вельяминовъ получилъ донесеніе отъ управлявшаго Тобольскою губерніею, предсѣдателя Губернскаго Правленія Троцкаго, о томъ, что „за майскую треть 1832 года въ вѣдомостяхъ о лицахъ, находящихся въ г. Тарѣ подъ надзоромъ полиціи, статскій совѣтникъ Горскій аттестованъ человѣкомъ характера злаго, коварнаго, — вступается въ дѣла, ему не принадлежащія, входить въ сужденія, толкуя всякое обстоятельство въ противную сторону, при разговорахъ же на счетъ россійскаго правленія иногда бываетъ дерзокъ; отлично приверженъ къ полякамъ, коихъ прежнія права защищаетъ съ жаромъ“. Генералъ Вельяминовъ нашелъ донесеніе Троцкаго не достаточно подкрѣпленнымъ фактическими указаніями, а также и просьбу Горскаго о новомъ переводѣ не убѣдительною, за непредставленіемъ медицинскаго свидѣтельства о его

болѣзненномъ состояніи, почему предложилъ Тобольскому губернатору немедленно донести ему: а) въ какія именно дѣла вступается статскій совѣтникъ Горскій, б) въ чемъ состояли его разговоры на счетъ россійскаго правленія и при комъ они происходили, в) въ чемъ заключается защита его прежнихъ правъ поляковъ и кто сему былъ свидѣтель? Тарскій городничій Шамонинъ на сдѣланный ему запросъ отвѣтилъ, что Горскій, привлекая къ себѣ низкаго класса людей, останавливаетъ на улицахъ, спрашиваетъ, совѣтуетъ жаловаться. Разговоры на счетъ россійскаго правленія состояли въ несправедливости Россіи къ Полякамъ, считая сосланныхъ въ Сибирь невинными, но подобныя его, Горскаго, заключенія были дѣлаемы безъ свидѣтелей съ приходящими черезъ Тару Поляками". Управлявшій временно Тобольскою губерніею А. Н. Муравьевъ, представляя генералу Вельяминову донесеніе Тарскаго городничаго и находя его совершенно бездоказательнымъ, испрашивалъ разрѣшенія снова аттестовать Горскаго одобрительно въ поведеніи, какъ и прежде онъ былъ аттестуемъ. Съ мнѣніемъ Муравьева генералъ Вельяминовъ не согласился и, признавъ донесеніе Тарскаго городничаго достаточно убѣдительнымъ, предложилъ обязать Горскаго подпискою, „чтобы онъ не осмѣливался дозволять себѣ на будущее время столь предосудительныхъ поступковъ подъ опасеніемъ преданія суду, а также чтобы за поведеніемъ его установленъ былъ тайный и бдительный надзоръ, съ тѣмъ, что коль скоро еще что либо замѣчено будетъ, то тотчасъ ему донести". О существѣ донесенія Тарскаго городничаго и сдѣланныхъ распоряженіяхъ генералъ Вельяминовъ увѣдомилъ графа Бенкендорфа, прося его не оставить своимъ ходатайствомъ о переводѣ Горскаго въ городъ Бійскъ или Кузнецкъ. 2 февраля 1833 года графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генерала Вельяминова, что, по докладу Государю Императору представленія его о Горскомъ, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть изволилъ находящагося на жительствѣ въ Тарѣ статскаго совѣтника Горскаго перевести въ г. Бійскъ, причемъ Его Величество замѣтить изволилъ, что ежели показаніе Тарскаго городничаго на счетъ предосудительныхъ поступковъ Горскаго справедливо, то лучше возвратить его на прежнее мѣсто его жительства въ Березовъ".

Для выполненія Высочайшаго повелѣнія Генераломъ Вельяминовымъ поручено было Тарскому окружному начальнику Вязьмину произвести удостовѣреніе о справедливости донесенія Тарскаго городничаго. Произведенное удостовѣреніе не добыло никакихъ доказательствъ, изобличавшихъ Горскаго, а потому генералъ Вельяминовъ,

сообщая графу Бенкендорфу данныя, представленныя Вязьминымъ, испрашивалъ разрѣшенія о переводѣ Горскаго въ г. Бійскъ. Въ маѣ 1833 года графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ, что къ предположенному переводу препятствій не имѣется.

Разрѣшеннаго перевода не состоялось, такъ какъ Горскій былъ арестованъ, подозрѣваемый въ намѣреніи въ сообщничествѣ съ сосланными въ Сибирь Поляками, произвести бунтъ въ г. Омскѣ. Цѣль заговора, въ которомъ принимали преимущественно участіе Поляки, сосланные въ Западную Сибирь за возстаніе 1830 года и размѣщенные по линейнымъ и казачьимъ войскамъ, заключалась въ желаніи избавиться отъ тяжелаго гнета ссылки. Для выполненія же этой цѣли, какъ доносилъ генералъ Вельяминовъ военному министру и министру внутреннихъ дѣлъ, было предположено заговорщиками, находившимися въ Омскѣ, „въ ночь на 25 іюля 1833 года, зажечь суконную фабрику линейнаго Сибирскаго казачьяго войска, кинуться къ острогу, выпустить оттуда всѣхъ арестантовъ, отнять у караула оружіе, броситься въ казармы колоть спящихъ солдатъ, у пушекъ казачьей артиллеріи заклепать затравки и идти въ киргизскую степь. „Этотъ заговоръ обнаруженъ былъ наканунѣ дня, назначеннаго для бунта, лицами, сначала согласившимися быть участниками предположеннаго возмущенія. Для принятія на мѣстѣ мѣръ къ обнаруженію участниковъ заговора генераломъ Вельяминовымъ, находившимся въ Тобольскѣ, командированъ былъ въ г. Омскъ начальникъ штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, генералъ-маіоръ Броневскій. Послѣдовала масса арестовъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ заговорѣ, и первоначально, по наказанію привлеченныхъ къ слѣдствію лицъ, главою заговора къ бунту былъ признанъ предсѣдатель Омскаго областнаго правленія, полковникъ Маркевичъ, который тогда же былъ арестованъ и отрѣшенъ отъ занимаемой имъ должности генераломъ Вельяминовымъ, съ передачею поступковъ его изслѣдованію слѣдственной коммисіи, учрежденной при казачьемъ Сибирскомъ войскѣ. Аресты не ограничились однимъ г. Омскомъ; по распоряженію администраціи края и слѣдственной коммисіи произведены были аресты и въ другихъ городахъ Западной Сибири, въ которыхъ находились сосланные Поляки, заподозрѣнные въ сношеніяхъ съ заговорщиками бунта. Въ числѣ арестованныхъ лицъ, какъ давно уже замѣченныхъ въ явномъ выраженіи своего сочувствія къ сосланнымъ Полякамъ, былъ и князь Друцкій-Горскій, препровожденный сначала изъ Тары въ Тобольскъ для содержанія его на гауптвахтѣ, а затѣмъ въ городъ Омскъ, гдѣ онъ содержался подъ арестомъ въ продолженіе полутора года, съ конца

1833 года по 2-я апрѣля 1835 г., т. е. до времени окончанія слѣдственныхъ дѣйствій военно-судной коммиссіи и до представленія слѣдственнаго дѣла въ аудиторіатскій департаментъ. Высочайшей корфирмаціей отъ 31 декабря 1836 года, послѣдовавшей по военно-судному дѣлу о полковникѣ Маркевичѣ и нижнихъ чинахъ изъ польскихъ плѣнныхъ, сужденныхъ за намѣреніе произвести въ Сибири возмущеніе, полковникъ Маркевичъ, какъ оказавшійся, по сдѣланнымъ на него извѣтамъ въ возмутительномъ замыслѣ, совершенно невиннымъ отъ суда былъ освобожденъ, съ тѣмъ чтобы бытность его подъ судомъ не показывалась въ формулярномъ о службѣ его спискѣ. Точно также и князь Друцкій-Горскій по Высочайше утвержденой конфирмаціи аудиторіотскаго департамента 27 февраля 1836 года, какъ оказившійся по взведенному на него доносу совершенно невиннымъ отъ суда былъ освобожденъ, съ тѣмъ чтобы удержанный у него по преданію суду, Всемилостивѣйше пожалованный ему за прежнюю службу и полученные въ сраженіи раны, пенсіонъ былъ возвращенъ ему сполна.

Главнымъ вождемъ заговора-бунта въ Омскѣ былъ признанъ ксепзъ Сирощинскій, бывшій пріоръ базиліановъ въ Овручѣ, сосланный въ Сибирь, съ лишеніемъ капеллянскаго званія, въ казачьи войска. Высочайше комфирмованный приговоръ военнаго суда приведенъ былъ въ исполненіе въ Омскѣ, 7-го марта 1837 г., шестеро изъ главныхъ заговорщиковъ присуждены были къ 7000 палокъ а затѣмъ къ ссылкѣ на всю жизнь въ тяжкія работы въ Нерчинскихъ рудникахъ. Остальные присуждены были къ меньшимъ, но тѣмъ не менѣе весьма тяжкимъ наказаніямъ. Причины этого печальнаго въ лѣтописяхъ исторіи Сибири событія, завершившагося ужасною карою надъ многими лицами признанными виновными, на самомъ дѣлѣ нисколько не имѣли основаніемъ своихъ тѣхъ широкихъ замысловъ бунта, съ сепаристическими стремленіями отдѣленія Сибири отъ Россіи, какія были навязаны этому событію лицами, стоявшими во главѣ управленія частями войскъ и заинтересованными въ сокрытіи своихъ незаконныхъ дѣяній, вызвавшихъ смуты и недовольство среди сосланныхъ въ казачьи войска и батальоны поляковъ. Въ дѣйствительности же причины возмущеній, какъ это признавалось и генералъ-губернаторомъ И. А. Вельяминовымъ, заключались въ грубомъ и оскорбительномъ обращеніи фельдфебелей и нижнихъ чиновъ съ поляками, въ безпрестанномъ наряженіи въ караулы и на работы поляковъ, безъ соблюденія съ русскими солдатами очереди, и наконецъ даже въ не отданіи надлежащей воинской чести умершимъ въ войскахъ полякамъ. Эти оскорбительныя обхожденія съ поляками и неуравнительный нарядъ ихъ на службу

побудили, еще въ 1833 году, генерала Вельяминова предписать начальникамъ отдѣльныхъ воинскихъ частей „въ предупрежденіе возмущеній, подъ строгою отвѣтственностію, чтобы грубаго и оскорбительнаго обращенія съ поляками отнюдь не было, и чтобы въ отправленіи службы они отдюдь отягощены не были и всегда уравнены были съ россійскими солдатами". Несправедливость и притѣсненія, какія претерпѣвали сосланные въ Сибирь поляки, доведены были до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, и во исполненіе высочайшей воли, 23 апрѣля 1834 года, министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь Блудовъ далъ знать какъ генераламъ-губернаторамъ, такъ и всѣмъ губернаторамъ сибирскихъ губерній: „1) что распространившіеся съ нѣкотораго времени въ Сибирскихъ губерніяхъ нелѣпые толки о предполагаемомъ будто бы подстреканіи поляками ссыльныхъ къ мятежу, были слѣдствіемъ дурнаго обращенія съ поляками частныхъ ихъ начальниковъ и укоризненныя имъ напоминанія о прошедшемъ, тогда какъ большая часть поляковъ, состоящихъ въ войскахъ, при хорошемъ поведеніи и усердной службѣ, безусловно повинуется своему начальству, а равно и находящіеся въ разныхъ мѣстахъ на поселеніи ведутъ себя хорошо и тихо; 2) что нелѣпость распространяемыхъ въ Сибирскихъ губерніяхъ слуховъ, въ чемъ и подозрѣваются католическіе священники изъ польскихъ уроженцевъ, тамъ находящіеся, происходятъ болѣе отъ излишняго довѣрія начальства къ неосновательнымъ доносамъ лицъ, незаслуживающихъ никакого вѣроятія, отъ неудостовѣренія прежде начатія дѣла въ справедливости сихъ доносовъ и отъ нескромности чиновниковъ земской полиціи производящихъ изслѣдованія, неосторожными дѣйствіями коихъ полагается большее основаніе нелѣпымъ толкомъ".

Это признаніе высшими правительственными учрежденіями виновности исполнительныхъ своихъ органовъ въ такихъ незаконныхъ и неосновательныхъ дѣйствіяхъ, какія могли дать поводъ къ вызову протеста со стороны сосланныхъ въ Сибирь поляковъ, не послужило однако нисколько къ смягченію тѣхъ мѣръ наказанія и той тяжелой участи, которымъ подвергнуты были лица, признанныя судомъ виновными въ принятіи участія въ заговорѣ. По окончаніи слѣдственнаго дѣла объ омскомъ бунтѣ Горскій оставленъ былъ на жительствѣ въ г. Омскѣ.

Все время нахожденія своего на водвореніи въ Тарѣ, Горскій велъ жизнь весьма скромную, хотя располагалъ большими денежными средствами и драгоцѣннымъ имуществомъ, пересланными ему изъ Россіи чрезъ посредство Тобольскаго губернатора П. Д. Сомова. При

арестѣ его по подозрѣнію въ участіи въ заговорѣ, вмѣстѣ съ другими сосланными въ Сибирь поляками, все имущество его, заключавшееся въ билетахъ Московскаго и С.-Петербургскаго опекунскихъ совѣтовъ, на сумму до 2 милліоновъ рублей ассигнаціями, а также въ драгоцѣнныхъ вещахъ, на сумму до 900 тыс. руб. ассигнаціями, было отобрано и затѣмъ конфисковано.

Оставшись на жительствѣ въ Омскѣ при одной небольшой пенсіи и имѣя при себѣ пятилѣтняго воспитанника Ѳеофана, Горскій сталъ ходатайствовать объ отобраніи отъ дочери его, княжны Ольги Друцкой-Горской, оставленнаго имъ у нея въ 1825 году разнаго имущества и долговыхъ документовъ. На основаніи этого ходатайства, по распоряженію С.-Петербургскаго оберъ-полиціймейстера, генералъ-адъютанта С. А. Кокошкина, въ началѣ 1842 года произведенъ былъ обыскъ въ квартирѣ проживавшей въ С.-Петербургѣ поручицы Ольги Осиповой Кузминой, рожденной княжны Друцкой-Горской, при чемъ полиціею удостовѣрено было, что Кузмина находится въ крайней бѣдности и имущества никакого не имѣетъ. На сдѣланный запросъ объ имуществѣ, оставленномъ у ней ея отцемъ, Кузмина отвѣчала: „по взятіи родителя ея въ 1825 году она осталась одна съ крѣпостными только людьми, имѣя отъ роду всего 14 лѣтъ. Всѣ бумаги отца были запечатаны и взяты полиціймейстеромъ Чихачевымъ, а движимое имѣніе оставлено было при ней. Въ 1826 году, когда отецъ ея находился въ сухопутномъ госпиталѣ, онъ далъ ей полную довѣренность на распоряженіе имѣніемъ, оставшимся послѣ смерти ея матери и ей завѣщенномъ. На этомъ основаніи, какъ полная собственница, никѣмъ не руководимая, долговые документы на сумму 60 т. руб. она отдала, по совѣту отца своего, польскому помѣщику Янчевскому для взысканія денегъ по тѣмъ документамъ, но за смертію Янчевскаго въ 1830 году документы тѣ оказались утерянными. Два заемныхъ письма, данные генераломъ-лейтенантомъ Пущинымъ въ 25 т., она продала передъ замужествомъ за 10 т. и деньги эти употребила на содержаніе себя и на экопировку брата своего Адольфа, вышедшаго изъ корпуса. Брилліантовый перстень отца продала, вскорѣ по отъѣздѣ отца въ Сибирь, въ кабинетъ Его Величества за 1000 руб. Крѣпостные люди, оставшіеся ей отъ отца, лакей съ женою проданы ею. Другіе же семь крѣпостныхъ мущинъ и три женщины бѣжали еще при отцѣ, и крѣпостныхъ актовъ у нея ни оставалось. Года черезъ три послѣ отъѣзда отца въ Сибирь она вступила въ бракъ съ служившимъ въ Фурштатской ротѣ при лейбъ-гвардіи московскомъ полку прапорщикомъ Кузминымъ; черезъ годъ онъ вышелъ въ отставку, обнаруживъ

страсть къ картежной игрѣ и къ нетрезвой жизни, настояніями своими мужъ бралъ у нея деньги и вещи и въ продолженіи 3-хъ лѣтъ сожительства промоталъ все ея достояніе, вынудивъ просить правительство о выдачѣ ей отдѣльнаго свидѣтельства на проживаніе. Съ 1830 года мужъ ея пропалъ и. гдѣ находится ей неизвѣстно. Со дня разлученія съ мужемъ она живетъ одна и пришла въ такое бѣдное состояніе, что нашла пріютъ себѣ, изъ состраданія къ своему бѣдному положенію, у постороннихъ людей. Братъ ея Адольфъ находится въ Варшавѣ на службѣ, адъютантомъ у герцога Нассау".

Удостовѣреніемъ С.-Петербургской полиціи и отзывомъ дочери Горскій не удовлетворился; онъ настаивалъ на производствѣ дознанія о поведеніи дочери, будто бы скрывающей и растрачивающей ввѣренное ей имущество. Только по предъявленіи ему отобранныхъ С.-Петербургскою полиціею показаній отъ племянника его, чиновника Конверскаго, подтвердившаго бѣдное положеніе Кузминой, которой онъ неоднократно помогалъ, онъ увѣрился въ несчастномъ положеніи дочери. Въ началѣ 1845 года Горскій возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи ему возвратиться на родину, но какъ увѣдомилъ графъ Орловъ генерала-губернатора Западной Сибири, Государь Императоръ по всеподданнѣйшему его докладу переданной ему военнымъ министромъ просьбы Горскаго, не изволилъ изъявить на оную Высочайшаго согласія. Получивъ отказъ въ просьбѣ о возвращеніи на родину Горскій въ томъ же 1845 году, сталъ ходатайствовать о перемѣщеніи его въ какую либо изъ южныхъ губерній, для доставленія ему средствъ пользоваться кавказскими минеральными водами; на это ходатайство графъ Орловъ просилъ кн. Горчакова объявить Горскому, что какъ на первое домогательство его въ началѣ года Высочайшаго соизволенія не послѣдовало, то за симъ онъ не осмѣливается вновь утруждать Государя Императора. Во время пребыванія своего въ Омскѣ Горскій велъ жизнь совершенно скромную и даже частью нуждался въ матеріальныхъ средствахъ къ своему существованію, по недостаточности получаемой имъ пенсіи. Болѣзненное, постоянно раздраженное состояніе и озлобленіе на тѣ тяжелыя гоненія судьбы, какія выпало на долю его претерпѣвать и на мѣстѣ ссылкѣ, дѣлали его неспокойнымъ человѣкомъ и въ Омскѣ, несмотря на преклонность лѣтъ. Находясь въ Омскѣ Горскій постоянно заводилъ какія либо кляузныя дѣла, то объ оскорбленіи его частными лицами, то объ оскорбленіи его полиціею, сочиняя и подавая разныя просьбы по тяжебнымъ своимъ дѣламъ. Эта неуживчивость и озлобленіе служили причинами къ аттестаціи его въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія съ 1836 по 1846 гг.,

Омскою полиціею, начальниками Омской области и Тобольскими губернаторами какъ человѣка, „ведущаго себя порядочно, но имѣющаго наклонность къ ябедѣ".

Только за три года до своей смерти, а именно съ 1846 года, Горскій сталъ аттестоваться Тобольскими губернаторами въ хорошемъ поведеніи.

7-го іюля 1849 года, какъ значится въ метрической книгѣ Омской Соборной Воскресенской церкви, князь Іосифъ Викентьевичъ Друцкій Горскій умеръ отъ старости—83 лѣтъ.

Похороненъ Іосифъ Викентьевичъ на Омскомъ иновѣрческомъ кладбищѣ, нынѣ уже упраздненномъ, и памятника, свидѣтельствующаго мѣсто его погребенія, не сохранилось.

ГЛАВА XVII.

Баронъ-Розенъ.—Увѣдомленіе генералъ-губернатора Восточной Сибири Лавинскаго о поселеніи Розена въ предѣлахъ Западной Сибири.—Статейный списокъ на Розена составленный генераломъ-маіоромъ Лепарскимъ.—Поселеніе въ Курганѣ.—Покупка дома.—Матеріальное положеніе.—Ходатайство Розена о покупкѣ земли въ Сибири.—Отказъ въ ходатайствѣ.—Надѣленіе 15—десятиннымъ надѣломъ.—Болѣзнь.—Свидѣтельство Енохина.—Назначеніе на службу въ Кавказскій отдѣльный корпусъ.—Аттестація въ повсденіи.—Добрая память о семьѣ.—Розенъ въ Сибири.

Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ, лейбъ-гвардіи финляндскаго полка поручикъ, принадлежалъ къ сѣверному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ и признанный виновнымъ въ томъ, что лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, оставивъ свой взводъ, посланный для усмиренія мятежниковъ, отнесенъ былъ къ пятому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 10 лѣтъ, а потомъ на поселеніе. Указомъ даннымъ Правительствующему Сенату 22 августа 1826 года оставленъ въ каторжной работѣ на 6 лѣтъ, а потомъ на поселеніи въ Сибирь.

24 мая 1832 года генералъ-губернаторъ Восточной Сибири тайный совѣтникъ Лавинскій увѣдомилъ генерала-губернатора Западной Сибири генерала Вельяминова что дѣйствительная статская совѣтница Самборская, тетка жены государственнаго преступника Розена, по случаю приближенія 6 лѣтняго срока нахожденія Розена въ каторжныхъ работахъ, послѣ чего онъ долженъ поступить на поселеніе, просила графа Бенкендорфа о предстательствѣ передъ Государемъ Импе-

раторомъ, чтобы въ уваженіе совершенно разстроеннаго здоровья ея племянницы, во время нахожденія ея при мужѣ, Розены были поселены въ южной части Тобольской губерніи: „по всеподданнѣйшему докладу графомъ Бенкендорфомъ просьбы Самборской Его Императорское Величество соизволилъ распоряженіе по предмету водворенія Розена предоставить генералу-губернатору Восточной Сибири".

Въ виду послѣдовавшаго Высочайшаго соизволенія тайный совѣтникъ Лавинскій спрашивалъ генерала Вельяминова о томъ, куда именно онъ полагалъ бы возможнымъ водворить Розена,—генераломъ Вельяминовымъ избранъ былъ городъ Курганъ.

4 августа 1832 года Розенъ отправленъ былъ изъ Иркутска въ распоряженіе Тобольскаго губернатора, подъ надзоромъ командированнаго урядника Нечаева.

Тайный совѣтникъ Лавинскій, увѣдомляя генерала Вельяминова объ отправленіи Розена, препроводилъ къ нему статейный списокъ на Розена, составленный комендантомъ нерчинскихъ рудниковъ генераломъ-маіоромъ Лепарскимъ:

Статейный списокъ о государственномъ преступникѣ Андреѣ Розенѣ, обращенномъ на поселеніе іюля 20 дня 1832.

Имя и прозваніе.	Изъ какого званія.	Лѣта отъ роду.	Примѣты.	Прежнее состояніе, вина и наказаніе.	Какой вѣры и не знаетъ ли мастерства.	Холостъ или женатъ и имѣетъ ли дѣтей.
Андрей Евгеніевъ сынъ Розенъ.	Изъ дворянъ.	33.	Ростомъ 2 ар. 9½ в. Лицомъ бѣлъ, волосы на головѣ, бровяхъ свѣтлорусые, носъ продолговатъ, глаза голубые, таліи стройной.	По Высочайшей Его Императорскаго Величества конфирмаціи, послѣдовавшей въ 10 день іюля 1826 г., бывшій лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ, за личное дѣйствіе въ мятежѣ 1825 года, оставленіе своего взвода, посланнаго для усмиренія мятежниковъ, лишенъ чиновъ и дворянскаго достоинства, сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу на 10 лѣтъ; потомъ по именному Высочайшему указу въ 22 день августа того же 1826 г. состоявшемуся, повелѣно оставить его въ работѣ 6 лѣтъ и по прошествіи коихъ оставить въ Сибири на поселеніи.	Лютеранской. Мастерства не знаетъ.	Женатъ на Аннѣ Васильевой, дочери статскаго совѣтника Малиновскаго, имѣетъ дѣтей—сыновей Евгенія, дворянина, и Кондратія рожденнаго въ Сибири. Первый находится въ Россіи, а второй при матери.

Андрей Евгеніевичъ прибылъ въ Тобольскъ въ первой половинѣ сентября 1832 года, слѣдомъ за нимъ ѣхала изъ Восточной Сибири въ Тобольскъ и семья его, состоявшая изъ жены его Анны Васильевны и одного малолѣтняго сына. Во время пути отъ Тары до Тобольска Анна Васильевна разрѣшилась отъ бремени въ с. Фирстовѣ, вторымъ сыномъ рожденнымъ въ Сибири, поэтому по прибытіи въ Тобольскъ Андрей Евгеніевичъ просилъ Тобольскаго губернатора о скорѣйшемъ отправленіи его съ семьею на мѣсто водворенія, дабы имѣть возможность воспользоваться во время переѣзда до Кургана, еще хорошимъ состояніемъ путей сообщенія. 15 сентября Тобольскимъ губернаторомъ сдѣлано было распоряженіе объ отправленіи Розена и его семьи въ Курганъ подъ надзоромъ одного унтеръ-офицера полиціи.

19 сентября Розенъ прибылъ въ Курганъ.

Семья Андрея Евгеніевича сопровождаема была во время пути двумя крѣпостными людьми, принадлежавшими Аннѣ Васильевнѣ и служившими у нея все время въ Восточной Сибири. Въ началѣ 1833 года Анна Васильевна испрашивала разрѣшенія у управлявшаго въ то время Тобольскою губерніею А. Н. Муравьева отправить крѣпостнымъ своихъ людей Евдокима Красенкова и Наталью Яценкову на родину въ Слободско-Украинскую губернію. Но такъ какъ эти лица привезены были изъ Восточной Сибири, то по поводу отпуска этихъ людей испрашивалось согласіе Иркутскаго губернатора Цейдлера, отвѣтившаго что съ его стороны къ возвращенію тѣхъ людей на родину препятствій не имѣется, тѣмъ болѣе что по Высочайшему повелѣнію объявленному генералъ-губернатору Восточной Сибири 7 октября 1826 г., ни въ какомъ случаѣ не велѣно останавливать крѣпостныхъ людей, не желающихъ находиться въ услугахъ у женъ государственныхъ преступниковъ. Объ отпускѣ означенныхъ крѣпостныхъ людей въ Россію генераломъ Вельяминовымъ доведено было до свѣдѣнія графа Бенкендорфа, а Курганскому городничему предписано было наблюсти затѣмъ чтобы, отпускаемые люди, при отправленіи ихъ изъ Кургана не могли скрытно взять съ собою для доставленія въ Россію писемъ или бумагъ, подлежащихъ свѣдѣнію правительства.

Въ концѣ 1833 года Анна Васильевна съ разрѣшенія генерала-губернатора Западной Сибири купила въ Курганѣ на свое имя деревянный домъ у коллежскаго совѣтника Иванова за 2900 руб., а за тѣмъ разрѣшено было ей израсходовать на ремонтъ этого дома 1500 руб. Матеріальное положеніе семьи Розенъ, во время жизни на поселеніи, было совершенно обезпечено. Андрей Евгеніевичъ и Анна Васильевна получали каждый отъ родственниковъ по 1000 р. ассиг-

націями ежегодно, кромѣ тѣхъ денегъ, которые дозволялись имъ генералъ-губернаторомъ получать единовременно на домообзаводство и устройство своего хозяйства, по предварительному представленію смѣтныхъ исчисленій на хозяйственныя постройки, удостовѣренныхъ городничимъ. Кромѣ денежныхъ посылокъ родственники снабжали ихъ изъ Россіи разными необходимыми для жизни предметами: чаемъ, сахаромъ, свѣчами, крупой и пр., а также матеріалами для одежды—холстомъ, сукномъ, мѣхами и проч.

Посылки изъ Россіи, иногда достигавшія цѣнности до 1000 р., выдавались имъ каждый разъ съ оосбаго разрѣшенія генералъ-губернатора.

О всѣхъ единовременныхъ денежныхъ выдачахъ, а также и о посылкахъ доводилось до свѣдѣнія графа Бенкендорфа.

Въ началѣ 1835 года, когда командированный по Высочайшему повелѣнію въ Сибирь для обозрѣнія мѣста поселенія государственныхъ преступниковъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Мусинъ-Пушкинъ, будучи въ Курганѣ, потребовалъ отъ находившихся тамъ государственныхъ преступниковъ письменныхъ заявленій о своихъ нуждахъ, то Андрей Евгеніевичъ отозвался, что собственно нужды его съ женою нѣкоторымъ образомъ обезпечены тою суммою, которая опредѣлена на ежегодное ихъ содержаніе, но имѣя при себѣ трехъ малолѣтнихъ сыновей, которыхъ нужды съ каждымъ годомъ увеличиваются и будущность ничѣмъ не обезпечена, онъ проситъ исходатайствовать ему разрѣшенія на полученіе единовременно отъ родныхъ 10,000 р., на которые онъ желаетъ купить земельную собственность въ Курганскомъ округѣ или отъ частныхъ землевладѣльцевъ, или изъ числа казенныхъ оброчныхъ земель, смотря по мѣстнымъ удобствамъ,—построить на этой землѣ домъ со всѣми хозяйственными строеніями, завести скотъ, земледѣльческія орудія и проч.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири Сулима, отъ котораго графомъ Бенкендорфомъ потребовано было заключеніе по существу просьбы А. Е. Розена, отвѣтилъ „что съ его стороны не предстоитъ препятствія къ пріобрѣтенію Розеномъ земли, если ему разрѣшено будетъ полученіе отъ родственниковъ испрашиваемой суммы“.

Одновременно съ этимъ ходатайствомъ Андрея Евгеніевича, начальникъ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ-маіоръ В. Д. Вальховскій, женатый на родной сестрѣ баронессы Розенъ, представилъ командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса записку, въ которой просилъ дозволить баронессѣ Аннѣ Васильевнѣ Розенъ, купить для себя въ Курганскомъ округѣ участокъ земли, употребивъ на такую

покупку до 10,000 руб. съ тѣмъ, чтобы поселившись на этой землѣ и устроивъ хозяйство, имѣть возможность дать дѣтямъ, прижитымъ въ Сибири, средства къ существованію и предметъ трудолюбія.

Заявленіе, данное А. Е. Розеномъ генералу-маіору Мусину-Пушкину, и сдѣланное по этому заявленію графомъ Бенкендорфомъ сношеніе съ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, не были доложены Его Императорскому Величеству, такъ какъ докладъ по запискѣ В. Д. Вольховскаго, представленной командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ-адъютантомъ барономъ Гр. Вл. Розеномъ военному министру графу Чернышеву состоялся ранѣе и на него уже послѣдовало Высочайшая резолюція.

18 марта 1835 года графъ Чернышевъ увѣдомилъ генерала Сулиму, что Государь Императоръ по всеподданнѣйшему его докладу записки генерала-маіора Вельховскаго „изволилъ найти неудобнымъ дозволить г-жѣ Розенъ купить землю въ 10,000 руб., ибо по цѣнамъ существующимъ въ Сибири, она можетъ пріобрѣсть на сію сумму обширное пространство земли, для обработыванія которой необходимо должна будетъ нанимать постороннихъ людей или отдавать въ наймы, а сіе, давъ ей нѣкоторый видъ помѣщицы и поставивъ ея въ необходимость входить въ сношенія разнаго рода, по положенію ея неприличныя, — было бы несообразно цѣли существующихъ правилъ о государственныхъ преступникахъ и женахъ ихъ, за ними послѣдовавшихъ въ Сибирь“.

Взамѣнъ просимаго для покупки въ собственность участка земли, Андрей Евгеніевичъ, лѣтомъ 1835 года, какъ только послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отводѣ государственнымъ преступникамъ земельныхъ надѣловъ, получилъ одновременно съ другими государственными преступниками, находившимися на поселеніи въ Курганѣ, 15 десятинный участокъ пахатной земли близъ города Кургана.

Государственные преступники, получившіе въ надѣлъ участки земли, не всѣ занимались сами ихъ эксплоатаціею, а уступали для пользованія свои участки товарищамъ своимъ, такъ, напримѣръ, находившіеся на жительствѣ въ Курганѣ Фохтъ и Лихаревъ отдавали участки свои А. Е. Розену.

Въ мартѣ 1837 года Анна Васильевна обратилась со ходатайствомъ къ Тобольскому губернатору Х. Х. Повало-Швейковскому о дозволеніи ей съ мужемъ пріѣхать въ Тобольскъ для совѣщанія съ медиками, такъ какъ мужъ ея ушибъ себѣ правую ногу и за 3 мѣсяца лѣченія въ Курганѣ не чувствуетъ никакого облегченія, будучи между тѣмъ лишенъ всякой возможности владѣть ногою.

Пока происходили официальныя сношенія Тобольскаго губернатора съ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири относительно возможности Розену прибыть въ Тобольскъ, пока требовались и выполнялись разныя свѣдѣнія о состояніи здоровья Розена и производилось медицинское освидѣтельствованіе больнаго черезъ Курганскаго окружнаго врача Малинина, признавшаго что всѣ врачебныя средства, принимавшіяся имъ для излѣченія, оказались безполезными,—въ іюлѣ мѣсяцѣ 1837 года, Андрей Евгеніевичъ освидѣтельствованъ былъ лейбъ-хирургомъ И. В. Енохинымъ, проѣзжавшимъ черезъ Курганъ съ Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

Сохранившееся въ подлинникѣ свидѣтельство И. В. Енохина, писанное на полулистѣ писчей бумали слѣдующее:

„Г. Розенъ имѣетъ, какъ должно полагать по роду насилія и припадковъ, какъ онъ первоначально имѣлъ, *вывихъ бедра впередъ, несовершенный*. Наклонное положеніе больнаго бывшее послѣ упаденія; отклоненіе больной ноги отъ здоровой къ наружи (хотя головки вывихнутой кости нельзя ощупать подъ излучиной лонныхъ костей) достаточно уже таковой вывихъ обозначаютъ.

„Посему вывихъ застарѣлый, то прежде вправленія, онаго больнаго нужно къ правленію пріуготовить посредствомъ всеобщихъ тепловатыхъ ваннъ и мягчительныхъ втираній въ верхнюю часть бедра, потомъ посредствомъ полиспаста, должно произвести надлежащее вытягиваніе ножной конечности, вытягивая оную дотолѣ излегка, пока не будетъ равна съ здоровою ногою, тогда уже дѣйствующій, усиленнымъ движеніемъ бедра вверхъ и къ наружи, стараться долженъ вести головку бедра въ вертюжную впадину“

Основываясь на свидѣтельствѣ И. В. Енохина, Анна Васильевна просила генерала-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова разрѣшить ей съ мужемъ пріѣхать въ Тобольскъ, гдѣ можно было бы предпринять серьезное лѣченіе, но кн. Горчаковъ не нашелъ возможнымъ разрѣшить этой поѣздки, „такъ какъ Розенъ находится въ числѣ прочихъ лицъ Всемилостивѣйше назначенныхъ на службу въ отдѣльный кавказскій корпусъ, и такое послѣдовавшее Высочайшее повелѣніе немедленно же должно быть приведено въ исполненіе“.

При этомъ князь Горчаковъ писалъ Тобольскому губернатору, что онъ можетъ разрѣшить Розену пріѣхать въ Тобольскъ для лѣченія лишь въ томъ только случаѣ, „если Розенъ представитъ удостовѣреніе о такомъ своемъ положеніи, при которомъ безъ врачеванія не въ состояніи отправиться въ надлежащій путь“.

По изъявленіи А. Е. Розеномъ готовности немедленно же ѣхать на Кавказъ, безъ предварительнаго принятія медицинскихъ мѣръ къ излѣченію вывиха, ему разрѣшено было княземъ Горчаковымъ отправиться съ семействомъ въ Тифлисъ изъ Кургана черезъ Оренбургъ.

6-го сентября 1837 года, Андрей Евгеніевичъ съ семействомъ выѣхалъ изъ Кургана, распродавъ свое имущество.

Въ продолженіи пятилѣтней жизни на поселеніи въ Курганѣ А. Е. Розенъ аттестовался въ поведеніи, какъ мѣстною городскою полиціею, такъ и Тобольскими губернаторами: П. Д. Сомовымъ, И. Г. Ковалевымъ и Х. Х. Повало-Швейковскимъ „съ самой лучшей, примѣрной стороны". Кромѣ занятія хозяйствомъ, Андрей Евгеніевичъ и Анна Васильевна, во время пребыванія своего въ Курганѣ, за неимѣніемъ вообще въ Сибири достаточно развитой медицинской помощи, занимались безвозмезднымъ лѣченіемъ нуждавшихся какъ въ медицинскомъ пособіи, такъ и въ медикаментахъ, оставивъ своею благотворительностію хорошую память о себѣ въ Западной Сибири.

ГЛАВА XVIII.

Нарышкинъ.—Увѣдомленіе генералъ-губернатора Восточной Сибири Лавинскаго о поселеніи Нарышкина въ предѣлахъ Западной Сибири. — Инструкція данная Енисейскимъ губернаторомъ стражѣ, командированной для сопровожденія на мѣсто поселенія Нарышкина и Лорера.—Воспитанница Нарышкиныхъ Чунятова.—Статейный списокъ на Нарышкина составленный генералъ-маіоромъ Лепарскимъ. — Поселеніе въ Курганѣ. — Ходатайство кн. Д. В. Голицына.— Покупка дома.—Матеріальное положеніе.—Высочайшее разрѣшеніе на полученіе отъ родственниковъ по 4 тысячи руб. въ годъ. — Присылка изъ Россіи людей, лошадей, картинъ и т. п.—Болѣзнь Е. П. Нарышкиной.—Надѣленіе землею.—Занятія М. М. Нарышкина коневодствомъ.—Аттестація въ поведеніи.—Назначеніе на службу въ Кавказскій отдѣльный корпусъ.

Михаилъ Михаиловичъ Нарышкинъ, полковникъ Тарутинскаго полка принадлежалъ къ Сѣверному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ и признанный виновнымъ въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство и въ участвованіи въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ, отнесенъ былъ къ четвертому разряду государственныхъ преступниковъ, съ осужденіемъ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ и потомъ на поселеніе. Указомъ, объявленнымъ Правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 8 лѣтъ и потомъ на поселеніе.

По воспослѣдованіи Всемилостивѣйшаго Указа 8-го ноября 1839 года, освобождавшаго отъ каторжныхъ работъ, графиня Коновницына просила графа Бенкендорфа объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія Государя Императора на поселеніе Нарышкина, женатаго на ея дочери, въ умѣренномъ климатѣ Сибири и если возможно въ одномъ изъ городовъ Южной части Томской или Тобольской губерніи, для предоставленія дочери ея, находящейся при мужѣ съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ, имѣть медицинское пособіе.

Эта просьба была уважена, и Его Императорское Величество Высочайше изволилъ поручить генералъ-губернатору Восточной Сибири, тайному совѣтнику А. С. Лавинскому, по сношенію съ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири избрать мѣсто для водворенія Нарышкина. Опредѣливъ мѣстомъ водворенія городъ Курганъ Т. С. Лавинскимъ сдѣланы были распоряженія объ отправленіи Нарышкина, одновременно съ Лорером, изъ Иркутска въ Тобольскъ подъ присмотромъ одного урядника и казака. По прибытіи въ г. Красноярскъ, Енисейскимъ губернаторомъ дано было особое наставленіе командированной стражѣ о порядкѣ препровожденія ввѣренныхъ его надзору государственныхъ преступниковъ; этимъ наставленіемъ предписывалось:

1) Слѣдовать съ преступниками до г. Тобольска, не изнуряя ихъ въ пути чрезмѣрными и безъосновательными переѣздами, но сохраняя ихъ здоровье;

2) Останавливаться на безопасныхъ обывательскихъ квартирахъ и самимъ ни на какое время не отлучаться отъ преступниковъ и не оставлять ихъ ночевать однихъ;

3) Доставить имъ, на собственный ихъ коштъ нужныя къ содержанію потребности, но безденежно ни у кого отнюдь ничего не брать, равнымъ образомъ болѣе назначеннаго количества лошадей не требовать;

4) Безъ уважительныхъ причинъ не останавливаться и не допущать преступниковъ разговаривать съ посторонними людьми или дѣлать неприличные поступки, но слѣдовать прямо въ назначенное мѣсто.

5-го марта 1833 года Нарышкинъ и Лореръ прибыли въ Тобольскъ и въ тотъ же день отправлены были на мѣсто поселенія. 14-го марта они прибыли въ г. Курганъ и сданы городничему подъ его полицейскій надзоръ.

Слѣдомъ за Михаиломъ Михаиловичемъ отправилась изъ Иркутска жена его, Елизавета Петровна, въ сопровожденіи находившейся

при ней въ услуженіи дворовой дѣвушки Карповой и малолѣтней дѣвочки Ульяны Чунятовой, взятой Нарышкиными къ себѣ на воспитаніе.

Чунятова взята была на воспитаніе Нарышкиными еще во время жизни ихъ въ Читинскомъ острогѣ, въ 1830 году. Елизавета Петровна, въ письмѣ къ матери своей, графинѣ Коновницыной, отъ 26 іюля 1830 г. сообщала, что въ недавнее время, она и мужъ ея, встрѣтивъ на своемъ дворѣ какую то женщину съ ребенкомъ на рукахъ, сказавшую имъ, что она принуждена оставить своего ребенка на произволъ судьбы, взяли этого ребенка къ себѣ на воспитаніе и обѣщались имѣть объ немъ попеченіе и заботиться о будущемъ его счастіи. Какъ только письмо Нарышкиной сдѣлалось извѣстнымъ графу Бенкендорфу, то имъ предложено было коменданту при Нерчинскихъ рудникахъ генералу-маіору Лепарскому донести о томъ, „какія именно причины могли побудить несчастную мать къ оставленію своего дитяти“. На сдѣланный запросъ генералъ-маіоръ Лепарскій донесъ графу Бенкендорфу, что „дѣйствительно въ іюлѣ 1830 года, въ Читинскомъ острогѣ явилась къ нему проживающая въ селеніи Александровскомъ жена лѣкарскаго ученика Авдотья Емельянова Чунятова съ семимѣсячной дочерью на рукахъ и просила его дозволить отдать, для вскормленія и воспитанія, прижитаго ею ребенка, во время отсутствія мужа по дѣламъ службы. При этомъ Чунятова заявила, что мужъ этого ребенка за своего не признаетъ, и пока она не отдастъ прижитаго ею ребенка чужимъ людямъ на прокормленіе, жить съ нею не хочетъ. Въ виду такого положенія несчастной матери и заявленія ея о томъ, что Нарышкина беретъ ребенка къ себѣ на воспитаніе, онъ, въ качествѣ каменданта, дозволилъ Нарышкиной взять этого ребенка на ея попеченіе“.

Тайный совѣтникъ А. С. Лавинскій, увѣдомивъ И. А. Вельяминова о сдѣланномъ имъ распоряженіи къ отправленію Нарышкина, препроводилъ къ нему и составленный на Нарышкина комендантомъ Нерчинскихъ рудниковъ генералъ-маіоромъ Лепарскимъ статейный списокъ:

Статейный списокъ о государственномъ преступникѣ Михаилѣ Нарышкинѣ обращенномъ на поселеніе генваря 23 дня 1833 года.

Имя и прозваніе.	Изъ какого званія.	Лѣтъ отъ роду.	Примѣты.	Прежнее состояніе, вина и наказаніе.	Какой вѣры и не знаетъ ли мастерства.	Холостъ или женатъ и имѣетъ ли дѣтей.
Михаилъ Михаиловъ сынъ Нарышкинъ.	Изъ дворянъ.	35	Мѣрою 2 арш. 9 верш., лицомъ бѣлъ, волосы темнорусые, глаза каріе, носъ посредственный, близорукъ. На лѣвой косицѣ бородавка.	Бывшій полковникъ Тарутинскаго полка, за знаніе объ умыслѣ на Цареубійство и участвованіе въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ, по Высочайшей Его Императорскаго Величества Конфирмаціи, подписанной въ 10 день Іюля 1826 г.; лишенъ чиновъ, дворянства, осужденъ въ ссылку въ каторжную работу на 12 лѣтъ. Потомъ именными же указами послѣдовавшими въ 22 день августа 1826 г. и въ 8 день ноября 1832 г. повелѣно: первымъ оставить въ каторжной работѣ на 8 л., а послѣднимъ освободить отъ оной и обратить на поселеніе въ Сибири.	Грекo-Россійск. Мастерства не знаетъ.	Женатъ на Елизаветѣ Петровой, дочери графа Коновницына, дѣтей нѣтъ.

Въ судьбѣ Нарышкиныхъ принимали участіе многія вліятельныя высокопоставленныя лица, а потому и жизнь ихъ на поселеніи въ Курганѣ, въ связи съ большими матеріальными средствами, которыми они располагали, была обставлена лучше другихъ, находившихся также на поселеніи. Какъ только Михаилъ Михаиловичъ прибылъ въ Курганъ, Московскій генералъ-губернаторъ, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ письмомъ просилъ генералъ-губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминова, во вниманіе къ ходатайству княгини Евдокіи Михайловны Голицыной, сестры Нарышкина, пользующейся особымъ уваженіемъ знающихъ ея, не лишать брата ея милостиваго о немъ попеченія. На это письмо И. А Вельяминовъ отвѣтилъ кн. Голицыну, что онъ принимаетъ къ исполненію ходатайство его и почтетъ для себя особеннымъ счастіемъ, если будетъ имѣть возможность оказать Нарышкину какое либо облегченіе въ его участи.

Вскорѣ же по прибытіи въ Курганъ, Елизавета Петровна, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, купила на свое имя у г-на Серебрякова деревянный домъ, цѣною за 5,650 рублей ассигнаціями, израсходовавъ еще на ремонтъ дома и хозяйственную обстановку 4,000 руб. Необходимыя для это деньги вытребованы были управлявшимъ Тобольскою губерніею А. Н. Муравьевымъ изъ имѣнія Нарышкиной.

Несмотря на то, что Нарышкины получали постоянно отъ родственниковъ своихъ изъ Россіи цѣнныя посылки съ всевозможными колоніальными товарами необходимыми для жизни, имъ все-таки не хватало назначенныхъ на годъ 2-хъ тысячъ рублей, а потому графиня Коновницына просила разрѣшить ей высылать дочери бо́льшую сумму. 14 ноярбя 1833 года Бенкендорфъ увѣдомилъ генерала Вельяминова, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшей просьбѣ супруги покойнаго генерала-адъютанта графини Коновницыной, Всемилостивѣйше дозволилъ посылать на содержаніе дочери ея, женѣ государственнаго преступника Нарышкиной, по 3 тысячи руб. въ годъ. Лѣтомъ 1834 г. Нарышкины получили изъ Россіи отъ княгини Евдокіи Михайловны Голицыной и графини Коновницыной цѣлый транспортъ состоявшій: 1) изъ 4-хъ дворовыхъ людей мужскаго пола, одной женщины и пяти малолѣтнихъ дѣтей, присланныхъ имъ для услугъ; 2) 5-ти заводскихъ лошадей Пашковскаго завода съ упряжью; 3) картинъ, ковровъ и разныхъ колоніальныхъ товаровъ и т. п. Весь транспортъ по распоряженію управлявшаго въ то время Тобольскою губерніею Копылова, переданъ былъ Нарышкинымъ въ ихъ распоряженіе, городничему же предписано было лишь наблюсти затѣмъ, чтобы присланные люди не могли вручить Нарышкинымъ какихъ либо писемъ или бумагъ, подлежащихъ свѣдѣнію правительства, а также, чтобы Нарышкины не обращали въ капиталъ полученнаго ими имущества.

Это распоряженіе управлявшаго Тобольскою губерніею доложено было графомъ Бенкендорфомъ Государю Императору, и Его Величество найдя это распоряженіе самопроизвольнымъ, учиненнымъ безъ подлежащаго разрѣшенія высшаго начальства, Высочайше повелѣть соизволилъ сдѣлать статскому совѣтнику Копылову строгое замѣчаніе.

Въ продолженіи всего пребыванія въ Курганѣ Елизавета Петровна страдала нервными болѣзнями, а потому, въ началѣ 1835 года, она подала чрезъ графа Бенкендорфа на Высочайшее Имя прошеніе о перемѣщеніи ея съ мужемъ въ одну изъ Южныхъ губерній Россіи. Это прошеніе доложено было графомъ Бенкендорфомъ Его Императорскому Величеству, но Высочайшаго соизволенія на перемѣщеніе въ Россію не послѣдовало, и, какъ увѣдомилъ графъ Бенкендорфъ

генералъ-губернатора Западной Сибири Сулиму, Государь Императоръ изволилъ отозваться: „если Нарышкина полагаетъ, что городъ Курганъ, который впрочемъ находится въ самой южной части Тобольской губерніи, по климату своему вреденъ для ея здоровья, то она можетъ избрать для жительства ея съ мужемъ другое мѣсто, въ Южной части Сибири".

По объявленіи послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія Нарышкина дала отзывъ Тобольскому губернатору, что ей неизвѣстно въ Сибири мѣстности съ лучшимъ климатомъ, и что за устройствомъ уже домообзаводства въ Курганѣ она перевода на другое мѣсто жительства въ Сибири не желаетъ.

При надѣленіи въ 1835 году государственныхъ преступниковъ землею Михаилъ Михаиловичъ получилъ въ пользованіе 15 десятинъ пахатной земли близъ Кургана; этотъ участокъ земли служилъ ему мѣстомъ пастбища какъ для приведенныхъ изъ Россіи лошадей, такъ и для приплода, полученнаго уже на мѣстѣ. Разведеніе рысистой породы въ Сибири и улучшеніе сибирскаго коневодства составляло главное занятіе Михаила Михаиловича. На этомъ поприщѣ онъ былъ первымъ дѣятелемъ въ Западной Сибири, стремившимся къ разведенію улучшенныхъ породъ лошадей. Къ сожалѣнію, за скорымъ отъѣздомъ его изъ Сибири, начатое имъ дѣло государственной пользы, тѣсно связанное съ экономическимъ благосостояніемъ населенія, совершенно упало, не имѣя надлежащихъ руководителей.

Располагая достаточными матеріальными средствами Нарышкины, по примѣру другихъ товарищей по ссылкѣ, неоднократо прибѣгали на помощь бѣдному населенію, оставивъ по себѣ добрую память въ Западной Сибири.

По Высочайшему повелѣнію, объявленному генералъ-губернатору Западной Сибири кн. Горчакову графомъ Бенкендорфомъ 1837 году, Нарышкинъ въ числѣ другихъ государственныхъ преступниковъ, опредѣленъ былъ рядовымъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ и по распоряженію кн. Горчакова отправленъ былъ въ Тифлисъ. Елизавета Петровна оправилась изъ Кургана къ роднымъ, сопровождаемая братомъ своимъ гр. П. П. Коновницынымъ, поручикомъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, прибывшимъ въ Курганъ за сестрой въ началѣ августа 1837 года, съ Высочайшаго дозволенія, по билету данному ему начальникомъ штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантомъ Веймарномъ.

Все время состоянія на поселеніи въ Западной Сибири Михаилъ Михаиловичъ Нарышкинъ аттестовался какъ Курганскимм город-

ничими, такъ и Тобольскими губернаторами, лицомъ, отличающимся „хорошимъ поведеніемъ".

ГЛАВА XIX.

Лореръ.—Ходатайство его родственниковъ о поселеніи его въ одной мѣстности съ М. М. Нарышкинымъ.—Поселеніе въ Курганѣ.—Матеріальное положеніе.—Аттестація въ поведеніи.—Назначеніе на службу въ Кавказскій Отдѣльный Корпусъ.

Н. И. Лореръ маіоръ вятскаго пѣхотнаго полка, членъ Южнаго общества, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ и признанный виновнымъ въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство, въ участвованіи въ умыслѣ тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и въ привлеченіи товарища, приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда отнесенъ былъ къ четвертому разряду государственныхъ преступниковъ съ осужденіемъ къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе; указомъ, даннымъ Верховному Уголовному Суду отъ 10 іюля 1826 года, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 12 лѣтъ, а указомъ, даннымъ правительствующему Сенату, 22 августа 1826 года, оставленъ въ каторжной работѣ на 8-мь лѣтъ.

По воспослѣдованіи Всемилостивѣйшаго указа отъ 8 ноября 1832 г., освобождавшаго его отъ каторжныхъ работъ, родственники Н. И., ссылаясь на то, что они не имѣютъ достаточныхъ средствъ для содержанія его на поселеніи и вообще для оказанія необходимаго вспомоществованія, ходатайствовали о поселеніи его въ мѣстности предназначенной для поселенія М. М. Нарышкина, находившагося въ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ. Графъ Бенкендорфъ, къ которому обращено было это ходатайство, увѣдомилъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, тайнаго совѣтника Лавинскаго, что онъ предоставляетъ ему разрѣшеніе о возможности отправленія Лорера на поселеніе въ Западную Сибирь. Сдѣлавъ распоряженіе объ отправленіи Лорера одновременно съ М. М. Нарышкинымъ за однимъ общимъ надзоромъ, въ распоряженіе Тобольскаго губернатора, Т. С. Лавинскій предоставилъ поселеніе Лорера вмѣстѣ съ Нарышкинымъ усмотрѣнію генералъ-губернатора Западной Сибири.

13 марта 1833 года Н. И. Лореръ прибылъ въ Курганъ, и поселился вмѣстѣ съ Нарышкиными. Матеріальное положеніе его на мѣстѣ поселенія, не смотря на заявленіе родственниковъ о недостаточности своихъ средствъ для его содержанія, было вполнѣ обезпеченное. Въ первый же годъ пребыванія въ Курганѣ имъ получено

было изъ Россіи 2000 р. ассигнаціями, а затѣмъ и въ послѣдующіе годы высылались суммы достаточные для его содержанія.

Находясь на поселеніи онъ опредѣленныхъ занятій никакихъ не имѣлъ, и получивъ въ 1835 году 15-ти десятинный надѣлъ пахатной земли близъ Кургана, хозяйствомъ не занимался и землю свою отдавалъ для эксплоатаціи товарищамъ своимъ по ссылкѣ А. Е. Розену и М. М. Нарышкину.

За время пребыванія своего на поселеніи, съ 1833 г. по 1837 годъ онъ аттестовался въ поведеніи Тобольскою администраціею всегда съ хорошей стороны.

По Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 1837 году. Н. И. въ числѣ другихъ государственныхъ преступниковъ опредѣленъ былъ рядовымъ въ Отдѣльный Кавказскій корпусъ и по распоряженію генералъ-губернатора Западной Сибири [кн. Горчакова отправленъ въ Тифлисъ.

ГЛАВА XX.

Назимовъ.—Переводъ на поселеніе изъ Витима въ Курганъ.—Матеріальное положеніе на мѣстѣ водворенія.—Покупка дома.—Оказаніе помощи неимущимъ.—Расположеніе къ нему администраціи и населенія.—Оказаніе помощи товарищамъ по ссылкѣ.—Надѣленіе землею.—Занятія хозяйствомъ.—Аттестація въ поведеніи.—Назначеніе на службу въ Кавказскій Отдѣльный корпусъ.

Михаилъ Александровичъ Назимовъ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона штабсъ-капитанъ принадлежалъ къ сѣверному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ и признанный виновнымъ въ участіи въ умыслѣ бунта, принятіемъ въ тайное общество одного товарища, приговоромъ суда отнесенъ былъ къ восьмому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ лишенію чиновъ дворянства и къ ссылкѣ на вѣчное поселеніе въ Сибирь.

При приведеніи приговора въ исполненіе Михаилъ Александровичъ, согласно Высочайшему повелѣнію, сосланъ былъ на поселеніе въ Восточную Сибирь—въ Витимъ. 5 мая 1830 года управляющій III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи Фонъ-Фокъ увѣдомилъ генерала-губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминова, что по всеподданнѣйшему докладу генералъ-адъютанта Бенкендорфа Его Величество Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ, поселеннаго въ Витимъ государственнаго преступника Назимова перевести на поселеніе въ г. Курганъ, Тобольской губерніи. 27 августа 1830 г. Михаилъ Александровичъ прибылъ въ Тобольскъ подъ присмотромъ коллежскаго регистратора Россин-

скаго и въ тотъ же день отправленъ былъ изъ Тобольска на мѣсто поселенія въ Курганъ, за присмотромъ казака Тобольскаго городоваго полка.

Матеріальное положеніе Михаила Александровича на мѣстѣ водворенія было вполнѣ обезпечено тѣми денежными средствами, какія онъ получалъ отъ родственниковъ своихъ изъ Россіи.

Первые два года жизни въ Курганѣ онъ не имѣлъ собственнаго домообзаводства, а потому жилъ по разнымъ квартирамъ; въ 1832 г., съ разрѣшенія генерала-губернатора И. А. Вельяминова, онъ купилъ въ Курганѣ небольшой деревянный домъ цѣною за 2005 р. ассигнаціями, истративъ на ремонтъ этого дома и на сооруженіе хозяйственныхъ при немъ построекъ, съ разрѣшенія мѣстной администраціи разсматривавшей и утверждавшей смѣтныя исчисленія, до 4000 руб. ассигнаціями.

Михаилъ Александровичъ велъ въ Курганѣ весьма скромный образъ жизни, занимался хозяйствомъ, помогая изъ своихъ ограниченныхъ денежныхъ средствъ бѣдному населенію, обращавшемуся къ нему за пособіемъ, пріобрѣтя тѣмъ общее къ себѣ расположеніе. Всегдашнею готовностію придти на помощь ближнему, при твердыхъ нравственныхъ правилахъ жизни, и тѣмъ расположеніемъ, какое онъ пріобрѣлъ къ себѣ отъ городскаго населенія Кургана и отъ мѣстнаго административнаго начальства, какъ совершенно вѣрно свидѣтельствуютъ его товарищи по ссылкѣ, онъ, будучи однимъ изъ первыхъ государственныхъ преступниковъ водворенныхъ въ Курганѣ, приготовилъ для своихъ товарищей, поселенныхъ тамъ впослѣдствіи, самый лучшій пріемъ и самое выгодное мнѣніе о нихъ въ средѣ мѣстныхъ жителей, что естественно не мало облегчало тяжесть ссылки.

Михаилъ Александровичъ также помогалъ и товарищамъ своимъ по ссылкѣ, нуждавшимся въ матеріальной помощи къ своему существованію; такъ, находясь въ Курганѣ онъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ посылалъ Н. А. Загорѣцкому, поселенному въ Восточной Сибири, по 100 р. ассигнаціями, обращаясь каждый разъ съ просьбою, къ генералъ-губернаторамъ Западной Сибири о высылкѣ ихъ изъ принадлежавшихъ ему суммъ, находившихся въ веденіи администраціи, съ тѣмъ, чтобы эти деньги не включались въ тѣ 1000 р., какія опредѣлялись, согласно утвержденныхъ правилъ о государственныхъ преступникахъ, на ежегодное содержаніе.

Въ 1835 году, получивъ въ числѣ другихъ государственныхъ преступниковъ, 15-ти десятинный надѣлъ пахотной земли близъ Кур-

гана, онъ расширилъ свое хозяйство, еще прежде заведенное, предпринявъ обработку своего участка.

Въ продолженіи семилѣтняго пребыванія на поселеніи въ Курганѣ онъ аттестовался въ поведеніи какъ Курганскою полиціею, такъ и Тобольскими губернаторами, какъ лицо, отличавшееся „примѣрнымъ образомъ жизни и хорошимъ поведеніемъ".

По Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 1837 году, Михаилъ Александровичъ, въ числѣ другихъ государственныхъ преступниковъ опредѣленъ былъ рядовымъ въ Кавказскій Отдѣльный корпусъ и по распоряженію генерала-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова отправленъ былъ въ Тифлисъ вмѣстѣ съ товарищами своими по ссылкѣ и по поселенію въ Курганѣ Нарышкинымъ, Лореромъ и Лихаревымъ.

ГЛАВА XXI.

Князь Одоевскій.—Ходатайство о переводѣ на поселеніе изъ Восточной Сибири въ Тобольскую губернію.—Статейный списокъ на Одоевскаго, составленный генералъ-маіоромъ Лепарскимъ.—Поселеніе въ Ишимѣ. — Матеріальное положеніе.—Переписка съ отцомъ.—Аттестація въ поведеніи.—Назначеніе на службу въ Кавказскій Отдѣльный корпусъ.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, корнетъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, принадлежалъ къ сѣверному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ и признанный виновнымъ въ участвованіи въ умыслѣ бунта, принятіемъ въ тайное общество одного члена и въ личномъ дѣйствіи во время мятежа, съ пистолетомъ въ рукахъ, приговоромъ суда отнесенъ былъ къ четвертому разряду государственныхъ преступниковъ, съ осужденіемъ къ временной ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, а затѣмъ на поселеніе; указомъ даннымъ Верховному Уголовному суду 10 іюля 1826 г. оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 12 лѣтъ, а указомъ даннымъ правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, по поводу смягченія наказанія опредѣленнаго государственнымъ преступникамъ, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 8 лѣтъ; по отбытіи опредѣленнаго срока въ каторжныхъ работахъ онъ обращенъ былъ на поселеніе и водворенъ въ Иркутской губерніи.

9-го января 1835 года графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири Сулиму, что князь Одоевскій, отецъ государственнаго преступника, находящагося на поселеніи въ селеніи Еланскомъ, Иркутской губерніи, обратился къ нему съ просьбой, въ

виду суроваго климата въ настоящемъ мѣстопребываніи его сына, вреднаго для его здоровья, о переводѣ его въ г. Ишимъ Тобольской губерніи. При этомъ графъ Бенкендорфъ спрашивалъ о возможности, по мѣстнымъ условіямъ, удовлетворенія просьбы князя Одоевскаго. Генералъ Сулима отвѣтилъ графу Бенкендорфу, что единственнымъ препятствіемъ къ переселенію Одоевскаго въ Ишимъ можетъ служить лишь то, что въ этомъ городѣ уже поселены два лица изъ состава политическихъ преступниковъ, сосланныхъ въ Сибирь по мятежу въ Царствѣ Польскомъ, Кржижановскій и Ивашкевичъ. Отвѣтъ, данный генераломъ Сулимою, съ указаніемъ какъ бы на неудобства къ переселенію Одоевскаго, послужилъ поводомъ къ отказу въ ходатайствѣ князю Одоевскому о своемъ сынѣ.

Только по назначеніи генерала Сулимы членомъ военнаго совѣта и съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири кн. П. Д. Горчакова, т. е. по истеченіи полутора лѣтъ со времени возбужденія первоначальнаго ходатайства, осуществилось переселеніе Одоевскаго въ Западную Сибирь. 27-го мая 1836 г. статсъ-секретарь Мордвиновъ увѣдомилъ кн. Горчакова, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ Одоевскаго перевести въ г. Ишимъ.

4 іюля 1836 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Броневскій увѣдомилъ князя Горчакова, что Одоевскій отправленъ въ Тобольскъ подъ надзоромъ одного казака, которому выдано 1000 р., принадлежащія Одоевскому, для расходованія ихъ по мѣрѣ надобности на самыя необходимыя издержки.

Вмѣстѣ съ Одоевскимъ препровожденъ былъ генераломъ Броневскимъ и составленный на него комендантомъ Нерчинскихъ рудниковъ, генералъ-маіоромъ Лепарскимъ, статейный списокъ:

Статейный списокъ о государственномъ преступникѣ Александрѣ Одоевскомъ, обращаемомъ на поселеніе генваря 13 дня 1833 года.

Имя и прозваніе.	Изъ какого званія.	Лѣтъ отъ роду.	Примѣты.	Прежнее состояніе, вина и наказаніе.	Какой вѣры и не знаетъ ли мастерства	Холостъ или женатъ и имѣетъ ли дѣтей.
Александръ Ивановъ сынъ Одоевскій.	Изъ княжескаго.	30	Мѣрою 2 арш. 9 верш., лицомъ бѣлъ, волосы на головѣ темнорусые, глаза каріе,	Бывшій корнетъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, за участвованіе въ умыслѣ бунта, принятіемъ въ тайное общество одного члена и личное	Греко-Россійск. Мастерства не знаетъ.	Холостъ.

			носъ продолговатый.	дѣйствіе въ мятежѣ съ пистолетомъ въ рукахъ, по Высочайшей Его Императорскаго Величества конфирмаціи, послѣдовавшей въ 10 день Іюля 1826 г., лишенъ чиновъ, княжескаго достоинства, осужденъ въ ссылку въ каторжную работу на 12 лѣтъ, потомъ по именнымъ же Высочайшимъ указамъ, послѣдовавшимъ въ 22 день августа 1826 г. и въ 8 день ноября 1832 года, повелѣно: 1-мъ оставить въ каторжной работѣ на 8 лѣтъ, а послѣднимъ, освободивъ отъ оной, обратить на поселеніе въ Сибири.		

Александръ Ивановичъ прибылъ въ Тобольскъ 16 августа 1836 года и за симъ отправленъ на мѣсто поселенія въ Ишимъ, куда и прибылъ 21 августа.

На поселеніи въ Западной Сибири Александръ Ивановичъ пробылъ одинъ годъ, такъ какъ въ концѣ августа 1837 года, будучи опредѣленъ по Высочайшему повелѣнію, въ числѣ другихъ государственныхъ преступниковъ, въ рядовые въ Отдѣльный Кавказскій корпусъ, отправленъ былъ кн. Горчаковымъ въ г. Тифлисъ.

Матеріально онъ былъ совершенно обезпеченъ, получая отъ отца своего, сверхъ опредѣленныхъ на годовое содержаніе 1000 руб., достаточныя денежныя суммы. Александръ Ивановичъ былъ нѣжно любимъ своимъ отцемъ и вскорѣ по водвореніи своемъ въ Ишимъ получилъ отъ отца своего письмо съ выраженіями радости о состоявшемся переводѣ: „Ah! combien je suis heureux de vous savoir plus près de moi, en pensant que par le premier traînage je pourrai venir vous presser contre mon coeur, et vous couvrir de tendres baisers— *l'idée seule* que mes yeux pourront voir les votres, que je pourrai me jetter dans vos bras—fait toute ma félicité.

Это письмо сдѣлалось извѣстнымъ генералъ-губернатору Западной Сибири князю П. Д. Горчакову, который, усматривая какъ бы выражаемое желаніе княземъ Одоевскимъ навѣстить своего сына на новомъ мѣстѣ поселенія, счелъ необходимымъ просить графа Бенкендорфа дать ему указанія, къ руководству на будущее время, о томъ возможно ли допускать свиданія родственниковъ съ поселенцами изъ государственныхъ преступниковъ.

За отсутствіемъ графа Бенкендорфа статсъ-секретарь Мордвиновъ увѣдомилъ князя Горчакова что относительно допуска свиданій поселенныхъ въ Сибири государственныхъ преступниковъ съ ихъ родственниками не имѣется въ виду положительныхъ правилъ, но что на поступавшія неоднократно всеподданнѣйшія просьбы по поводу свиданія Высочайшаго соизволенія не воспослѣдовало. Что же касается до поѣздки кн. Одоевскаго въ Сибирь для свиданія съ сыномъ, то онъ предполагаетъ, что князь не предприметъ путешествія въ Сибирь, не испросивъ на то, предварительно, Высочайшаго соизволенія. Кн. Горчаковъ не удовлетворился такимъ отвѣтомъ Мордвинова и вновь требовалъ отъ графа Бенкендорфа положительныхъ указаній о томъ, какъ поступить съ тѣми родственниками государственныхъ преступниковъ, которые пріѣдутъ въ Сибирь на свиданіе, безъ подлежащаго испрошенія на то дозволенія; на этотъ запросъ 25 ноября 1836 г. графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ кн. Горчакова, что родственникамъ находящихся въ Сибири государственныхъ преступниковъ не можетъ быть дозволяемо пріѣзжать въ Сибирь для свиданій, „и что буде кто либо изъ родственниковъ означенныхъ преступниковъ отправится въ тотъ край, не испросивъ предварительно на сіе дозволенія, то мѣстное начальство обязано немедленно его выслать“.

Постановленныя затрудненія къ свиданіямъ родственниковъ съ государственными преступниками поселенными въ Сибири и предложенныя къ исполненію мѣры выдворенія изъ Сибири тѣхъ, которые безъ дозволенія прибудутъ въ Сибирь для свиданія, а за тѣмъ и состоявшееся въ скоромъ времени, по переводѣ въ Западную Сибирь, отправленіе Александра Ивановича на службу въ Отдѣльный Кавказскій корпусъ,—несомнѣнно были причинами почему кн. Одоевскій не могъ выполнить пламеннаго своего желанія видѣть своего сына въ Сибири послѣ десятилѣтней разлуки.

За годичный срокъ пребыванія своего въ предѣлахъ Западной Сибири Александръ Ивановичъ аттестовался въ поведеніи „очень хорошо“ какъ мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ города Ишима такъ и Тобольскимъ губернаторомъ Павало-Швейковскимъ.

ГЛАВА XXII.

Якушкинъ.—Отправленіе изъ Иркутска въ Тобольскъ для поселенія въ Ялуторовскѣ.—Статейный списокъ на него составленный генералъ-маіоромъ Лепарскимъ.—Поселеніе въ Ялуторовскѣ.—Занятія хозяйствомъ.—Открытіе школъ для взаимнаго обученія по методѣ Беля и Ланкастера. — Характеристика личности Ивана Дмитріевича.—Любовь и уваженіе, какими онъ пользовался на поселеніи.—Аттестація въ поведеніи.—Отъѣздъ въ Россію.

Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ, отставной капитанъ, принадлежалъ къ сѣверному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ и признанный виновнымъ въ томъ, что умышлялъ цареубійство собственнымъ вызовомъ въ 1817 году и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество товарищей, приговоромъ суда отнесенъ былъ къ первому разряду государственныхъ преступниковъ, съ осужденіемъ къ смертной казни—отсѣченіемъ головы; указомъ, объявленнымъ Верховному Уголовному суду 10 іюля 1826 года, которымъ смягчены были опредѣленныя государственнымъ преступникамъ казни и наказанія, по увѣренію совершеннаго раскаянія, сосланъ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ и потомъ на поселеніе; указомъ, объявленнымъ правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 15 лѣтъ, а указомъ отъ 14 декабря 1835 года освобожденъ отъ каторжныхъ работъ съ оставленіемъ на вѣчномъ поселеніи.

16 апрѣля 1836 года графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, изъ числа освобожденныхъ указомъ отъ 14 декабря 1835 года отъ работъ государственныхъ преступниковъ, поселить Якушкина въ г. Ялуторовскъ Тобольской губерніи. 19 іюня 1836 г. Якушкинъ прибылъ изъ Петровскаго завода въ г. Иркутскъ и тотчасъ же былъ отправленъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Броневскимъ въ распоряженіе кн. Горчакова, подъ надзоромъ командированнаго унтеръ-офицера жандармской команды. 10 сентября Якушкинъ прибылъ въ Тобольскъ и 16-го сентября доставленъ на мѣсто водворенія.

При отправленіи изъ Иркутска Иванъ Дмитріевичъ получилъ отъ генерала Броневскаго, изъ числа присланныхъ ему изъ Россіи 1000 руб.,—200 руб. на необходимыя нужныя потребности, а 800 руб. были препровождены кн. Горчакову для выдачи ему на первональное обзаведеніе при поселеніи.

Одновременно съ отбытіемъ Ивана Дмитріевича изъ Иркутска генераломъ Броневскимъ препровождены были къ кн. Горчакову статейный списокъ, составленный на него комендантомъ Нерчинскихъ рудниковъ генералъ-лейтенантомъ Лепарскимъ, и регистръ вещамъ, съ нимъ отправленнымъ, составленный плацъ-маіоромъ при Нерчинскихъ рудникахъ полковникомъ Лепарскимъ:

Статейный списокъ о государственномъ преступникѣ Иванѣ Якушкинѣ, обращенномъ на поселеніе 6 іюня 1832 года.

Имя и прозваніе.	Изъ какого званія.	Лѣта отъ роду.	Примѣты.	Прежнее состояніе, вина и наказаніе.	Какой вѣры и не знаетъ ли мастерства.	Холостъ или женатъ и имѣетъ ли дѣтей.
Иванъ Дмитріевъ сынъ Якушкинъ.	Изъ дворянъ.	43.	Мѣрою 2 ар. 6¾ в., лицемъ смуглъ, волосы черные съ просѣдью, глаза сѣрые, носъ посредственный.	Бывшій отставной капитанъ, умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ въ 1817 году и участвовалъ въ умыслѣ бунта, принятіемъ въ тайное общество товарищей. По Высочайшей Его Императорскаго Величества конфирмаціи, послѣдовавшей въ 10 день іюня 1826 г., лишенъ чиновъ, дворянскаго достоинства, осужденъ въ ссылку въ каторжную работу на 20 лѣтъ. Потомъ по именнымъ Высочайшимъ указамъ повелѣно оставить на работѣ: въ 22 день августа 1826 года на 10 лѣтъ а въ 14 день декабря 1835 г., освободивъ отъ работъ, обратить на поселеніе въ Сибирь.	Грекороссійской. Мастерства не знаетъ.	Женатъ на Настасіи Васильевой дочери Шереметевой, имѣетъ дѣтей сыновей: Вечеслава 14 лѣтъ, Евгенія 11 лѣтъ, дворяне и находятся съ матерью въ Россіи.

Пересланное имущество Ивана Дмитріевича состояло изъ слѣдующихъ вещей, вошедшихъ въ регистръ: 1) книгъ разныхъ 98, 2) бѣлья разнаго 112 штукъ, 3) тулупъ 1, 4) чекмень 1, 5) понталонъ 3, 6) куртокъ 3, 7) сапоговъ 2 пары, 8) одѣялъ 2.

Получая изъ Россіи отъ своей семьи достаточныя матеріальныя средства для безбѣднаго существованія, Иванъ Дмитріевичъ велъ въ Ялуторовскѣ скромную, но дѣятельную жизнь, оставивъ своею полезною дѣятельностію самую лучшую о себѣ память среди сибирскаго населенія.

Во время жизни своей въ Ялуторовскѣ онъ частью занимался хозяйствомъ, но преимущественно первоначальнымъ обученіемъ дѣтей. Съ цѣлью распространенія грамотности среди сибирскаго населенія имъ устроены были въ г. Ялуторовскѣ двѣ школы, одна, въ 1842 году, для мальчиковъ, другая, въ 1846 г., для дѣвочекъ, въ которыхъ дѣти обучались по методѣ взаимнаго обученія Беля и Ланкастера. Эти частныя школы существовали до времени выбытія его изъ Ялуторовска въ Россію. Пріобрѣтя своимъ трудолюбіемъ и дѣятельностію по распространенію грамотности общую любовь и уваженіе населенія, онъ умѣлъ располагать къ себѣ мѣстныя административныя власти, въ зависимости отъ которыхъ находилась его общественная—публичная дѣятельность. По этому за все 14-ти лѣтнее существованіе школъ онъ ни разу не подвергался преслѣдованію за свою педагогическую дѣятельность ни путемъ доноса, ни путемъ прямаго полицейскаго стѣсненія его общественной дѣятельности, напротивъ того, въ снисходительности мѣстной власти онъ какъ бы встрѣчалъ поощреніе къ развитію предпринятаго имъ дѣла.

По вѣдомостямъ о лицахъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи, которыя представлялись Тобольскими губернаторами Его Императорскому Величеству и генералу-губернатору Западной Сибири, показывалось въ графѣ „занятій“, что Якушкинъ „занимается хозяйствомъ и чтеніемъ книгъ“. Этими свѣдѣніями Тобольская администрація видимо укрывала дѣйствительную дѣятельность Ивана Дмитріевича. За двадцатилѣтній періодъ жизни на поселеніи въ Сибири онъ аттестовался въ поведеніи Тобольскими губернаторами всегда хорошо, а за послѣдніе годы жизни на поселеніи, начиная съ 1853 года по 1856 годъ Тобольскіе губернаторы Т. Ф. Прокопьевъ и В. А. Арцимовичъ аттестовали Ивана Дмитріевича какъ лицо, отличающееся „примѣрнымъ поведеніемъ“.

По воспослѣдованіи Высочайшаго манифеста 26 августа 1856 г., Якушкинъ выбылъ въ Россію.

ГЛАВА XXIII.

Ивашевъ.—Отправленіе съ семьею изъ Петровскаго завода въ Тобольскъ.—Поселеніе въ Туринскѣ.—Матеріальныя средства.—Постройка дома.—Кража денегъ изъ дома Ивашевыхъ.—Смерть Камиллы Петровны Ивашевой.—Смерть Василья Петровича Ивашева.—Могила Ивашевыхъ.—Сульба оставшихся малолѣтнихъ сиротъ.—Аттестація въ поведеніи во время состоянія на поселеніи.

Василій Петровичъ Ивашевъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею, принадлежалъ къ южному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ и, признанный виновнымъ въ участвованіи въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, отнесенъ былъ приговоромъ суда ко второму разряду государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ къ политической смерти, по силѣ указа 29 апрѣля 1753 года, т. е. къ возложенію головы на плаху и потомъ къ вѣчной ссылкѣ въ каторжныя работы; указомъ объявленнымъ Верховному Уголовному суду 10 іюля 1826 г., опредѣленное судомъ наказаніе Всемилостивѣйше было смягчено ссылкою въ каторжныя работы на 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе; указомъ объявленнымъ правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, по поводу смягченія наказанія государственнымъ преступникамъ осужденнымъ въ каторжную работу и къ ссылкѣ на поселеніе, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 15 лѣтъ.

16 апрѣля 1836 года графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, изъ числа освобожденныхъ указомъ 14 декабря 1835 года изъ работъ государственныхъ преступниковъ, Ивашева поселить въ г. Туринскѣ Тобольской губерніи. По прибытіи изъ Петровскаго завода, гдѣ Ивашевъ находился въ работахъ, въ Иркутскъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири генералъ-лейтенантъ Броневскій, 30 іюня 1836 года, сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи его вмѣстѣ съ Басаргинымъ, въ Западную Сибирь въ распоряженіе кн. Горчакова, подъ надзоромъ одного урядника и казака. Семейству Ивашева, состоявшему изъ жены его Камиллы Петровны *) и малолѣтней

*) Камилла Петровна, рожденная Ле-Дантю, пріѣхала изъ Россіи въ Петровскій заводъ лѣтомъ 1831 года, получивъ, по всеподданнѣйшему представленію графа Бенкендорфа Всемилостивѣйшее соизволеніе на сочетаніе законнымъ бра-

дочери, дозволено было слѣдовать за нимъ, и, по случаю слабаго состоянія здоровья Камиллы Петровны, Василію Петровичу дозволено было генераломъ Броневскимъ ѣхать вмѣстѣ съ семьею. Семейство Ивашева сопровождаемо было находившимся при немъ дворовыми людьми, 1 мужчиною и 3 женщинами, принадлежавшими матери Ивашева. 18 августа 1836 года Ивашевы прибыли въ г. Омскъ, откуда отправлены были въ распоряженіе Тобольскаго губернатора; 11-го сентября прибыли въ Тобольскъ и 22 сентября доставлены въ Туринскъ.

Имущество Ивашевыхъ, оставшееся въ Петровскомъ заводѣ не проданнымъ, отправлено было чрезъ посредство Иркутскаго губернатора Лавцова изъ Иркутска въ Туринскъ.

Василій Петровичъ былъ нѣжно любимъ своими родителями, находившимися съ нимъ въ постоянной перепискѣ и присылавшими ему всѣ необходимыя матеріальныя средства; потому, какъ только состоялось Высочайшее повелѣніе о водвореніи его на поселеніе въ г. Туринскѣ, отецъ его, отставной генералъ-маіоръ, проживавшій въ Симбирскѣ писалъ къ князю Горчакову: „Собственныя чувства вашего сіятельства не отринутъ старика отца, просящаго человѣколюбиваго подвига: ожидая съ извѣстнаго времени назначенія направленія писемъ къ единственному несчастному моему сыну, перемѣщенному по Высочайшей милосердной волѣ Государя Императора въ Туринскъ, я принялъ смѣлость испросить благоволенія вашего сіятельства на доставленіе къ нему открытаго письма, но если дерзновеніе мое переступаетъ положенныя границы, убѣдительнѣйше прошу вашего милостиваго снисхожденія къ поставленію въ извѣстность, какими средствами могу облегчить остатки дней моихъ“.

Одновременно и мать Василія Петровича, желавшая свиданія съ своимъ единственнымъ сыномъ, послѣ 10 лѣтней разлуки, испрашивала увѣдомленія о томъ, есть ли какое либо „непреложное постановленіе относительно свиданій родственниковъ и родителей съ такими поселенцами какъ ея сынъ“. Полученное письмо было передано кн.

комъ съ осужденнымъ въ каторжныя работы Ивашевымъ. Графъ Бенкендорфъ, увѣдомляя генерала-губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминова о послѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи, просилъ И. А. Вельяминова „чтобы въ проѣздѣ сей несчастной дѣвицы чрезъ губерніи Западной Сибири оказываемо было ей возможное содѣйствіе и пособіе“. На основаніи приведеннаго обращенія графа Бенкендорфа И. А. Вельяминовымъ предложено было Томскому и Тобольскому губернаторамъ и начальнику Омской области оказывать содѣйствіе дѣвицѣ Ле-Дантю.

Горчаковымъ Василію Петровичу, а по поводу свиданія съ нимъ родителей и родственниковъ отвѣчено было Ивашевымъ, что эти свиданія зависятъ непосредственно отъ Монаршаго соизволенія.

Въ началѣ 1837 года Тобольскій губернаторъ Х. Х. Павало-Швейковскій представилъ кн. Горчакову ходатайство Василія Петровича о разрѣшеніи построить ему въ Туринскѣ новый деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ, при ходатайствѣ приложены были планъ предполагаемаго къ постройкѣ дома и смѣта на сумму въ 8132 руб., съ тѣмъ чтобы необходимыя деньги для покупки строительныхъ матеріаловъ и на наемъ рабочихъ потребованы были отъ отца его. Эта постройка была разрѣшена кн. Горчаковымъ о чемъ имъ доведено было до свѣдѣнія графа Бенкендорфа, но съ возложеніемъ на Тобольскаго губернатора наблюденія за тѣмъ, чтобы присылаемыя отцомъ Ивашева деньги дѣйствительно расходовались на постройку и не были бы употребляемы ни на какой другой предметъ.

Въ концѣ 1838 года, страдая вывихомъ правой ноги, въ соединеніи стопы съ голенью, Василій Петровичъ просилъ генерала-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, съ представленіемъ медицинскаго свидѣтельства туринскаго окружнаго врача, разрѣшить ему кратковременную поѣздку въ Тобольскъ, для того чтобы воспользоваться совѣтами мѣстныхъ врачей, но это ходатайство, неизвѣстно по какой причинѣ, кн. Горчаковымъ не было уважено. Въ этомъ же году изъ дома, занимаемаго Ивашевыми, выкрадена была значительная денежная сумма въ размѣрѣ—10500 рублей; производство слѣдствія объ этомъ похищеніи возложено было кн. Горчаковымъ на чиновника особыхъ порученій главнаго управленія Западной Сибири Черепанова, но еще до прибытія слѣдователя въ Туринскъ, городничимъ города Туринска всѣ деньги были найдены зарытыми въ землю въ глиняномъ горшкѣ, а также обнаружены были и злоумышленники, совершившіе кражу, поселенцы Шухруповской волости, Туринскаго округа, давшіе при произведенномъ полиціею первоначальномъ дознаніи чистосердечное сознаніе въ своей виновности. Въ суммѣ 10500 р. заключались 5900 рублей Ивашевыхъ, 770 рублей, принадлежавшіе дворовымъ людямъ, находившимся въ услуженіи у Ивашевыхъ, 2700 рублей Басаргина и 1200 р. вдовы поручика Мавриной, отданные на сохраненіе Басаргину, который, въ свою очередь, передалъ ихъ на сохраненіе Ивашевымъ. Всѣ деньги, принадлежавшія Ивашевымъ и Басаргину, согласно данныхъ ими при слѣдствіи показаній, были изъ числа тѣхъ суммъ, какія разрѣшено было имъ употребить на постройку домовъ въ Туринскѣ. По этому первоначально задержанныя слѣдователемъ

съ цѣлью отобранія ихъ отъ государственныхъ преступниковъ, какъ не имѣющихъ права имѣть при себѣ значительныя денежныя суммы, съ разрѣшенія кн. Горчакова, онѣ были выданы на руки Ивашеву и Басаргину съ условіемъ израсходованія ихъ по назначенію.

Дѣло о кражѣ денегъ, по окончаніи слѣдственнаго производства, передано было слѣдователемъ на рѣшеніе въ Туринскій Окружной судъ, и такъ какъ поселенцы Шухруповской волости, давшіе при дознаніи чистосердечное сознаніе въ учиненной ими кражѣ, не подтвердили своего сознанія при слѣдствіи, отвергнувъ совершенно свою прикосновенность къ дѣлу, и свидѣтельскими показаніями недостаточно были уличены въ преступленіи, то Окружнымъ судомъ лица, заподозрѣнныя въ кражѣ, были оправданы, и такъ какъ по дѣлу никого виновныхъ не было обнаружено, то и расходы по командированію генераломъ-губернаторомъ чиновника Черепанова для производства слѣдствія приняты были на счетъ казны.

Недолго Ивашевы прожили въ Туринскѣ: 28 декабря 1839 года умерла Камилла Петровна, отъ нервической горячки послѣ родовъ дочери Елизаветы, родившейся 25 декабря 1839 года и также вскорѣ умершей. Черезъ годъ послѣ смерти своей жены и въ тотъ же самый день скончался отъ апоплексическаго удара Василій Петровичъ. Ивашевы похоронены на туринскомъ городскомъ кладбищѣ, надъ прахомъ ихъ стоитъ довольно высокая мраморная пирамида съ надписью, частію сохранившеюся, частію же уничтоженною хищническою рукою, оторвавшею выпуклыя мѣдныя буквы.

На 1-й сторонѣ надпись: „Здѣсь погребены тѣла Василія Петровича Ивашева и супруги его Камиллы Петровны урожденной Ле-Дантю. Онъ родился 1794 г. 13 сентября, скончался 1840 г. 28 декабря, она родилась 1808 г. 17 іюня, скончалась.. .....

На 2-й: „Пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененные и азъ упокою вы“.

и 3-й: „Здѣсь подлѣ нихъ погребено тѣло дочери ихъ, младенца Елизаветы, родилась 1839 г. декабря 25 дня, скончалась.....

На 4-й сторонѣ надпись вся уничтожена.

Послѣ смерти Василія Петровича и Камиллы Петровны, оставшимся малолѣтнимъ сиротамъ, сыну и двумъ дочерямъ, дозволено было ѣхать въ Россію къ ихъ родственникамъ, взявшимъ ихъ къ себѣ на воспитаніе.

Въ продолженіе кратковременной жизни въ Туринскѣ Ивашевы, совершенно матеріально обезпеченные, вели скромный, семейный образъ жизни, оказывали нерѣдко помощь страждущимъ и бѣднымъ

жителямъ Туринскаго округа и потому пользовались любовью и расположеніемъ къ нимъ населенія, оставивъ по себѣ добрую память.

За время пребыванія своего на поселеніи Василій Петровичъ аттестовался въ поведеніи какъ мѣстною Туринскою полиціею, такъ и Тобольскими губернаторами, Павало-Швейковскимъ, Талызинымъ и Ладыженскимъ, всегда съ самой лучшей стороны.

ГЛАВА XXIV.

Басаргинъ.—Поселеніе въ Туринскѣ.—Матерьяльное положеніе на мѣстѣ водворенія.—Постройка дома.—Женитьба.—Переводъ въ Курганъ.—Болѣзнь жены.—Опредѣленіе на службу въ г. Омскъ.—Пореводъ на службу въ Ялуторовскъ.—Аттестація въ поведеніи.—Возвращеніе въ Россію.

Николай Васильевичъ Басаргинъ, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка поручикъ, старшій адъютантъ главнаго штаба 2-й арміи, принадлежалъ къ южному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ и признанный виновнымъ въ участіи въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ одного члена, приговоромъ Верховнато Уголовнаго суда отнесенъ былъ ко второму разряду государственныхъ преступниковъ и сужденъ къ политической смерти, по силѣ указа 1753 года 29 апрѣля, т. е. къ положенію головы на плаху и потомъ къ ссылкѣ на вѣчныя каторжныя работы; указомъ, даннымъ Верховному Уголовному суду 10 іюля 1826 года, по поводу смягченія наказанія государственнымъ преступникомъ, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 20 лѣтъ, а указомъ, даннымъ правительствующему Сенату 22 августа того же года, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 15 лѣтъ.

16-го апрѣля 1836 года графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, изъ числа освобожденныхъ указомъ 14 декабря 1835 года отъ работъ государственныхъ преступниковъ, Басаргина поселить въ г. Туринскѣ. По прибытіи изъ Петровскаго завода въ Иркутскъ 30 іюля, Басаргинъ вмѣстѣ съ Ивашевымъ, отправленъ былъ генераломъ-губернаторомъ Восточной Сибири, генералъ-лейтенантомъ Броневскимъ, въ распоряженіе кн. Горчакова. Прибывъ 11-го сентября 1836 года въ Тобольскъ вмѣстѣ съ Ивашевымъ, онъ отправленъ былъ въ Туринскъ одинъ, такъ какъ Ивашевъ, по случаю болѣзни своей семьи оставался нѣкоторое время въ Тобольскѣ; 17 сентября Басаргинъ доставленъ былъ на мѣсто поселенія.

Въ первое время по прибытіи въ Туринскъ матеріальное положеніе Николая Васильевича было совершенно необезпечено, такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ средствъ, но вскорѣ братъ его и родственникъ Барышниковъ совершенно обезпечили его существованіе, обязавшись высылать ему 1400 р. ассигнаціями въ годъ; затѣмъ Барышниковъ единовременно выслалъ ему 4000 р. для устройства на мѣстѣ поселенія домообзаводства и необходимаго хозяйства. Эти денежныя вспомоществованія дали возможность Николаю Васильевичу, въ началѣ 1837 года, ходатайствовать о разрѣшеніи ему постройки въ Туринскѣ деревяннаго дома на каменномъ фундаментѣ. По представленіи плана предположенной постройки и смѣты на сумму 2932 рубля 50 копѣекъ, онъ получилъ разрѣшеніе кн. Горчакова приступить къ постройкѣ подъ наблюденіемъ Тобольскаго губернатора Павало-Швейковскаго; о данномъ разрѣшеніи кн. Горчаковымъ было доведено до свѣдѣнія графа Бенкендорфа. Находясь въ тѣсной дружбѣ съ семействомъ Ивашевыхъ, Николай Васильевичъ жилъ первые годы на поселеніи почти одною жизнію съ Ивашевыми, опредѣленной дѣятельности себѣ не избиралъ.

27 августа 1839 года, съ разрѣшенія начальника края кн. Горчакова, онъ женился въ Туринскѣ на Маріѣ Елисѣевнѣ Мавриной, дочери подпоручика. Послѣ женитьбы прежняя дружба между Ивашевыми и Басаргинымъ продолжалась неизмѣнно до самой смерти Ивашевыхъ. Потерявъ въ 1840 году своихъ лучшихъ друзей и оставшись одинокимъ въ Туринскѣ, такъ какъ большая часть изъ числа государственныхъ преступниковъ была распредѣлена на поселеніе въ южныхъ частяхъ Тобольской губерніи, онъ сталъ ходатайствовать о переводѣ его въ другой городъ. Въ началѣ 1842 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе о переводѣ его въ Курганъ, куда онъ и прибылъ 15 марта. Марья Елисѣевна не пользовалась хорошимъ здоровьемъ, а потому въ 1844 году ходатайствовала о поѣздкѣ въ Екатеринбургъ. 11-го февраля 1844 года графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ кн. Горчакова что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его докладу, Высочайше повелѣть соизволилъ: дозволить женѣ поселеннаго въ Курганѣ государственнаго проступника Басаргина, согласно желанію ея и родственниковъ, отправиться въ Екатеринбургъ для временнаго жительства въ тамошнемъ женскомъ монастырѣ. Объ этомъ Высочайшемъ соизволеніи сообщено было графомъ Бенкендорфомъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. Пользуясь даннымъ разрѣшеніемъ, Марья Елисѣевна 4-го апрѣля 1844 года уѣхала изъ Кургана

въ Екатеринбургъ, гдѣ и пробыла четыре мѣсяца. Въ январѣ 1845 года мать Марьи Елисѣевны, вдова поручика Маврина, проживавшая въ Курганѣ вмѣстѣ съ Басаргиными, обратилась съ письмомъ къ кн. Горчакову, въ которомъ выясняла что дочь ея, получивъ облегченіе въ Екатеринбургѣ, возвратясь въ Курганъ снова страдаетъ болѣзненными припадками, а потому, по недостатку медицинскаго пособія въ Курганѣ, гдѣ всего одинъ окружный врачъ, который занятъ служебными своими обязанностями и не имѣетъ времени заниматься вольною практикою, просила разрѣшить дочери ея вмѣстѣ съ мужемъ отлучиться на нѣкоторое время въ Успенскій винокуренный заводъ, расположенный въ Тюменскомъ округѣ, гдѣ можно пользоваться пособіями врача, находящагося на Чернорѣченскомъ заводѣ, всего въ 15 верстахъ отъ Успенскаго.

Эта просьба Мавриной частью была уважена кн. Горчаковымъ, дозволившимъ Марьѣ Елисѣевнѣ, одной, безъ мужа, отправиться въ Успенскій заводъ.

Въ началѣ 1846 года Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ кн. Горчакову, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ разрѣшить находящемуся на поселеніи въ г. Курганѣ государственному преступнику Басаргину вступить на государственную службу въ Сибири канцелярскимъ служителемъ, на томъ же основаніи, на какомъ опредѣлены прежде нѣкоторые изъ государственныхъ преступниковъ. Во исполненіе послѣдовавшаго Высочайшаго соизволенія Николай Васильевичъ былъ опредѣленъ кн. Горчаковымъ въ штатъ канцеляріи пограничнаго начальника Сибирскихъ Киргизовъ въ г. Омскъ, съ присвоеніемъ ему правъ канцелярскихъ служителей 4-го разряда. По опредѣленіи на государственную службу Николаю Вазильевичу для переѣзда изъ Кургана въ Омскъ къ мѣсту служенія отпущены были изъ казны прогоны на одну лошадь, соотвѣтственно его служебному положенію. 14 мая 1846 года Николай Васильевичъ прибылъ въ Омскъ и въ тотъ же день полицеймейстеромъ города Омска капитаномъ Кривцовымъ при рапортѣ *„вообще съ кувертомъ при семъ“* представленъ былъ пограничному начальнику Сибирскихъ Киргизовъ генералу-маіору Вишневскому. Во время $1^1/_2$ лѣтняго пребыванія на службѣ въ Омскѣ на Басаргина не возлагалось никакихъ особыхъ порученій, кромѣ канцелярскихъ несложныхъ обязанностей. По ходатайству Николая Васильевича, въ концѣ 1847 года, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на переводъ его въ Ялуторовскъ. 3-го января 1848 года князь Горчаковъ увѣдомилъ пограничнаго начальника Сибирскихъ Киргизовъ генерала Вишневскаго, что Басаргинъ, съ Высочайшаго

соизволенія, переводится на службу въ г. Ялуторовскъ, съ причисленіемъ къ тамошнему земскому суду. Въ Ялуторовскѣ Николай Васильевичъ оставался до возвращенія въ Россію, неся на себя обязанность канцелярскаго чиновника.

Во время жизни на поселеніи въ Западной Сибири Николай Васильевичъ хотя и былъ обезпеченъ присылавшимися ему отъ родственниковъ денежными пособіями, но тѣмъ не менѣе были годы, когда онъ денегъ изъ Россіи не получалъ, а потому вынуждаемъ былъ просить оказанія ему пособія отъ казны, такъ въ 1841 и 1843 годахъ ему назначено было пособія по 57 р. $14^2/_7$ коп. въ годъ.

За все 20-ти лѣтнее пребываніе на поселеніи, при частой перемѣнѣ мѣста жительства, Николай Васильевичъ аттестовался, какъ полицейскимъ начальствомъ городовъ Туринска, Кургана, Омска и Ялуторовска, такъ и Тобольскими губернаторами, равно какъ и пограничнымъ начальникомъ Сибирскихъ Киргизовъ, генералъ-маіоромъ Вишневскимъ, съ хорошей стороны; только въ 1845 году Тобольскій губернаторъ Энгельке, безъ объясненія причинъ, побудившихъ измѣнить прежнюю его хорошую аттестацію, въ вѣдомостяхъ о состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, показалъ поведеніе его „порядочнымъ“.

По воспослѣдованіи Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года, получивъ прощеніе, Николай Васильевичъ выбылъ изъ Сибири въ Россію.

ГЛАВА XXV.

Баронъ Штейнгель.—Поселеніе въ Ишимѣ.—Пособіе отъ казны.—Переводъ въ Тобольскъ.—Распоряженіе князя П. Д. Горчакова о переводѣ въ Тару.—Жалобы Штейнгеля на несправедливость главной администраціи края.—Обратный переводъ въ Тобольскъ.—Аттестація въ поведеніи.—Возвращеніе въ Россію.

Баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель, отставной полковникъ, принадлежалъ къ сѣверному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ и признанный виновнымъ въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство и лишеніе свободы членовъ царской семьи, съ согласіемъ на послѣднее, въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и въ участіи въ приготовленіи къ мятежу планами, совѣтами, сочиненіемъ манифеста и приказа войскамъ, отнесенъ былъ приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда къ третьему разряду государственныхъ преступниковъ, съ осужденіемъ къ ссылкѣ на вѣчныя каторжныя работы; указомъ, даннымъ Верховному Уголовному Суду 10 іюля 1826 г., оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 20 лѣтъ, съ назначеніемъ потомъ

на вѣчное поселеніе, а указомъ Правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, по поводу смягченія наказанія государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ въ каторжную работу и къ ссылкѣ на поселеніе, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 15 лѣтъ.

По отбытіи опредѣленнаго срока въ каторжныхъ работахъ и находясь на поселеніи въ Восточной Сибири, онъ письмомъ просилъ графа Бенкендорфа „представительства передъ Его Императорскимъ Величествомъ, какъ о Всемилостивѣйшемъ его прощеніи въ сердцѣ своемъ, считая сію милость потребностію души своей на часъ смертный, такъ и о переводѣ его изъ Восточной Сибири въ г. Ишимъ, или другой какой либо городъ ближе къ Россіи, собственно для утѣшенія невиннаго, но не менѣе страждущаго его семейства".

30 декабря 1836 г. графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Восточной Сибири генералъ-лейтенанта Броневскаго, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему ему докладу письма государственнаго преступника Штейнгеля, изъявилъ Высочайшее согласіе на переводъ Штейнгеля на поселеніе въ г. Ишимъ и что при семъ случаѣ Его Величество изволилъ отозваться: *„Давно уже простилъ въ душѣ какъ Штейнгеля, такъ и прочихъ государственныхъ преступниковъ"*.

9 февраля 1837 г. Штейнгель отправленъ былъ изъ Иркутска подъ присмотромъ хорунжаго Иркутскаго казачьяго полка Кузнецова, въ распоряженіе генералъ-губернатора Западной Сибири князя Горчакова. 5 марта онъ прибылъ въ Тобольскъ, а 11 марта 1837 года доставленъ въ Ишимъ. Оставивъ въ Россіи большое семейство, состоявшее изъ жены, четырехъ сыновей и трехъ дочерей и не получая вовсе ни отъ семьи, ни отъ родственниковъ никакого денежнаго пособія, онъ нуждался на мѣстѣ поселенія въ матеріальныхъ средствахъ къ существованію, почему по прибытіи въ Западную Сибирь, вынужденъ былъ просить о выдачѣ ему отъ казны пособія, которое и выдавалось, сначала въ размѣрѣ 200 руб. ассигнаціями или 57 руб. $14^2/_7$ коп. сереб. въ годъ, а затѣмъ, съ 1845 года, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ отъ 6 февраля 1845 года, въ размѣрѣ 114 руб. $28^4/_7$ коп. сер. въ годъ.

Въ концѣ 1838 года графъ Бенкендорфъ, по ходатайству Штейнгеля о переводѣ его изъ Ишима въ Тобольскъ, для сближенія съ семействомъ, спрашивалъ заключенія князя Горчакова, который увѣдомилъ, что онъ находитъ такой переводъ вполнѣ возможнымъ. Однако удовлетвореніе этого ходатайства послѣдовало только черезъ годъ, 24 января 1840 года. Графъ Бенкендорфъ далъ знать князю Горчакову,

что Государь Императоръ, снисходя къ просьбѣ Штейнгеля, Всемилостивѣйше повелѣть изволилъ: перевесть Штейнгеля изъ г. Ишима въ Тобольскъ. 7 марта 1840 г., по истеченіи трехлѣтняго пребыванія въ Ишимѣ, Штейнгель доставленъ былъ въ Тобольскъ.

Поведеніе и образъ жизни Штейнгеля въ Тобольскѣ, въ скоромъ времени, по его прибытіи на новое мѣсто водворенія, навлекли на себя неудовольствіе князя Горчакова.

13 іюня 1843 г. кн. Горчаковъ предложилъ Тобольскому губернатору Ладыженскому немедленно перевести Штейнгеля на жительство въ г. Тару. О такомъ переводѣ, предпринятомъ собственною властію, безъ предварительнаго испрошенія Высочайшаго соизволенія, князь Горчаковъ увѣдомилъ какъ графа Бенкендорфа, такъ и министра внутреннихъ дѣлъ. При чемъ кн. Горчаковъ пояснялъ графу Бенкендорфу, что мотивами къ такому переводу послужили „неоднократно доходившіе до него слухи о допущеніи Тобольскимъ гражданскимъ губернаторомъ Ладыженскимъ, тайнымъ образомъ, Штейнгеля къ составленію служебныхъ бумагъ, отъ чего Штейнгель не чуждъ вліянія на дѣла управленія". Увѣдомляя же министра внутреннихъ дѣлъ, кн. Горчаковъ болѣе подробно излагалъ тѣ основанія, какія побудили его сдѣлать распоряженіе о немедленномъ удаленіи Штейнгеля изъ Тобольска: „Съ 1840 года, по переводѣ въ Тобольскъ и по назначеніи къ исправленію должности Тобольскаго гражданскаго губернатора статскаго совѣтника Ладыженскаго, Штейнгель былъ принятъ въ домѣ Ладыженскаго, супруга котораго, еще съ дѣтства, знакома была съ Штейнгелемъ. Впослѣдствіи сношенія эти обратились со стороны Ладыженскаго въ полную довѣренность, и Штейнгель сталъ, приватно, по важнѣйшимъ дѣламъ службы писать бумаги, подавать совѣты. Такое вліяніе Штейнгеля на Ладыженскихъ возрастало постепенно и общая молва обратила мое вниманіе на сіе участіе въ мѣстномъ управленіи лица, лишеннаго всѣхъ правъ состоянія, за преступленія политическія и до того еще за злоупотребленіе удаленнаго особеннымъ Высочайшимъ распоряженіемъ отъ должности, занимаемой имъ при Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ". Затѣмъ кн. Горчаковъ сообщалъ министру Внутреннихъ Дѣлъ, что онъ неоднократно лично указывалъ Ладыженскому на неудобство отношеній его къ Штейнгелю, но тотъ отвергъ всѣ предположенія и слухи о занятіяхъ будто бы Штейнгеля у него служебными дѣлами, а участіе свое къ нему объяснялъ только состраданіемъ къ старцу, уже наказанному 17-лѣтней ссылкой и чистосердечно раскаявшемуся. Этимъ объясненіямъ кн. Горчаковъ не придавалъ никакой вѣры и

обвинялъ Ладыженскаго въ изворотливости и неблагонамѣренности, тѣмъ болѣе, что Ладыженскій, въ нарушеніи порядка указаннаго въ сибирскихъ учрежденіяхъ, на основаніи которыхъ вся переписка губернатора должна производиться по отдѣленіямъ канцеляріи общаго губернскаго управленія и подъ отвѣтственностью служащихъ въ ней чиновниковъ, учредилъ какую то особую собственную канцелярію, „дабы съ большимъ удобствомъ и большею тайною допускать Штейнгеля къ разсмотрѣнію и направленію производящихся по губерніи дѣлъ". „Изъ этой канцеляріи подъ фирмою губернатора выходятъ иногда пространныя резолюціи и проекты". Опасаясь оставить Штейнгеля даже въ предѣлахъ Тобольской губерніи, кн. Горчаковъ просилъ министра Внутреннихъ Дѣлъ перевести окончательно Штейнгеля въ Томскъ.

Княземъ Горчаковымъ обращено было особенное вниманіе на возбужденное имъ дѣло о переселеніи Штейнгеля, почему донесенія, какъ графу Бенкендорфу, такъ и министру Внутреннихъ Дѣлъ, объ отношеніяхъ Штейнгеля къ Ладыженскому были составлены имъ собственноручно. Спустя двѣ недѣли со времени отправленія предложенія Ладыженскому о переселеніи Штейнгеля въ Тару, кн. Горчаковъ требовалъ отъ Ладыженскаго донесенія съ первою отходящею почтою о томъ, когда именно отправленъ государственный преступникъ на новое, имъ назначенное, мѣсто поселенія.

Заболѣвшій воспаленіемъ легкихъ Штейнгель не былъ оправленъ согласно требованію кн. Горчакова, и Ладыженскимъ, въ оправданіе своей неисполнительности, были представлены медицинское свидѣтельство, выданное Штейнгелю членами Тобольской врачебной управы и актъ осмотра Штейнгеля Тобольскимъ полицеймейстеромъ и жандармскимъ капитаномъ Лыткинымъ, удостовѣряющіе дѣйствительное болѣзненное состояніе государственнаго преступника.

10 августа 1843 г. графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ кн. Горчакова, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленія о переводѣ Штейнгеля, Высочайше соизволилъ утвердить сдѣланное имъ распоряженіе. Давая знать Тобольскому губернатору Ладыженскому о послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи, князь Горчаковъ предложилъ ему отправить Штейнгеля къ мѣсту новаго назначенія „непремѣнно по полученіи сего въ теченіе семи дней".

15 сентября Штейнгель отправленъ былъ изъ Тобольска въ Тару, куда прибылъ 18 сентября.

На несправедливость взведенныхъ, бездоказательныхъ обвиненій, послужившихъ основаніемъ къ переводу въ Тару, Штейнгель жало-

вался графу Бенкендорфу. Жалоба эта препровождена была графомъ Бенкендорфомъ къ кн. Горчакову, для того чтобы князь далъ по существу изложенныхъ въ ней данныхъ свое заключеніе, причемъ графъ Бенкендорфъ писалъ кн. Горчакову, что „по мнѣнію его, съ которымъ вѣроятно согласится и князь, въ означенномъ случаѣ болѣе неправъ Тобольскій губернаторъ".

Возвращая жалобу, кн. Горчаковъ отвѣтилъ графу Бенкендорфу, что онъ совершенно раздѣляетъ сужденіе его о виновности Тобольскаго губернатора Ладыженскаго, но не можетъ не обратить вниманія на многія выраженія Штейнгеля „жалующагося на жестокость, несправедливость, самовластіе и именующаго надзоръ, который за нимъ обязанъ онъ имѣть, *сикфонтизмомъ*, переводъ свой на жительство въ Тару—*безчеловѣчіемъ*, *безнравственностью*, *просто убійствомъ*, наконецъ—*оскорбленіемъ Самодержавія Его Величества*".

Переселеніе Штейнгеля въ другой городъ, писалъ кн. Горчаковъ, именуемое жалобщикомъ убійствомъ, на самомъ дѣлѣ не составляетъ еще существеннаго наказанія, а есть одна только мѣра полицейской осторожности, приведенная въ исполненіе съ крайнею снисходительностію, ибо при сопротивленіи Штейнгеля удалиться изъ Тобольска, онъ оставался въ Тобольскѣ до самаго полученія Высочайшаго повелѣнія о его переводѣ.

Графъ Бенкендорфъ призналъ доводы кн. Горчакова совершенно основательными, сообщивъ ему, „что и онъ по полученію жалобы Штейнгеля находилъ въ ней неприличныя положенію жалобщика сужденія и крайне дерзкія выраженія, но долгомъ счелъ препроводить эту жалобу предварительно къ нему, кн. Горчакову, затѣмъ единственно, чтобы узнать его мнѣніе". Въ наказаніе же за то, что Штейнгель медлилъ исполненіемъ распоряженія начальника края о его переводѣ въ Тару и оставался въ Тобольскѣ до самаго полученія на мѣстѣ Высочайшаго повелѣнія, утверждавшаго сдѣланное распоряженіе, графъ Бенкендорфъ полагалъ необходимымъ наказать Штейнгеля переводомъ въ одну изъ отдаленныхъ деревень. Также онъ находилъ необходимымъ сдѣлать Тобольскому губернатору Ладыженскому замѣчаніе за допущеніе государственнаго преступника медлить исполненіемъ распоряженія генерала-губернатора.

Предложенную мѣру административнаго наказанія, дальнѣйшее переселеніе Штейнгеля, князь Горчаковъ призналъ излишнимъ, отвѣтивъ графу Бенкендорфу, „что хотя Штейнгель въ жалобѣ своей могъ и долженствовалъ, уважая званіе, выражаться скромнѣе, но какъ дерзкія его рѣчи относились не до правительства, а лично до него, князя

Горчакова, то онъ и желалъ бы оставить это обстоятельство безъ дальнѣйшаго вниманія, тѣмъ болѣе, что перемѣщеніемъ Штейнгеля имѣлось въ виду не наложеніе на него взысканія, а единственно — удаленіе изъ мѣста, гдѣ онъ былъ вреденъ, что уже вполнѣ достигнуто". Замѣчанія Тобольскому губернатору князь Горчаковъ также не сдѣлалъ, сообщивъ лишь Ладыженскому, что графъ Бенкендорфъ находитъ его неправымъ, какъ допустившимъ государственнаго преступника медлить исполненіемъ распоряженія генералъ-губернатора.

Пробывъ на жительствѣ въ Тарѣ около двухъ лѣтъ Штейнгель возбудилъ ходатайство о своемъ переводѣ въ другой городъ. Въ январѣ 1845 года графъ Орловъ увѣдомилъ князя Горчакова, что государственный преступникъ Штейнгель, водворенный въ Тарѣ, обратился къ нему съ просьбою о переводѣ его въ гор. Тобольскъ или Тюмень, при этомъ графъ Орловъ писалъ князю Горчакову, что, имѣя въ виду прежній поступокъ Штейнгеля, за который онъ перемѣщенъ былъ въ Тару изъ Тобольска, онъ находитъ, что переводить его обратно въ этотъ городъ было бы неумѣстно, но что вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ причины ему отказывать въ водвореніи его въ Тюмени, если со стороны мѣстной администраціи не встрѣтится къ тому какихъ-либо препятствій. На это увѣдомленіе князь Горчаковъ 5 марта 1845 г. писалъ графу Орлову: „Изъ отношенія моего къ предмѣстнику вашего сіятельства отъ 26 ноября 1843 г. вы изволите усмотрѣть, что, не взирая на всю дерзость укоризнъ государственнаго преступника Штейнгеля, оскорбившаго въ моемъ лицѣ званіе главнаго мѣстнаго начальника, просилъ я покойнаго графа Бенкендорфа оставить эту наглость безъ того наказанія, котораго самъ графъ призналъ его достойнымъ. Затѣмъ не полагаю чтобы у вашего сіятельства могъ оставаться малѣйшій поводъ подозрѣвать меня въ личной ненависти къ Штейнгелю. На предложеніе ваше о переводѣ Штейнгеля въ Тюмень честь имѣю отозваться: во-первыхъ—изъ всей Сибири Тюмень есть ближайшій городъ къ Россіи и онъ лежитъ на большой дорогѣ, куда вообще водворять государственныхъ преступниковъ воспрещено, да и подобное перемѣщеніе было бы особенною милостію, которую никто изъ сихъ господъ, далеко превосходящихъ нравственностію Штейнгеля, не пользуется; во-вторыхъ—это снисхожденіе послужило бы примѣромъ безсилія мѣстной власти надъ всѣми государственными преступниками и, наконецъ, вътретьихъ—по случаю утвержденія въ семъ городѣ ярмарки господинъ Штейнгель пріобрѣлъ бы возможность свободнаго сообщенія со всею Россіею и обширное поле къ кознямъ, коими онъ въ продолженіе всей жизни отличался".

Графъ Орловъ согласился съ мнѣніемъ князя Горчакова о неудобствахъ перемѣщенія Штейнгеля, выразивъ при этомъ князю благодарность за откровенное сообщеніе своихъ чувствъ въ отношеніи этого государственнаго преступника и за преданіе забвенію прежняго непозволительнаго его поступка.

Не получая въ продолженіе цѣлаго года отвѣта на поданную просьбу, Штейнгель вновь обратился въ 1846 году съ письмомъ къ графу Орлову настоятельно ходатайствуя о переводѣ его въ Тобольскъ.

Употребленныя Штейнгелемъ выраженія въ письмѣ и въ особенности заключительныя слова: „неужели важность христіанскаго правительства состоитъ въ непреклонномъ равнодушіи къ воплямъ обиженныхъ!... Есть же Богъ... вѣчность... потомство... страшно посмѣваться ими!“ признаны были графомъ Орловымъ неприличными состоянію Штейнгеля, а потому графъ просилъ князя Горчакова о томъ, не угодно ли ему будетъ приказать объявить Штейнгелю, „что просьба его о перемѣщеніи до тѣхъ поръ не будетъ уважена, пока мѣстное начальство не представитъ одобрительнаго объ немъ отзыва и не засвидѣтельствуетъ, что онъ перемѣнилъ безпокойный нравъ свой;—внушивъ ему дабы онъ излагалъ свои письма осторожнѣе, а то въ противномъ случаѣ онъ будетъ подвергнутъ строгому взысканію“.

Въ началѣ 1851 года, по выбытіи изъ края князя Горчакова и по назначеніи генераломъ-губернаторомъ Западной Сибири Г. Х. Гасфорда, Штейнгель, пользуясь пребываніемъ въ Западной Сибири генералъ-адъютанта Анненкова, ревизовавшаго Западную Сибирь по Высочайшему повелѣнію, возбудилъ вновь ходатайство о переводѣ его изъ Тары въ Тобольскъ и писалъ генералу Анненкову: „мое качество страдальца не препятствовало бывшему генералъ-губернатору сдѣлать мнѣ честь своимъ гоненіемъ.—Отъ васъ, вождѣленнаго посланника благости Государя, я могу ожидать одного состраданія. Эта мысль осмѣливаетъ меня: умоляю васъ—возвратите меня въ Тобольскъ, гдѣ я находился съ Высочайшаго соизволенія.—Мнѣ предстоитъ послѣдній годъ седьмаго десятка, дострадаю скоро, пошлите мнѣ на это послѣднее время утѣшительную надежду что руки товарищей несчастія закроютъ мнѣ глаза и передадутъ въ вѣчное объятіе общей матери—земли!“

Разрѣшеніе этого ходатайства было передано генералъ-адъютантомъ Анненковымъ на благоусмотрѣніе генерала-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорда, которымъ затребованы были свѣдѣнія отъ Тобольскаго губернатора о поведеніи Штейнгеля. По полученіи свѣдѣній о томъ, что Штейнгель во все время восьмилѣтняго пребы-

ванія въ Тарѣ велъ себя хорошо и по полученіи отъ графа Орлова уполномочія на переводъ въ Тобольскъ, съ тѣмъ что если впослѣдствіи преступникъ не оправдаетъ оказываемой ему милости, то снова можетъ быть водворенъ въ Тарѣ, Г. Х. Гасфордъ сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ Штейнгеля въ Тобольскъ съ предупрежденіемъ его объ обратномъ водвореніи.

Въ продолженіе 20-лѣтняго пребыванія своего на поселеніи въ Западной Сибири, находясь въ нуждѣ, по недостаточной обезпеченности къ существованію однимъ казеннымъ пособіемъ, Штейнгель велъ жизнь весьма скромную, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ, занимаясь „чтеніемъ книгъ“, какъ показывала Тобольская губернская администрація въ вѣдомостяхъ о лицахъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи.

Несмотря на эту борьбу съ главною администраціею края, какую пришлось имѣть Штейнгелю за время управленія Западною Сибирью княземъ П. Д. Горчаковымъ, онъ во все 20-лѣтнее пребываніе свое на поселеніи аттестовался, какъ мѣстною полиціею, такъ и губернаторами, управлявшими въ разное время Тобольскою губерніею, Повало-Швейковскимъ, Талызинымъ, Ладыженскимъ, Энгельке, Прокопьевымъ и В. А. Арцымовичевымъ, какъ человѣкъ „скромнаго и хорошаго“ поведенія. Къ несомнѣнному достоинству и великодушію князя П. Д. Горчакова, которыми вообще отличался этотъ административный дѣятель, нельзя не отнести и того что принимая мѣры въ отношеніи Штейнгеля, для устраненія его отъ вмѣшательства въ дѣла управленія Тобольскою губерніею и зная о всѣхъ тѣхъ непристойныхъ выраженіяхъ какія употреблялъ этотъ государственный преступникъ въ прошеніяхъ своихъ, подаваемыхъ графу Бенкендорфу и графу Орлову, направленныхъ противъ его личности и къ непріязной характеристикѣ его распоряженій, онъ тѣмъ не менѣе никогда не стѣснялъ непосредственно подвѣдомственныхъ ему административныхъ органовъ въ свободѣ аттестаціи, по своему усмотрѣнію, поведенія оскорблявшаго его преступника. Эти данныя ясно указываютъ, что князь П. Д. Горчаковъ нисколько и никогда не желалъ отягощать участи сосланнаго преступника, а принималъ въ отношеніи его лишь необходимую, по его административнымъ соображеніямъ, мѣру предупредительной осторожности.

По воспослѣдованіи Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года Владиміръ Ивановичъ, получивъ прощеніе съ возстановленіемъ утерянныхъ правъ, возвратился изъ Сибири въ Россію преклоннымъ 76-лѣтнимъ старцемъ.

ГЛАВА XXVI.

Свистуновъ.—Водвореніе въ Курганѣ.—Матеріальныя средства.—Женитьба.—Переводъ въ Тобольскъ.—Опредѣленіе на службу.—Покупка дома.—Служебная дѣятельность.—Домъ Свистуновыхъ въ Тобольскѣ.—Аттестація въ поведеніи.—Отъѣздъ въ Россію.

Петръ Николаевичъ Свистуновъ, корнетъ кавалергардскаго полка, принадлежалъ къ сѣверному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ и, признанный виновнымъ въ участвованіи въ умыслѣ цареубійства и истребленія императорской фамиліи согласіемъ и въ умыслѣ бунта принятіемъ въ общество товарищей, приговоромъ Верховнаго Уголовнаго суда отнесенъ былъ къ второму разряду государственныхъ преступниковъ съ осужденіемъ къ политической смерти, по силѣ указа 1753 года 29 апрѣля, т. е. къ положенію головы на плаху и потомъ къ ссылкѣ на вѣчныя каторжныя работы; указомъ объявленнымъ Верховному Уголовному суду, 10 іюля 1826 года, по поводу смягченія казней и наказаній, уже опредѣленныхъ для государственныхъ преступниковъ, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 20 лѣтъ, а потомъ на вѣчное поселеніе; указомъ, объявленнымъ Правительствующему Сенату 22 августа 1826 г. по поводу смягченія наказаній государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ въ каторжныя работы и къ ссылкѣ на поселеніе, оставленъ въ каторжной работѣ на 15 лѣтъ.

По всемилостивѣйшему освобожденію въ 1836 году отъ каторжныхъ работъ съ оставленіемъ на поселеніи, Петръ Николаевичъ, водворенъ былъ въ Иркутской губерніи въ селѣ Ильинскомъ, гдѣ оставался лишь нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ переведенъ былъ въ 1837 году на поселеніе въ Западную Сибирь.

По прибытіи въ Тобольскъ онъ отправленъ былъ въ г. Курганъ, назначенный для его водворенія, гдѣ и пробылъ по 1841 годъ.

Въ матеріальномъ отношеніи жизнь Петра Николаевича вполнѣ была обезпечена тѣми значительными денежными средствами, какія онъ получалъ отъ своихъ родственниковъ изъ Россіи. Прибывъ въ Западную Сибирь холостымъ, онъ, въ періодъ времени жизни своей въ Курганѣ, женился на Татьянѣ Александровнѣ Дуриновой, дочери Курганскаго окружнаго начальника. Въ концѣ 1841 года Свистуновъ переведенъ былъ на жительство въ Тобольскъ, гдѣ по Высочайшему разрѣшенію съ 1 ноября 1841 года принятъ на Государственную службу и опредѣленъ въ число канцелярскихъ служителей 4-го разряда Тобольскаго

Общаго Губернскаго Управленія. На новомъ мѣстѣ жительства, онъ пріобрѣлъ себѣ большой деревянный домъ, считавшійся въ то время однимъ изъ лучшихъ домовъ въ городѣ. Вмѣстѣ со Свистуновыми, въ домѣ ихъ жилъ П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ, съ которымъ Петръ Николаевичъ былъ связанъ тѣсною дружбою. Благодаря матеріальной обезпеченности, образованію и общительности Петра Николаевича, домъ Свистуновыхъ въ Тобольскѣ служилъ мѣстомъ объединенія поселенной тамъ въ то время обширной семьи декабристовъ. Образованіе и начитанность Петра Николаевича, получавшаго массу журналовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и слѣдившаго за развитіемъ литературы и политическою жизнью, съ его воспріимчивымъ умомъ, дѣлали, его не только пріятнымъ собесѣдникомъ но и полезнымъ дѣятелемъ почему, не смотря на скромное его служебное положеніе, лица, управлявшія въ разное время Тобольскою губерніею, за время пребыванія его въ Тобольскѣ, находили въ немъ лучшаго сотрудника по разнообразнымъ отраслямъ административной дѣятельности. Въ началѣ 1849 года Тобольскій губернаторъ Энгельке возбудилъ ходатайство о перечисленіи Петра Николаевича изъ 4-го разряда въ 3-й разрядъ канцелярскихъ служителей за отличное усердіе по службѣ и скромное поведеніе. Князь П. Д. Горчаковъ, которому извѣстны были достоинства и заслуги Петра Николаевича, нашелъ испрашиваемую Тобольскимъ губернаторомъ Монаршую милость недостаточною, прося графа Орлова исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на награжденіе Свистунова чиномъ коллежскаго регистратора, какъ во вниманіе къ тому, что онъ уже состоитъ на службѣ 9-й годъ и кромѣ отправленія обязанностей по канцеляріи Общаго Губернскаго Управленія, съ 1844 г., состоитъ письмоводителемъ Тобольскаго губернскаго статистическаго комитета и съ 1847 года занимается въ комитетѣ, учрежденномъ для разсмотрѣнія проэкта законоположеній для бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ, такъ и во вниманіе къ безупречному поведенію и желанію загладить прежнія свои преступленія. 17-марта 1849 года графъ Орловъ увѣдомилъ князя Горчакова, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его докладу, Высочайше повелѣть соизволилъ канцелярскаго служителя изъ государственныхъ преступниковъ Свистунова произвести въ коллежскіе регистраторы. По назначеніи въ 1852 году Тобольскимъ губернаторомъ Т. Ф. Прокопьева, заботившагося объ учрежденіи въ Тобольскѣ женскаго учебнаго заведенія, Петръ Николаевичъ былъ ближайшимъ его сотрудникомъ, какъ по разработкѣ устава, такъ и по устройству необходимыхъ приспособленій для предположеннаго къ

открытію заведенія. Когда Тобольская Маріинская школа была открыта, Петръ Николаевичъ завѣдывалъ хозяйственною частью этого заведенія. Получивъ Всемилостивѣйшее помилованіе по манифесту 26 августа 1856 года, Петръ Николаевичъ съ семействомъ своимъ, состоявшимъ изъ жены и двухъ дѣтей, выбылъ въ Россію, оставивъ по себѣ самую лучшую память среди людей, знавшихъ его въ Сибири. За весь пятнадцатилѣтній періодъ времени пребыванія своего на жительствѣ въ Западной Сибири Петръ Николаевичъ аттестовался Тобольскою администраціею, какъ лицо, отличающееся „хорошимъ и примѣрнымъ“ своимъ поведеніемъ.

ГЛАВА XXVII.

Анненковъ.—Водвореніе въ Туринскѣ.—Опредѣленіе на службу.—Семейное положеніе.—Переводъ въ Тобольскъ.—Служебная дѣятельность. Пріѣздъ Тепловой въ Сибирь.—Аттестація въ поведеніи.—Отъѣздъ въ Россію.

Иванъ Александровичъ Анненковъ, поручикъ кавалергардскаго полка, принадлежалъ къ сѣверному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ и, признанный виновнымъ въ участіи въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда отнесенъ былъ къ второму разряду государственныхъ преступниковъ и присужденъ къ политической смерти, по силѣ указа 1753 г. 29 апрѣля, т. е. къ возложенію головы на плаху, а потомъ къ ссылкѣ на вѣчныя каторжныя работы; указомъ, объявленнымъ Верховному уголовному суду 10 іюля 1826 г. по поводу смягченія казней и наказаній, уже опредѣленныхъ для государственныхъ преступниковъ, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 20 лѣтъ, а указомъ, объявленнымъ Правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 15 лѣтъ.

Въ 1836 году Иванъ Александровичъ Всемилостивѣйше освобожденъ былъ отъ каторжныхъ работъ съ обращеніемъ на поселеніе и водворенъ былъ въ селеніи Бѣльскомъ, Иркутскаго округа.

Въ концѣ 1839 года, по Высочайшему повелѣнію, объявленному генералъ-адъютантомъ графомъ Бенкендорфомъ, онъ переведенъ былъ на жительство въ Тобольскую губернію, съ правомъ поступить въ гражданскую службу. Прибывъ въ Тобольскъ, онъ назначенъ былъ, по распоряженію генерала-губернатора Западной Сибири князя П. Д.

Горчакова, въ Туринскъ, гдѣ и опредѣленъ былъ съ 29 ноября 1839 года копіистомъ при Туринскомъ Земскомъ судѣ.

Вмѣстѣ съ Иваномъ Александровичемъ прибыло изъ Восточной Сибири его семейство, состоявшее изъ жены Прасковіи Егоровны, рожденной Гебль (Gueuble), и трехъ малолѣтнихъ дѣтей.—Въ Туринскѣ Анненковы встрѣтили поселенныхъ тамъ государственныхъ преступниковъ Ивашева и Басаргина, но эта семья сосланныхъ товарищей вскорѣ же, по прибытіи Анненковыхъ, сначала понесла утрату въ лицѣ Камиллы Петровны Ивашевой, умершей въ концѣ 1839 года, а затѣмъ умеръ въ слѣдующемъ году Василій Петровичъ Ивашевъ.—На новомъ мѣстѣ поселенія Анненковы вели скромный, семейный образъ жизни, будучи вполнѣ обезпечены тѣми денежными средствами, какія они получали на свое содержаніе изъ Россіи. — Неприглядная жизнь въ Туринскѣ, съ его суровымъ климатомъ, вынудила Ивана Александровича, ходатайствовать о переводѣ въ одну изъ мѣстностей Тобольской губерніи съ лучшими условіями для жизни; ходатайство это было уважено, и въ іюнѣ 1841 года онъ былъ перемѣщенъ на жительство въ Тобольскъ, гдѣ и оставался до времени возвращенія своего въ Россію.

При переводѣ въ Тобольскъ Иванъ Александровичъ, по распоряженію кн. П. Д. Горчакова, причисленъ былъ къ штату Канцеляріи Общаго Губернскаго Управленія, съ зачисленіемъ въ 4-й разрядъ канцелярскихъ служителей, затѣмъ въ 1842 году, по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ повышенъ изъ 4-го въ 3-й разрядъ канцелярскихъ служителей, а 10 сентября 1843 года опредѣленъ былъ къ исправленію должности ревизора поселеній Тобольской экспедиціи о ссыльныхъ. Высочайшимъ приказомъ отъ 24 апрѣля 1848 года произведенъ въ коллежскіе регистраторы а 14 марта 1849 г., по распоряженію князя П. Д. Горчакова, опредѣленъ исправляющимъ должность засѣдателя Тобольскаго приказа о ссыльныхъ; 18 апрѣля 1851 года перемѣщенъ къ исправленію должности засѣдателя въ Тобольскій приказъ Общественнаго призрѣнія.

Вскорѣ по переводѣ въ Тобольскъ, Анненковы пріобрѣли себѣ въ этомъ городѣ помѣстительный деревянный домъ, гдѣ жизнь ихъ, при постоянномъ общеніи, въ кругу обширной семьи декабристовъ, въ то время поселенной въ Тобольскѣ, проходила мирно, въ занятіяхъ по воспитанію своихъ дѣтей.

Одна изъ дочерей Ивана Александровича вышедшая замужъ въ Сибири за Теплова и затѣмъ выѣхавшая съ мужемъ въ Россію, въ 1850 году возбудила ходатайство о дозволеніи ей поѣздки въ Сибирь

для свиданіи съ родителями. Ходатайство это было уважено, и 11 января 1850 года графъ Орловъ увѣдомилъ князя П. Д. Горчакова, что Государь Императоръ по докладу просьбы дочери служащаго въ Тобольскомъ Губернскомъ Правленіи коллежскаго регистратора Анненкова, жены маіора корпуса внутренней стражи Александры Ивановой Тепловой, Всемилостивѣйше изволилъ разрѣшить ей отправиться для свиданія съ своими родственниками въ Тобольскъ, но съ тѣмъ чтобы мѣстное начальство, по прибытіи ея въ Сибирь, имѣло за нею наблюденіе и особенно обратило бы строгое вниманіе, дабы Теплова не входила ни въ какую не дозволенную ей переписку и при отъѣздѣ оттуда не брала бы ни отъ кого никакихъ писемъ.

21 Мая Теплова прибыла въ Тобольскъ съ двумя малолѣтними дѣтьми, гувернанткою и четырьмя крѣпостными; пробывъ въ Тобольскѣ нѣсколько мѣсяцевъ Теплова возвратилась въ Россію.

Во все время пребыванія своего въ Западной Сибири, въ продолженіи 17-ти лѣтъ, Иванъ Александровичъ аттестовался какъ полиціею, подъ надзоромъ которой онъ состоялъ, такъ и Тобольскими губернаторами, какъ лицо, отличающееся „хорошимъ поведеніемъ“.

По воспослѣдованіи Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года Иванъ Александровичъ съ семействомъ своимъ выбылъ въ Россію, оставивъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія въ Тобольскѣ, какъ среди сослуживцевъ, такъ и среди городскихъ жителей, относившихся съ уваженіемъ къ его твердымъ независимымъ убѣжденіямъ и нравственнымъ качествамъ.

ГЛАВА XXVIII.

Князь Щепинъ-Ростовскій.—Поселеніе въ Курганѣ.—Матерьяльное положеніе.—Занятія.—Доносы о противопрепятственномъ его образѣ мыслей.—Аттестація въ поведеніи.—Болѣзнь.—Отъѣздъ въ Россію.

Князь Дмитрій Александровичъ Щепинъ-Ростовскій, лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ, принадлежалъ къ Сѣверному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ и, признанный виновнымъ въ томъ, что лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, которыми предводительствовалъ на пло-

щади съ пролитіемъ крови и съ нанесеніемъ тяжкихъ ранъ генераламъ Шепшину, Фридриксу, полковнику Хвощинскому, одному унтеръ-офицеру и гренадеру, отнесенъ былъ приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда къ первому разряду государственныхъ преступниковъ и присужденъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы; указомъ, объявленнымъ Верховному Уголовному Суду 10-го іюля 1826 г., ему всемилостивѣйше дарована была жизнь, и по лишенію чиновъ и дворянства, онъ опредѣленъ былъ къ ссылкѣ въ вѣчныя каторжныя работы; указомъ, объявленнымъ Правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 20 лѣтъ.

По всемилостивѣйшемъ освобожденіи въ 1839 году отъ каторжныхъ работъ, онъ водворенъ былъ на поселеніе въ селѣ Тасевскомъ, Канскаго округа, Енисейской губерніи, откуда, по Высочайшему повелѣнію, въ 1842 году, переведенъ былъ въ Западную Сибирь и водворенъ въ Курганѣ.—Матеріальное положеніе его на поселеніи было обезпечено тѣми денежными средствами, какія онъ получалъ отъ матери, проживавшей въ имѣніи своемъ, Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи. Опредѣленныхъ занятій, во время 14-ти лѣтней жизни въ Курганѣ, онъ никакихъ не избиралъ, а потому Курганская полиція, представляя вѣдомости о лицахъ состоявшихъ подъ ея надзоромъ, аттестовала его „ничѣмъ особенно незанимающимся“. Только въ вѣдомостяхъ за 1850 годъ онъ показанъ былъ „занимающимся чтеніемъ книгъ“. Праздная жизнь стараго холостяка, которую онъ велъ, и его неровный частью вспыльчивый, несдержанный характеръ, бывшій причиною неоднократныхъ его столкновеній съ чинами мѣстной Курганской полиціи, давали поводъ этой полиціи, а также и Тобольской губернской администраціи аттестовать его не всегда одобрительно въ поведеніи. Эти же столкновенія, по несдержанности характера, какъ съ чинами полиціи, такъ и съ частными лицами, возбуждавшія недоброжелательство къ нему, породили рядъ доносовъ обвинявшихъ его въ противоправительственномъ образѣ мыслей. Въ іюлѣ 1849 года генералъ-губернаторъ Западной Сибири князь Горчаковъ, сообщая Тобольскому губернатору Энгельке о томъ, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ государственный преступникъ Щепинъ-Ростовскій дозволяетъ себѣ иногда отзываться о нашемъ правительствѣ неприличнымъ образомъ, предложилъ сдѣлать распоряженіе объ установленіи за этимъ преступникомъ особаго строгаго надзора съ тѣмъ, чтобы при первомъ случаѣ, когда онъ вздумаетъ порицать распоряженія правительства, ему немедленно было бы донесено. Требуемый генералъ-губернаторомъ надзоръ былъ возложенъ на ту же Курганскую полицію, съ которой

постоянно ссорился и пререкался Д. А., однако эта полиція несмотря на все свое усердіе не могла подтвердить справедливости сдѣланныхъ доносовъ и обнаружить тѣ неприличные отзывы о правительствѣ, въ которыхъ обвинялся поднадзорный. Установленіе особаго надзора повело лишь къ тому, что Д. А. былъ аттестованъ въ поведеніи за первую половину 1850 года какъ Курганскимъ городничимъ, такъ и Тобольскимъ губернаторомъ Энгельке отмѣткою „порядочно“, а также дало поводъ Курганскому городничему принять по отношенію къ поднадзорному нѣкоторыя полицейскія мѣры, стѣснившія его свободу. Эти мѣры стѣсненія и произвольныя дѣйствія городничаго вынудила Д. А. жаловаться Тобольскому губернатору Энгельке, которымъ тогда же и назначено было, чрезъ особо командированное имъ лицо, производство слѣдствія о служебныхъ поступкахъ городничаго. Пока производилось слѣдствіе, Курганскій городничій, за вторую половину 1850 года, аттестовалъ Д. А. отличающимся „неодобрительнымъ поведеніемъ“. Представляя эту аттестацію на Всемилостивѣйшее возрѣніе Энгельке доносилъ, что аттестаціи городничаго довѣрять нельзя, такъ какъ по жалобѣ государственнаго преступника Щепина Ростовскаго производится слѣдствіе о дѣйствіяхъ городничаго, и до окончанія слѣдствія и его разсмотрѣнія „нельзя считать аттестацію достовѣрною“. Оконченное слѣдствіе обнаружило произвольныя дѣйствія городничаго, заключавшіяся въ превышеніи данной ему власти по надзору за государственнымъ преступникомъ, почему ему и сдѣлано было губернаторомъ замѣчаніе. Несмотря на признанную основательность жалобы Д. А. на городничаго, онъ аттестовался въ періодъ времени съ 1851 по 1854 годъ, какъ городничимъ, такъ и Тобольскими губернаторами сначала „лицомъ не совсѣмъ спокойнаго характера“, а потомъ „лицомъ, въ поведеніи котораго ничего предосудительнаго не замѣчено“. Только съ 1854 года до выбытія изъ Сибири аттестація администраціи въ поведеніи была объ немъ хорошая. Въ послѣдніе годы жизни своей въ Курганѣ Д. А. пораженъ былъ нервнымъ ударомъ, подвергаясь постояннымъ заболѣваніямъ.

По воспослѣдованіи Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года, Дмитрій Александровичъ, 58 лѣтъ, выбылъ изъ Сибири въ Россію.

ГЛАВА XXIX.

Повало-Швейковскій.—Поселеніе въ Курганѣ.—Матеріальное положеніе.—Покупка дома.—Занятія.—Смерть.—Опись оставшагося имущества.—Завѣщаніе.

Иванъ Семеновичъ Повало-Швейковскій, Саратовскаго пѣхотнаго полка полковникъ, принадлежалъ къ Южному обществу, сужденъ былъ

Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ и, признанный виновнымъ въ участіи въ умыслѣ на лишеніе свободы покойнаго Государя Императора въ Бобруйскѣ и при Бѣлой Церкви, а нынѣ царствующаго Государя Императора въ Бобруйскѣ, въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство, въ участіи въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ одного товарища, приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда отнесенъ былъ къ первому разряду государственныхъ преступниковъ съ осужденіемъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы; указомъ, даннымъ Верховному Уголовному Суду 10-го іюля 1826 года по поводу смягченія казней и наказаній опредѣленныхъ государственнымъ преступникамъ, ему всемилостивѣйше дарована была жизнь и по лишенію чиновъ и дворянства опредѣлена ссылка въ вѣчныя каторжныя работы. Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 20 лѣтъ съ обращеніемъ потомъ на поселеніе въ Сибири.

По Всемилостивѣйшему освобожденію въ 1839 году отъ каторжныхъ работъ, онъ водворенъ былъ на поселеніе въ Восточной Сибири, гдѣ оставался лишь нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ переведенъ былъ, согласно возбужденному имъ ходатайству, на поселеніе въ г. Курганъ,— куда и прибылъ 9-го февраля 1840 года.

Получая денежныя пособія отъ матери, проживавшей въ имѣніи своемъ въ Смоленской губерніи, онъ во все время жизни на поселеніи былъ матеріально достаточно обезпеченъ. Въ скоромъ времени, по прибытіи въ Курганъ, получивъ отъ матери денежную сумму, необходимую для устройства домообзаводства, онъ пріобрѣлъ довольно обширный домъ, истративъ, съ разрѣшенія мѣстной администраціи, какъ на покупку дома, такъ и на устройство хозяйства, около 2000 руб. ассигнаціями.

Во время пятилѣтняго пребыванія въ Курганѣ, онъ велъ жизнь весьма скромную, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ, и по вѣдомостямъ о лицахъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи, представлявшихся Тобольскою администраціею на Высочайшее благоусмотрѣніе, показывался „ничѣмъ незанимающимся“. Въ послѣднее время жизни на поселеніи, въ 1844 и 1845 годахъ, онъ постоянно находился въ болѣзненномъ состояніи, и эта болѣзнь свела его въ могилу.

Иванъ Семеновичъ умеръ 10 мая 1845 года 56 лѣтъ. Въ день смерти все оставшееся послѣ него имущество приведено было въ извѣстность Курганскимъ городничимъ и окружнымъ стряпчимъ, при понятыхъ, съ составленіемъ описи и оцѣнкою присяжными оцѣнщи-

ками, въ 746 руб. 41½ коп. Въ составъ этого имущества входили: 1) деревянный домъ въ два этажа крытый тесомъ, оцѣненный въ 300 руб. (Въ верхнемъ этажѣ дома 4 комнаты съ корридоромъ и въ нижнемъ одна комната съ сѣнями и кладовой). 2) Деревянный флигель, крытый тесомъ оцѣненный въ 150 руб.; 3) баня—14 руб. 28½ к. 4) Три амбара—50 руб. 5) Разное движимое имущество по оцѣнкѣ на сумму 222 руб. 13 коп.

Тобольскій губернаторъ Энгельке, представляя генералъ-губернатору Западной Сибири кн. Горчакову, опись имущества доносилъ, что къ Швейковскому предъявлено долгу разными лицами, безъ документовъ, на сумму 700 руб. ассигнаціями, и сверхъ того онъ остался долженъ товарищу своему, государственному преступнику Басаргину, по роспискѣ 200 р. серебромъ. Денегъ же наличныхъ осталось послѣ смерти Швейковскаго всего 205 руб. ассигнаціями, изъ которыхъ 200 р. выданы были ему Курганскимъ городничимъ изъ своей собственности за нѣсколько дней до кончины, въ счетъ слѣдовавшей платы за наемъ дома его подъ помѣщеніе Курганскаго окружнаго суда.

Иванъ Семеновичъ, желая вознаградить лицо, которое ухаживало за нимъ во все время долговременной его болѣзни, оставилъ завѣщаніе, которымъ отказывалъ флигель дома своего въ Курганѣ и часть движимаго имущества вдовѣ Аннѣ Даниловой Казенковой, прося въ завѣщаніи своихъ родственниковъ, товарищей и вообще тѣхъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть исполнить послѣднюю его волю, не оставить безъ вознагражденія изъ его имущества трудовъ и преданности Казенковой.

Это завѣщаніе препровождено было княземъ Горчаковымъ графу Орлову, для указанія въ какой мѣрѣ можетъ быть выполнена воля завѣщателя. 27 іюля 1845 года графъ Орловъ увѣдомилъ князя, что онъ находитъ возможнымъ, согласно послѣдней волѣ Швейковскаго, отдать завѣщанное имущество Казенковой, принадлежащій же Швейковскому домъ продать и изъ вырученныхъ денегъ уплатить долги покойнаго, если вырученныхъ денегъ для уплаты долговъ окажется недостаточно, то обязать Казенкову доплатить, а въ случаѣ остатка суммъ отъ продажи дома, по удовлетвореніи кредиторовъ Швейковскаго, обратить остатокъ въ Тобольскій приказъ общественнаго призрѣнія.

Согласно указаніямъ графа Орлова, по продажѣ дома, удовлетворены были всѣ долги Ивана Семеновича, а завѣщенное имущество передано во владѣніе Казенковой.

За время пятилѣтняго пребыванія въ Курганѣ Иванъ Семеновичъ аттестовался въ поведеніи „весьма хорошо“, какъ Курганскою полиціею, такъ и Тобольскимъ губернаторомъ Энгельке.

ГЛАВА XXX.

Князь Барятинскій.—Поселеніе въ Тобольскѣ.—Болѣзнь.—Стѣсненное матеріальное положеніе.—Письмо его къ князю П. Д. Горчакову.—Смерть.—Могила его въ Тобольскѣ.—Опись оставшагося по смерти его имущества.—Признаніе имущества выморочнымъ.

Князь Александръ Петровичъ Барятинскій, штабъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею, принадлежалъ къ южному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ и, признанный виновнымъ въ томъ, что умышлялъ на цареубійство съ назначеніемъ лица къ совершенію онаго, участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространить его принятіемъ членовъ и порученій и зналъ о приготовленіи къ мятежу, приговоромъ Верховнаго Уголовнаго суда отнесенъ былъ къ первому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ смертной казни, отсѣченіемъ головы; указомъ, объявленнымъ Верховному Уголовному суду 10 іюля 1826 года, ему Всемилостивѣйше дарована была жизнь и опредѣлена ссылка въ вѣчныя каторжныя работы; указомъ, объявленнымъ Правительствующему Сенату 22-го августа 1826 г. по поводу смягченія наказанія государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ въ каторжную работу и на поселеніе, онъ оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 20 лѣтъ съ обращеніемъ потомъ на поселеніе въ Сибири.

4-го августа 1839 года генералъ-губернаторъ Западной Сибири кн. Горчаковъ увѣдомилъ Тобольскаго губернатора Ладыженскаго, что по случаю приближенія окончанія срока содержанія въ каторжныхъ работахъ государственныхъ преступниковъ, сужденныхъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ назначить, изъ числа преступниковъ, Александра Барятинскаго къ водворенію въ городъ Тобольскъ.

Александръ Петровичъ прибылъ въ Тобольскъ въ началѣ 1840 года. Во время кратковременнаго пребыванія своего въ Тобольскѣ онъ велъ совершенно скромный образъ жизни, будучи стѣсненъ въ матеріальныхъ средствахъ, получая отъ сестры своей, изъ Россіи, только по 500 руб. ассигнаціями въ годъ. Потерянное здоровье и пріобрѣтенные имъ въ Сибирѣ болѣзненные недуги, требовавшіе постояннаго леченія и лишнихъ расходовъ, еще болѣе ухудшали тяжелое его положеніе.

Лѣтомъ 1844 года болѣзнь усилилась, онъ совершенно потерялъ голосъ и, за неимѣніемъ средствъ не только для лѣченія на дому, но

и къ содержанію своему, вынужденъ былъ помѣститься въ Тобольскую больницу приказа общественнаго призрѣнія.

Бѣдственное его положеніе совершенно выясняется письмомъ къ генералъ-губернатору Западной Сибири кн. Горчакову, которое писалъ онъ изъ Тобольской больницы, за нѣсколько дней до своей смерти:

„Болѣзненное мое состояніе препятствовало мнѣ имѣть честь явиться къ вашему сіятельству во время вашего пребыванія въ Тобольскѣ: совершенное лишеніе голоса дѣлаетъ меня неудобопонятнымъ для тѣхъ, которые не привыкли къ сему недостатку, и потому я опасался быть въ тягость моимъ присутствіемъ. Даже теперь я не осмѣлился бы безпокоить письменно ваше сіятельство, если бы имѣлъ какой либо другой способъ къ удовлетворенію всепокорнѣйшей моей къ вамъ просьбы, получивъ предварительно отказъ отъ г-на управляющаго Тобольскою губерніею, къ которому я обращался по сему предмету.

„Бывши, временно, въ самомъ затруднительномъ и стѣсненномъ положеніи, по болѣзненному своему состоянію и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ, изложеніе коихъ было бы здѣсь неумѣстно, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше сіятельство удостоить разрѣшеніемъ и приказаніемъ выдать мнѣ заимообразно, изъ какой-нибудь казенной суммы, двѣсти руб. ассигнаціями, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ остаться не выплаченными, такъ какъ они будутъ вычтены изъ тѣхъ пяти сотъ рублей, которые сестра всегда, ежегодно, высылаетъ мнѣ въ началѣ года, или замѣните въ случаѣ неприсылки, слѣдующимъ мнѣ двухсотъ рублевымъ казеннымъ пособіемъ“.

На этомъ письмѣ наложена была резолюція кн. Горчаковымъ: „дать изъ экстраординарной сумы заимообразно“.—Согласно резолюціи князя просимыя Александромъ Петровичемъ деньги отосланы были къ Тобольскому губернатору для выдачи ихъ по назначенію, но выдача эта не состоялась, и деньги возвращены были въ экстраординарныя суммы Главнаго Управленія Западной Сибири, такъ какъ присланы были въ Тобольскъ, когда Александръ Петровичъ уже находился въ безнадежномъ состояніи.

19 августа 1844 года Александръ Петровичъ умеръ, о смерти его управлявшимъ Тобольскою губерніею, предсѣдателемъ Губернскаго Правленія Владиміровымъ, всеподданнѣйше донесено было Его Императорскому Величеству.

Похороненъ Александръ Петровичъ на Тобольскомъ Завальномъ Городскомъ кладбищѣ, недалеко отъ кладбищенской церкви Семи Отро-

ковъ, на могилѣ его покоится чугунная плита съ слѣдующею на ней надписью:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь".

„Сынъ князя П. А. Барятинскаго скончался 46 лѣтъ 1844 года августа 19. Друзья и товарищи изгнанія проводили его тѣло до дверей вѣчности и поручили его душу вѣчной благости Искупителя".

По смерти Барятинскаго, оставшееся отъ него имущество было описано съ оцѣнкою квартальнымъ надзирателемъ и присяжными оцѣнщиками. Опись имущества вполнѣ обрисовываетъ ту бѣдную, нищенскую, обстановку, при которой онъ жилъ на поселеніи въ Тобольскѣ:

ЗВАНІЕ ВЕЩЕЙ.	Оцѣнка ихъ на серебро. Рубли.	Коп.
1. Простая бѣлая деревянная кровать	—	15
2. Два угольныхъ столика (одинъ изломанъ)	—	30
3. Крашеный столъ	—	15
4. Крашеный шкафъ	—	30
5. Песочница деревянная	—	10
6. Крашенное деревянное судно	—	20
7. Матрасъ	—	60
8. Яга оленья, подбитая фланелью	1	50
9. Суконный жилетъ	—	30
10. Рубашка холстинковая	—	30
11. Двѣ пары носковъ	—	10
12. Одна пара сапогъ	—	50
13. Одна пара валенокъ	—	5
14. Кожаная подушка	—	50
15. Черная косынка	—	10
16. Мѣдный тазъ	—	50
17. Старый коверъ	—	30
18. Два подсвѣчника	—	30
19. Двѣ желѣзныхъ кострюли	—	40
20. Хрустальная кружка	—	30
21. Латокъ для сухарей	—	20
22. Латокъ для щипцовъ	—	10
23. Грифельная доска	—	30
24. Замокъ	—	35
25. Зонтикъ	—	50
26. Желѣзный ковшъ	—	10
27. Ухватъ и сковородникъ	—	10

Книги:

28. Курсъ математики Франкера на французскомъ языкѣ 2 тома	1	50
29. Лекціи, Алгебра гилескаго и процентнаго Остроградскаго, 2 тома		
30. Логорифмы Каллета на французскомъ языкѣ.		
31. Курсъ математики Лакруа на французскомъ языкѣ 9 частей	—	3
32. Метода для изученія греческаго языка.....	—	20
33. Карманный лексикопъ латино-французскій...	—	30
34. О произношеніи греческаго языка (на французскомъ).....	—	20
35. Сталлографія.....	—	10
36. Теорія грамматики греческаго языка.....	—	10
Всего имущества на сумму....	11	3

Все описанное имущество было принято на храненіе, впредь до особаго о немъ распоряженія, Павломъ Сергѣевичемъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ.

Получивъ отъ Тобольскаго полицеймейстера опись съ оцѣнкою имущества, оставшагося послѣ смерти Барятинскаго, Тобольское губернское правленіе просило Тобольскаго губернатора разъяснить правленію о томъ, какъ должно поступить съ оставшимся имуществомъ отъ умерщаго государственнаго преступника. Возбужденный Губернскимъ Правленіемъ вопросъ внесенъ былъ губернаторомъ для обсужденія въ Тобольскій губернскій совѣтъ, который журнальнымъ своимъ постановленіемъ отъ $^{27}/_{29}$ ноября 1844 года призналъ необходимымъ прежде всего выяснить: — должно ли считать государственнаго преступника Барятинскаго въ разрядѣ простыхъ поселенцевъ, имѣнія которыхъ, остающіяся послѣ ихъ смерти, обращаются на основаніи дѣйствующихъ законоположеній по уставу о ссыльныхъ (1715 ст. 14 т.), въ экономическій капиталъ о ссыльныхъ по той губерніи гдѣ состоятъ тѣ поселенцы на причисленіи, или же должно считать Барятинскаго исключеннымъ изъ каторжныхъ работъ и водвореннымъ на жительство въ г. Тобольскъ по Высочайшему повелѣнію и слѣдовательно не принадлежащимъ къ общему разряду ссыльныхъ, имѣнія которыхъ, по ненахожденію въ Сибири у нихъ родственниковъ, на основаніи законовъ гражданскихъ (979, 980, 981 и 1003 ст. 10 т. св. зак.), признается выморочнымъ и составляетъ собственность казны.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири кн. Горчаковъ, на усмотрѣніе котораго представленъ былъ журналъ Тобольскаго губернскаго совѣта, не находя въ существующихъ законоположеніяхъ о государственныхъ преступникахъ точныхъ указаній и разъясненій о томъ, какъ слѣдуетъ поступить съ оставшимся отъ нихъ имуществомъ, просилъ министра внутреннихъ дѣлъ увѣдомить его, какъ должно поступить съ имуществомъ, оставшимся послѣ смерти Барятинскаго.

19-го февраля 1845 года Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Перовскій увѣдомилъ кн. Горчакова, что, по соглашенію его съ генералъ адъютантомъ графомъ Орловымъ, оставшееся отъ Барятинскаго имущество, оцѣненное въ 11 р. 3 коп. слѣдуетъ признать выморочнымъ.

На основаніи данныхъ указаній Тобольскою администраціею произведена была продажа имущества, оставшагося послѣ смерти Барятинскаго, и вырученныя отъ продажи деньги поступили въ доходъ казны.

За пятилѣтнее пребыванія своего на жительствѣ въ Тобольскѣ Александръ Петровичъ аттестовался какъ полиціею, такъ и Тобольскими губернаторами лицомъ, отличающимся „хорошимъ и скромнымъ поведеніемъ“.

ГЛАВА XXXI.

Пущинъ.—Поселеніе въ Туринскѣ.—Переводъ въ Ялуторовскъ.—Матеріальное положеніе.—Занатія.—Болѣзнь.—Поѣздка на Туркинскія минеральныя воды.—Аттестація въ поведеніи.—Отъѣздъ въ Россію.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ, коллежскій асессоръ, принадлежалъ къ сѣверному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ и, признанный виновнымъ въ участіи въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго, въ участіи управленіемъ общества, въ принятіи членовъ и въ отдачѣ порученій, и наконецъ въ томъ, что лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ, приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда отнесенъ былъ къ первому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы; указомъ, даннымъ Верховному Уголовному суду 10-го іюля 1826 года, Всемилостивѣйше освобожденъ отъ смертной казни и по лишенію чиновъ и дворянства сосланъ на вѣчныя каторжныя работы; указомъ, объявленнымъ правительствующему Сенату 22-го августа 1826 года оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 20 лѣтъ, а затѣмъ на поселеніе въ Сибири.

По Всемилостивѣйшемъ освобожденіи отъ каторжныхъ работъ онъ водворенъ былъ на поселеніе въ Западную Сибирь 9-го октября 1839 года. Сначала мѣстомъ его водворенія былъ г. Туринскъ и затѣмъ съ 19 іюля 1843 года города Ялуторовскъ. Матерьяльная жизнь его на поселеніи была совершенно обезпечена тѣми денежными пособіями, какія онъ получалъ отъ родственниковъ своихъ изъ Россіи.

Во время четырехлѣтняго пребыванія въ Туринскѣ, какъ доносилъ Туринскій Городничій и какъ показывали Тобольскіе губернаторы въ вѣдомостяхъ о лицахъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, Пущинъ „кромѣ чтенія книгъ ничѣмъ не занимался". По переводѣ же въ Ялуторовскъ, по донесеніямъ мѣстной администраціи, онъ кромѣ чтенія книгъ занимался хозяйствомъ. Первые годы пребыванія въ Ялуторовскѣ Иванъ Ивановичъ жилъ вмѣстѣ съ Е. П. Оболенскимъ, занимая просторный домъ купца Бронникова, но когда Е. П. женился, то И. И. поселился одинъ на квартирѣ. Климатическія условія Сибири вредно дѣйствовали на его здоровье, почему, находясь еще на водвореніи въ Туринскѣ и будучи подверженъ частымъ заболѣваніямъ онъ ходатайствовалъ о переводѣ въ Ялуторовскъ, въ мѣстность съ лучшими условіями для жизни, но и по состоявшемся переводѣ здоровье его не улучшилось, почему, съ разрѣшенія генералъ-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, онъ ѣздилъ изъ Ялуторовска въ Тобольскъ для совѣта съ медиками. Не получая облегченія, онъ въ началѣ 1849 года возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи ему поѣздки для лѣченія на Туркинскія минеральныя воды, а потому писалъ кн. П. Д. Горчакову: „Въ надеждѣ на снисхожденіе Вашего Сіятельства прямо къ Вамъ „обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою; знаю, что слѣдовало бы про„сить по начальству; но какъ дѣло идетъ о здоровьѣ, которое не тер„питъ промедленія, то увѣренъ, что Вы простите больному человѣку „это невольное отклоненіе отъ формы и благосклонно взглянете на „его просьбу. Вашему Сіятельству извѣстно, что съ 1840 года я под„верженъ сильнымъ хроническимъ припадкамъ, отъ которыхъ съ Ва„шего разрѣшенія ѣздилъ лѣчиться въ Тобольскъ, тогда я получилъ „облегченіе, но болѣзнь не прошла. Съ прошлаго года она снова раз„вилась, а прежнія средства уже не помогаютъ. По мнѣнію медиковъ, „одна надежда—на Туркинскія воды за Байкаломъ. Въ проѣздъ Ва„шего Сіятельства черезъ Ялуторовскъ я не могъ лично просить Васъ „объ этомъ—болѣзнь не позволила мнѣ представиться".

Въ мартѣ 1849 года графъ Орловъ, на усмотрѣніе котораго представлено было ходатайство, увѣдомилъ кн. Горчакова что онъ находитъ возможнымъ назначеннаго въ Ялуторовскъ Пущина временно

перемѣстить въ Иркутскъ для лѣченія на водахъ. Тобольскій губернаторъ Энгельке, которому кн. Горчаковъ сообщилъ къ исполненію отзывъ графа Орлова, въ началѣ 1849 года донесъ Главному Управленію Западной Сибири, „что онъ вытребовалъ Пущина изъ Ялуторовска въ Тобольскъ“, а теперь испрашиваетъ разрѣшенія о томъ, слѣдуетъ ли Пущина, отправляемаго подъ надзоромъ конвоира, доставить въ Иркутскъ на счетъ казны или же всѣ расходы по отправленію отнести на счетъ самого Пущина, какъ перемѣщаемаго въ Восточную Сибирь по собственному его желанію. Съ разрѣшенія кн. Горчакова, всѣ расходы по поѣздкѣ Пущина въ Иркутскъ и обратно отнесены были на счетъ казны. Отправившись въ Иркутскъ въ началѣ іюня 1849 года, Иванъ Ивановичъ Ивановичъ возвратился въ Ялуторовскъ въ декабрѣ этого же года.

За время 16-ти лѣтняго своего пребыванія на поселеніи въ Западной Сибири Иванъ Ивановичъ аттестовался, какъ полиціею, такъ и Тобольскими губернаторами лицомъ, отличающимся „хорошимъ поведеніемъ“.

По воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года, Иванъ Ивановичъ выбылъ изъ Сибири въ Россію.

ГЛАВА XXXII.

Бобрищевы-Пушкины.—Поселеніе въ Тобольскѣ.—Болѣзнь Николая Сергѣевича.—Пособія отъ казны.—Занятія Павла Сергѣевича.—Аттестація въ поведеніи.—Высочайшее соизволеніе на возвращеніе на родину. Письма Павла Сергѣевича къ генералу-губернатору Западной Сибири Гасфорду.—Добрая память о Павлѣ Сергѣевичѣ въ Сибири.

Николай и Павелъ Сергѣевичи Бобрищевы Пушкины, поручики квартирмейстерской части принадлежали къ Южному Обществу, суждены были Верховнымъ уголовнымъ судомъ, причемъ Высочайше утвержденнымъ приговоромъ суда Николай Сергѣевичъ признанный виновнымъ въ участіи въ умыслѣ бунта, принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля, отнесенъ былъ къ восьмому разряду государственныхъ преступниковъ съ осужденіемъ къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе, а Павелъ Сергѣевичъ, признанный виновнымъ въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство и въ участіи въ умыслѣ бунта, принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля и въ привлеченіи въ тайное общество одного члена, отнесенъ былъ приговоромъ Верховнаго уголовнаго суда къ четвертому разряду государственныхъ пре-

ступниковъ съ осужденіемъ къ временной ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе. Указомъ, объявленнымъ Верховному уголовному суду 10 іюля 1826 года Павелъ Сергѣевичъ, въ числѣ другихъ государственныхъ преступниковъ, принадлежавшихъ къ 4-му разряду, по лишенію чиновъ, дворянства, сосланъ въ каторжныя работы на 12 лѣтъ, а потомъ на поселеніе. Указомъ, объявленнымъ правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, по поводу смягченія наказанія государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ въ каторжныя работы и на поселеніе, Николай Сергѣевичъ оставленъ былъ на поселеніи на 20 лѣтъ и Павелъ Сергѣевичъ оставленъ былъ въ каторжныхъ работахъ на 8 лѣтъ, съ обращеніемъ потомъ на поселеніе въ Сибири.

Николай Сергѣевичъ, сосланный на поселеніе въ заштатный городъ Туруханскъ Енисейской губерніи и находясь тамъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для жизни, совершенно одинокимъ, претерпѣвая постоянную нужду въ матеріальныхъ средствахъ, не вынесъ этой дальней, суровой ссылки и сошелъ съ ума. По болѣзненному состоянію и совершенно безпомощному положенію, за неимѣніемъ въ Туруханскѣ никакихъ медицинскихъ пособій, онъ переведенъ былъ въ Красноярскъ, гдѣ нѣкоторые время содержался въ больницѣ Приказа Общественнаго Призрѣнія, такъ какъ буйные припадки душевной болѣзни, которою онъ страдалъ, приводившія его въ изступленіе, дѣлали его опаснымъ для окружавшихъ. Въ скоромъ времени, по переводѣ Николая Сергѣевича въ Красноярскъ, окончился срокъ содержанія въ каторжныхъ работахъ Павла Сергѣевича, который сначала водворенъ былъ на поселеніе въ Иркутскую губернію, а затѣмъ переведенъ былъ въ Красноярскъ для совмѣстнаго жительства съ своимъ больнымъ старшимъ брѣтомъ.—Въ концѣ 1839 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе о переводѣ обоихъ братьевъ Бобрищевыхъ—Пушкиныхъ изъ Красноярска въ Тобольскъ, куда они и прибыли 14 февраля 1840 года.

По прибытіи въ Тобольскъ братья сначала жили вмѣстѣ, но затѣмъ буйные припадки, которыми страдалъ Николай Сергѣевичъ, вынудили Павла Сергѣевача помѣстить брата на квартирѣ одного, подъ бдительнымъ надзоромъ ухаживавшей за нимъ прислуги.

Павелъ Сергѣевичъ, оставивъ брата переселился въ домъ П. Н. Свистунова, предложившаго ему въ своемъ обширномъ помѣщеніи одну комнату.—Бобрищевы-Пушкины, не имѣя никакихъ матеріальныхъ средствъ, не получая изъ Россіи никакого денежнаго пособія, отъ родственниковъ, находились въ большой нуждѣ, а потому со вре-

мени же ихъ прибытія въ Тобольскъ, имъ назначено было пособіе отъ казны по 57 руб. 14²/₇ к. сереб. въ годъ каждому.

Затѣмъ когда послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ отъ 6 февраля 1845 года, разрѣшавшее выдачу пособія государственнымъ преступникамъ до 114 р. 28⁴/₇ к. въ годъ, то Николаю Сергѣевичу, какъ находившемуся въ болѣзненномъ состояніи и наиболѣе нуждавшемуся въ матеріальномъ содѣйствіи, по распоряженію мѣстной администраціи, съ 1845 года до времени вызѣда въ Россію, выдавалось пособіе въ высшемъ размѣрѣ.

Павелъ Сергѣевичъ велъ въ Тобольскѣ жизнь весьма скромную и хотя, въ вѣдомостяхъ о лицахъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи, мѣстною администраціею отмѣчался лицомъ, „ничѣмъ не занимающимся“, но на самомъ дѣлѣ, кромѣ чтенія книгъ, преимущественно духовнаго содержанія, занимался изученіемъ гемеопатіи и безвозмезднымъ лѣченіемъ гомеопатическими средствами бѣднаго населенія. Въ особенности обширна была его дѣятельность въ 1848 году, когда свирѣпствовала въ Тобольскѣ холера, онъ, въ періодъ наибольшаго развитія эпидеміи, съ самоотверженіемъ, оказывалъ бѣдному, безпомощному населенію пособія какъ медицинскими средствами, такъ и уходомъ за трудно больными. Эта гуманная дѣятельность на пользу ближняго привлекала общія симпатіи къ нему, и Тобольская администрація не ставила препятствій къ развитію избранной имъ дѣятельности.

Въ послѣдніе годы жизни своей въ Тобольскѣ Павелъ Сергѣевичъ жаловался на разные болѣзненные недуги и затѣмъ сталъ терять зрѣніе. Буйные припадки, которыми страдалъ Николай Сергѣевичъ уступили мѣсто тихому меланхолическому состоянію и затѣмъ тихой мономаніи. Въ продолженіе 17-ти лѣтняго пребыванія на поселеніи въ Тобольскѣ, Николай Сергѣевичъ, несмотря на полное разстройство умственныхъ способностей, состоялъ подъ надзоромъ полиціи наравнѣ съ прочими государственными преступниками, и аттестовался въ вѣдомостяхъ отмѣтками: „поведенія хорошаго, сколько помѣшательство ума дозволяетъ“,—или же: „находится въ помѣшательствѣ ума“.

Павелъ Сергѣевичъ аттестовался какъ полиціею, такъ и Тобольскими губернаторами лицомъ, отличающимся очень хорошимъ поведеніемъ.

16 января 1856 года Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Ланской увѣдомилъ генерала-губернатора Западной Сибири Гасфорда, что по Всеподданнѣйшему докладу генералъ-адъютанта графа Орлова о находящихся въ Тобольскѣ государственныхъ преступникахъ Николаѣ и Павлѣ Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ, изъ которыхъ первый страдаетъ

разстройствомъ разсудка, а послѣдній, при болѣзненномъ положеніи, лишенъ почти зрѣнія, — Государь Императоръ изволилъ Всемилостивѣйше разрѣшить имъ возвратиться, согласно просьбы сестры ихъ, помѣщицы Тульской губерніи Маріи Бобрищевой-Пушкиной, къ ней на родину, съ тѣмъ однако, чтобы Бобрищевы-Пушкины, въ Тульской губерніи подвергнуты были строгому надзору мѣстнаго начальства.

Во исполненіе послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія, 1-го марта 1856 года Бобрищевы-Пушкины высланы были изъ Тобольска на мѣсто родины подъ конвоемъ двухъ казаковъ.

Въ день отъѣзда своего изъ Тобольска Павелъ Сергѣевичъ писалъ генералу-губернатору Западной Сибири Гасфорду: „по Высочайшей милости, возвращаясь вмѣстѣ съ больнымъ моимъ братомъ на родину, въ имѣніе родной сестры моей помѣщицы Тульской губерніи, прежде всего осмѣливаюсь принести вашему высокопревосходительству мою нижайшую и глубочайшую благодарность за время проведенное нами въ г. Тобольскѣ подъ снисходительнымъ начальствомъ и покровительствомъ вашимъ. Ваши одобренія ко мнѣ были одною изъ полномочныхъ причинъ, для доставленія намъ радостной надежды обнять вскорѣ родную семью нашу. Но при этомъ одно обстоятельство меня озабочиваетъ и вынуждаетъ безпокоить ваше высокопревосходительство моею всепокорнѣйшею просьбою: вамъ извѣстно, что мы оба, по недостаточности нашего состоянія, каждогодно пользовались казеннымъ пособіемъ и въ 1840 году, переведенные по Высочайшей же милости изъ г. Красноярска въ г. Тобольскъ, перевезены были, безъ особой съ нашей стороны просьбы на выданные намъ казенные прогоны, безъ возврата. Возлагаю и теперь на милостивое благорасположеніе вашего высокопревосходительства, что и въ этотъ разъ ассигнованные на проѣздъ нашъ до г. Тулы, казенные прогоны не будутъ съ насъ взыскиваться обратно, по примѣру прежняго перевода нашего“.

Тобольскій губернаторъ В. А. Арцымовичъ, донося генералу Гасфорду объ отправленіи Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ, которымъ Тобольскою казеною палатою выданы были прогонныя деньги на проѣздъ отъ Тобольска до Тулы, спрашивалъ генерала-губернатора о томъ слѣдуетъ ли всѣ расходы, понесенные казною на отправленіе Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ, за охраною двухъ казаковъ возмѣстить взысканіемъ съ ихъ имущества, подобно тому, какъ при возвращеніи Фонъ-Визина, по просьбѣ брата его, взысканы были съ имущества сего послѣдняго, какъ богатаго помѣщика, всѣ путевые издержки, употребленные по препровожденію Фонъ-Визина изъ Тобольска въ Москву.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на разрѣшніе котораго представленъ былъ генералъ-губернаторомъ Гасфордомъ вопросъ о порядкѣ возмѣщенія расходовъ казны при переводѣ государственныхъ преступниковъ, по просьбамъ ихъ родственниковъ, въ предѣлы Россіи, увѣдомилъ генерала Гасфорда, что такъ какъ государственные преступники подходятъ подъ одну категорію съ политическими, пересылка которыхъ по смыслу 10 пункта, Высочайше утвержденныхъ 10-го января 1854 года правилъ, производимая по просьбамъ ихъ самихъ или ихъ родственниковъ, а не по усмотрѣнію правительства, относится на счетъ ихъ собственныхъ средствъ, то и деньги издержанныя на отправленіе государственныхъ преступниковъ Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ должны быть взысканы съ сестры ихъ, по просьбѣ которой Всемилостивѣйше дозволено ихъ возвращеніе на родину. Только Всемилостивѣйшее соизволеніе избавило Марію Сергѣевну отъ взысканія съ нея денегъ израсходованныхъ на препровожденіе ея братьевъ. Въ концѣ 1856 года Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу просьбы Бобрищевой-Пушкиной Высочайше соизволилъ освободить просительницу отъ взысканія съ нея денегъ, издержанныхъ на пересылку братьевъ ея изъ Сибири на родину.

Покинувъ Сибирь, Павелъ Сергѣевичъ, оставилъ по себѣ среди населенія самыя лучшія, благодарныя воспоминанія.

ГЛАВА XXXIII.

Князь Оболенскій.—Поселеніе въ Туринскѣ.—Переводъ въ Ялуторовскъ.—Матеріальное положеніе.—Женитьба.—Занятія.—Аттестація въ поведеніи.—Письмо его къ князю Сергѣю Петровичу Трубецкому.—Отъѣздъ въ Россію.

Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, поручикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, старшій адъютантъ командующаго всею пѣхотою гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанта Бистрона 1-го, принадлежалъ къ Сѣверному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ и признанъ виновнымъ: 1) въ участіи въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; 2) въ установленіи, по разрушеніи „союза благоденствія“ вмѣстѣ съ другими „Тайнаго сѣвернаго общества“; 3) въ управленіи обществомъ и въ принятіи на себя пріуготовленія сочиненія для развитія цѣли общества; 4) въ приготовленіи главныхъ средствъ къ мятежу; 5) въ личномъ дѣйствіи съ оружіемъ и съ пролитіемъ крови, ранивъ шты-

комъ графа Милорадовича; 6) въ возбужденіи другихъ и въ принятіи на себя въ мятежѣ начальства; за учиненныя преступленія приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда отнесенъ былъ къ первому разряду государственныхъ преступниковъ съ осужденіемъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы; указомъ, объявленнымъ Верховному Уголовному Суду 10-го іюля 1826 г., Всемилостивѣйше избавленъ отъ смертной казни и опредѣленъ, по лишенію чиновъ и дворянства, въ вѣчныя каторжныя работы; указомъ, объявленнымъ Правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 20 лѣтъ, съ обращеніемъ потомъ на поселеніе въ сибири.

По Всемилостивѣйшемъ освобожденіи въ 1839 году отъ каторжныхъ работъ онъ былъ водворенъ на поселеніе въ Иркутской губерніи а затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, переведенъ, 27 февраля 1842 года, въ Западную Сибирь и водворенъ въ городѣ Туринскѣ. За переводомъ изъ Туринска Анненкова въ Тобольскъ, Пущина въ Ялуторовскъ и Басаргина въ Курганъ, онъ сталъ ходатайствовать о переводѣ и его въ одинъ изъ городовъ, расположенныхъ въ южной части Тобольской губерніи. Это ходатайство было уважено, и съ Высочайшаго соизволенія, 19 іюля 1843 г., онъ переведенъ былъ въ Ялуторовскъ, гдѣ и поселился на одной квартирѣ съ Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ.

Матеріальная его жизнь на поселеніи была вполнѣ обезпечена тѣми денежными средствами, какія онъ получалъ изъ Россіи отъ своихъ родственниковъ. 11-го октября 1845 года Тобольскій губернаторъ Энгельке донесъ генералъ-губернатору Западной Сибири кн. Горчакову, что находящійся въ Ялуторовскѣ государственный преступникъ Оболенскій предъявилъ ему письменное желаніе вступить въ законный бракъ съ вольноотпущенною изъ рабства чиновникомъ Блохинымъ и причисленною въ мѣщанское званіе, дѣвицею Варварою Барановою, при этомъ Энгельке сообщилъ, „что о поведеніи Барановой городни„чій Ялуторовскій ничего не можетъ сказать особеннаго: оно должно „быть болѣе извѣстно самому Оболенскому, по той причинѣ, что Ба„ранова долгое время находилась у него и товарища его Пущина, „вмѣстѣ съ нимъ живущаго, въ горничныхъ".

Это ходатайство Евгенія Петровича сообщено было княземъ Горчаковымъ на благоусмотрѣніе графа Орлова, и 17 ноября 1845 г. генералъ Дубельтъ увѣдомилъ кн. Горчакова что, за отсутствіемъ генералъ адъютанта графа Орлова, онъ имѣлъ счастіе докладывать Государю Наслѣднику Цесаревичу, и Его Императорское Высочество

изволилъ изъявить свое согласіе на вступленіе Оболенскаго въ законный бракъ.

Женившись, Евгеній Петровичъ жилъ отдѣльно отъ Пущина. Въ продолженіе пребыванія своего на поселеніи въ Западной Сибири онъ опредѣленныхъ занятій не имѣлъ, и, какъ доносила Ялуторовская полиція и какъ показывалось въ вѣдомостяхъ о лицахъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи, онъ сначала ничѣмъ не занимался, а потомъ занимался чтеніемъ книгъ, преимущественно духовнаго содержанія. Только съ 1849 года, по удостовѣренію полиціи, онъ кромѣ чтенія книгъ, сталъ заниматься хозяйствомъ. Ведя жизнь на поселеніи совершенно скромную, не давая мѣстнымъ полицейскимъ органамъ, подъ ближайшимъ надзоромъ которыхъ онъ состоялъ, какихъ либо поводовъ къ возбужденію сомнѣній о своемъ благонамѣренномъ образѣ мыслей, Евгеній Петровичъ, за 14 лѣтній періодъ пребыванія въ Западной Сибири, всегда аттестовался въ поведеніи Тобольскими губернаторами очень хорошо, а въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Сибири, начиная съ 1853 года, какъ лицо, отличающееся „примѣрнымъ“ поведеніемъ. Только за первую половину 1845 года, безъ объясненія причинъ, и потому надо полагать по одному личному усмотрѣнію, Евгеній Петровичъ былъ аттестованъ въ поведеніи Тобольскимъ губернаторомъ Энгельке—„порядочно“.

Несмотря на скромный образъ жизни и безукоризненное поведеніе, засвидѣтельствованное мѣстною администраціею, Евгеній Петровичъ, въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Сибири, послѣ тяжскихъ испытаній, на склонѣ своей жизни, не избѣжалъ запросовъ о его благонадежности.

Въ концѣ 1853 года графъ Орловъ препроводилъ къ генералу-губернатору Западной Сибири Гасфорду выписку изъ письма Евгенія Петровича, адресованнаго въ Иркутскъ къ Сергѣю Петровичу Трубецкому: „Къ членамъ нашей колоніи временно присоединился и нашъ „славный *Свербѣевъ* .....
„онъ самъ писалъ тебѣ о причинѣ временной своей колонизаціи между „нами, въ утѣшеніе скажу, что его пребываніе *не было безплодно:* „онъ прибылъ къ намъ въ сильномъ изнеможеніи но уѣдетъ съ новыми „силами и, надѣюсь, *въ бодромъ духѣ*“. „Много слезъ уже пролито и „много теплыхъ молитвъ вознесено. И тѣ и другія исполнили сво „назначеніе, *оставивъ благіе плоды*“.

По этой выпискѣ съ подчеркнутыми словами, графъ Орловъ предлагалъ истребовать отъ Оболенскаго объясненія значеній тѣхъ словъ, а также сообщить, кто именно пріѣзжавшій въ Ялуторовскъ *Свербѣевъ*,

откуда и для чего онъ пріѣзжалъ туда. Для выполненія требованія графа Орлова генераломъ Гасфордомъ предписано было Ялуторовскому городничему, вызвавъ къ себѣ Оболенскаго на квартиру, отобрать отъ него наединѣ отзывъ по всѣмъ пунктамъ и словамъ посланнаго имъ письма къ Трубецкому, не пропуская ни одного обстоятельства, и съ тѣмъ, чтобы отзывъ писанъ былъ рукою самого Оболенскаго.

Также предложено было городничему доставить свѣдѣнія, у кого именно останавливался въ Ялуторовскѣ Свербѣевъ, сколько времени тамъ онъ пробылъ и не дошло ли до полиціи свѣдѣній о какихъ либо его дѣйствіяхъ и разговорахъ съ проживающими въ Ялуторовскѣ государственными преступниками. Одновременно съ этимъ Тобольскому губернатору предложено было генераломъ Гасфордомъ доставить свѣдѣнія о поведеніи Оболенскаго, съ донесеніемъ о томъ, не навлекаетъ ли онъ на себя чѣмъ либо особеннаго подозрѣнія, которое требовало бы усиленнаго за нимъ надзора.

Евгеній Петровичъ на предложенное ему требованіе далъ слѣдующее собственноручное объясненіе.

„Свербѣевъ, чиновникъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири получивши отпускъ на два мѣсяца, онъ прибылъ въ Ялуторовскъ въ началѣ сентября съ сильнымъ воспаленіемъ глазъ и принужденъ былъ оставаться для излѣченія сказанной болѣзни. Въ письмѣ я его назвалъ *нашимъ* потому, что онъ родной племянникъ моему зятю князю Александру Петровичу Оболенскому, сенатору живущему въ Москвѣ. Болѣзнь Свербѣева началась въ Омскѣ и, дорогой усиливаясь постоянно, принудила его наконецъ остановиться въ Ялуторовскѣ, гдѣ онъ зналъ, что я нахожусь и готовъ оказать ему, какъ родственникъ, всякую услугу. Увидавъ его болѣзненное состояніе, я почелъ долгомъ посовѣтовать ему оставаться и ввѣрить себя попеченію доктора Борщевскаго, въ опытности и искусствѣ котораго (я увѣренъ) и объявилъ, что дальнѣйшее путешествіе можетъ лишить его зрѣнія, Свербѣевъ остался въ Ялуторовскѣ и въ тотъ же день переѣхалъ на квартиру, рядомъ съ домомъ доктора, гдѣ и пробылъ до выѣзда изъ Ялуторовска, т. е. до 8-го ноября. Писемъ я черезъ него никакихъ не получалъ. Такъ какъ скоро по пріѣздѣ въ Ялуторовскъ Свербѣевъ самъ писалъ въ Иркутскъ о своей болѣзни, то я не находилъ нужнымъ въ письмѣ моемъ къ Трубецкому повторять сказанное имъ о себѣ самомъ. Что его пребываніе въ Ялуторовскѣ не было *безплодно*, въ письмѣ моемъ, означало только то, что онъ здѣсь нашелъ хорошаго доктора, который его пользовалъ и избавилъ отъ потери зрѣнія правымъ глазомъ, которое грозило ему въ началѣ болѣзни. О *бодрости*

духа писалъ я въ противоположность тому унынію, въ коемъ онъ находился при одной мыслѣ о потерѣ зрѣнія. Говоря о холерѣ, смыслъ моихъ словъ относится единственно къ нравственному потрясенію, производимому болѣзнію, которая заставляетъ всякаго обращать ближайшее вниманіе на собственную совѣсть. *Благіе плоды*—означаютъ благіе дѣла, которыя проистекаютъ отъ сердечнаго возношенія къ Богу всякаго человѣка, напряженнаго общественнымъ дѣйствіемъ *). Если я назвалъ Свербѣева *временнымъ членомъ* нашей колоніи, то это единственно потому, что мы, живущіе въ Ялуторовскѣ, составляемъ какъ бы общую колонію, или общую семью, и старались по возможности облегчить его положеніе и разсѣять мрачныя мысли, которыя приходили ему отъ болѣзненнаго его состоянія".

Ялуторовскій городничій Поповъ, представляя генералу Гасфорду отобранный имъ отзывъ отъ Евгенія Петровича, доносилъ, что во время болѣзни Свербѣева, дѣйствительно, его навѣщали проживающіе въ Ялуторовскѣ государственные преступники, но о какихъ либо дѣйствіяхъ Свербѣева и разговорахъ, которые могли бы навлекать на него малѣйшее подозрѣніе, до свѣдѣнія его не доходило. Что же касается до аттестаціи въ поведеніи, которую требовалъ генералъ Гасфордъ, то управляющій Тобольскою губерніею предсѣдатель губернскаго правленія Виноградскій донесъ, что Оболенскій „поведенія примѣрнаго, въ образѣ мыслей скроменъ, религіозенъ и вообще жизнью своею не навлекаетъ на себя ни малѣйшаго подозрѣнія, которое бы требовало усиленія надъ нимъ надзора".

Всѣ собранныя генераломъ Гасфордомъ свѣдѣнія, вмѣстѣ съ отзывомъ Евгенія Петровича, представлены были графу Орлову, вполнѣ удовлетворившемуся сдѣланными разъясненіями и прекратившему возбужденную имъ переписку о письмѣ, адресованномъ къ Сергѣю Петровичу Трубецкому.

По воспослѣдованіи Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года получивъ прощеніе, съ востановленіемъ правъ и княжескаго достоинства, Евгеній Петровичъ возвратился въ Россію.

---

*) Выдержки изъ письма Е. П.: „Много слезъ уже пролито и много теплыхъ молитвъ вознесено. И тѣ и другія исполнили свое назначеніе, оставивъ благіе плоды"; — относилось до описанія свирѣпствовавшей въ Тобольской губерніи холеры.

ГЛАВА XXXIV.

Кюхельбекеръ.—Поселеніе въ Курганскомъ округѣ.—Покупка дома.—Матеріальныя средства.—Болѣзнь.—Просьба о напечатаніи сочиненій.—Пребываніе въ Тобольскѣ.—Аттестація въ поведеніи.—Смерть.—Могила Вильгельма Карловича.—Просьба Доросиды Иванозны Кюхельбекеръ о выдачѣ ей пособія отъ казны.—Пріѣздъ Юстины Карловны Глинки изъ Россіи въ Курганъ.—Принятіе на воспитаніе Ю. К. Глинкой малолѣтнихъ сиротъ, дѣтей В. К. Кюхельбекеръ.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, коллежскій асессоръ, принадлежалъ къ Сѣверному Обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ и признанъ виновнымъ въ покушеніи на жизнь Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, во время мятежа на площади, въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и въ томъ, что лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ пролитіемъ крови, самъ стрѣлялъ въ генерала Воинова и разсѣянныхъ выстрѣлами мятежниковъ старался поставить въ строй; за учиненныя преступныя дѣянія приговоромъ Верховнаго Уголовнаго суда отнесенъ былъ къ первому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ смертной казни, отсѣченіемъ головы; указомъ, объявленнымъ Верховному Уголовному суду 10 іюля 1826 года, по уваженію ходатайства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, избавленъ отъ смертной казни и опредѣленъ, по лишенію чиновъ и дворянства къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ и потомъ на поселеніе; указомъ, объявленнымъ Правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 15 лѣтъ. Взамѣнъ каторжныхъ работъ, по Высочайшему повелѣнію, онъ подвергнутъ былъ заключенію въ крѣпости; пробывъ въ этомъ заключеніи по 1839 годъ, сосланъ былъ на поселеніе въ Восточную Сибирь.

13 іюня 1844 года графъ Орловъ увѣдомилъ генерала-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его докладу представленія генерала-губернатора Восточной Сибири, повелѣть соизволилъ: водвореннаго въ Акшинской крѣпости Иркутской губерніи, государственнаго преступника Вильгельма Кюхельбекера переселить въ Смолинскую слободу Курганскаго округа.

Въ Тобольскую губернію Вильгельмъ Карловичъ съ семьею своею, состоявшею изъ жены Доросиды Ивановны и 2-хъ малолѣтнихъ дѣтей, сына и дочери, прибылъ въ началѣ 1845 года и съ 6 марта поселенъ въ Смолинской слободѣ, расположенной въ 3-хъ верстахъ отъ

гор. Кургана и отданъ подъ надзоръ Курганской полиціи. На новомъ мѣстѣ поселенія онъ пріобрѣлъ себѣ небольшой крестьянскій домъ и приступилъ къ занятію сельскимъ хозяйствомъ съ цѣлью обезпеченія существованія своей семьи, такъ какъ тѣ незначительныя денежныя пособія, какія онъ получалъ изъ Россіи отъ родственниковъ, не могли удовлетворять даже скромной деревенской жизни его съ семьею. Съ переселеніемъ въ Западную Сибирь, болѣзненные недуги, которыми онъ еще началъ страдать въ Восточной Сибири, стали усиливаться и лишили его возможности искать утѣшенія и средствъ къ жизни въ трудѣ. Такое стѣсненное матеріальное положеніе и болѣзненное состояніе, требовавшее лишнихъ расходовъ на лѣченіе, вынудили его, несмотря на полученный имъ еще въ 1840 году отказъ, вновь обратиться къ шефу корпуса жандармовъ съ просьбою исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе на напечатаніе сочиненій и переводовъ его, безъ означенія его имени: „дабы изданіемъ этихъ сочиненій и переводовъ получить средства къ существованію, за неимѣніемъ въ виду другихъ какихъ либо источниковъ для обезпеченія содержанія съ женою и дѣтьми, вслѣдствіе совершеннаго разстройства своего здоровья и потери зрѣнія“.

Эта просьба не была уважена, и 19-го января 1846 года графъ Орловъ увѣдомилъ кн. Горчачова для объявленія Кюхельбекеру, что такъ какъ по той же просьбѣ предмѣстникомъ его, графомъ Бенкендорфомъ, испрашиваемо было еще въ 1840 году разрѣшеніе, но Высочайшаго соизволенія не послѣдовало, то и въ настоящее время онъ считаетъ невозможнымъ удовлетворить ходатайство Кюхельбекера.

Въ началѣ декабря 1845 года Тобольскій губераторъ Энгельке донесъ кн. Горчакову, что во время посѣщенія имъ Кургана находящійся тамъ на водвореніи государственный преступникъ Кюхельбекеръ поданною имъ докладною запискою проситъ исходатайствовать ему, по случаю жестокой глазной болѣзни, дозволеніе прибыть на излѣченіе въ Тобольскъ. Представляя на благоусмотрѣніе кн. Горчакова полученную докладную записку, Энгельке ходатайствовалъ о дозволеніи воспользоваться Кюхельбекеру просимымъ отпускомъ, въ виду дѣйствительно безпомощнаго положенія больнаго въ Курганѣ, гдѣ нѣтъ ни медиковъ, ни медицинскихъ пособій. Въ поданной докладной запискѣ отъ 3-го декабря 1845 г. Вильгельмъ Карловичъ писалъ: „Будучи одержимъ жестокою глазной болѣзнію, которая угрожаетъ мнѣ потерею зрѣнія, и не имѣя здѣсь средствъ къ пользованію, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше превосходительство исходатайствовать мнѣ дозволеніе отлучиться въ г. Тобольскъ, гдѣ я буду имѣть

возможность найти необходимыя для меня медицинскія пособія, которыя, какъ я надѣюсь, хотя нѣсколько помогутъ мнѣ въ моей тяжкой болѣзни".

Эта докладная записка, въ подлинникѣ, представлена была кн. Горчаковымъ графу Орлову, и хотя кн. Горчаковъ, въ представленіи своемъ, вѣря въ истинную болѣзнь Кюхельбекера, писалъ, что онъ не встрѣчаетъ съ своей стороны никакихъ препятствій къ удовлетворенію просьбы больнаго, — тѣмъ не менѣе графъ Орловъ не нашелъ возможнымъ безъ предварительнаго медицинскаго освидѣтельствованія разрѣшить Кюхельбекеру пребываніе въ Тобольскѣ, а потому просилъ кн. Горчакова, въ началѣ января 1846 года, по медицинскомъ освидѣтельствованіи состоянія больнаго, увѣдомить его о своемъ заключеніи, „въ которомъ должно быть выражено, что по роду болѣзни дѣйствительно признается необходимымъ Кюхельбекеру прибыть въ Тобольскъ для пользованія".

Не дождавшись полученія свѣдѣній объ освидѣтельствованіи состоянія здоровья Кюхельбекера, графъ Орловъ 28 января 1846 г. писалъ кн. Горчакову, что, по уваженію ходатайства генерала-лейтенанта Глинки, онъ проситъ князя, если по сдѣланному удостовѣренію болѣзнь Кюхельбекера дѣйствительно требуетъ ея лѣченія въ Тобольскѣ, то не благоугодно ли ему будетъ дозволить Кюхельбекеру прибыть въ Тобольскъ, не испрашивая на то разрѣшенія. Получивъ отъ графа Орлова согласіе на отпускъ Кюхельбекера, кн. Горчаковъ, не выжидая результатовъ затребованнаго имъ освидѣтельствованія, предложилъ Тобольскому губернатору дозволить Кюхельбекеру прибыть въ Тобольскъ на время лѣченія, съ учрежденіемъ тамъ за нимъ полицейскаго надзора.

7-го марта 1846 г. Вильгельмъ Карловичъ прибылъ въ Тобольскъ со всею своею семьею. Надежды его получить облегченіе болѣзни леченіемъ въ Тобольскѣ не сбылись, болѣзнь принимала все болѣе и болѣе угрожающій характеръ и, наконецъ, послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій, свела его въ могилу: 11-го августа 1846 года онъ умеръ.

Похороненъ Вильгельмъ Карловичъ на Тобольскомъ городскомъ „Завальномъ" кладбищѣ, недалеко отъ кладбищенской церкви Семи Отроковъ, на могилѣ его лежитъ чугунная плита съ надписью:

„Здѣсь покоится прахъ Вильгельма Карловича Кюхельбекера, родившагося 10 іюня 1797 г., скончавшагося 11 августа 1846 года.

„Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я успокою васъ". Матв. гл. 11, ст. 28.

За время нахожденія на поселеніи въ Западной Сибири, въ продолженіе полутора года, Вильгельмъ Карловичъ аттестовался въ поведеніи „очень хорошо“ какъ Курганскою полиціею, такъ и Тобольскимъ губернаторомъ Энгельке.

Доросида Ивановна, оставшись послѣ смерти мужа съ двумя малолѣтними дѣтьми, безъ всякихъ средствъ къ существованію, писала Тобольскому губернатору Энгельке.

„Не безъизвѣстно вашему превосходительству, что мужъ мой Вильгельмъ Карловичъ, по Высочайшему дозволенію пріѣхавшій въ Тобольскъ изъ Кургана для лѣченія, волею Божіею, 11-го августа сего года скончался, и я осталась съ двумя малолѣтними дѣтьми, сыномъ Михаиломъ 7-ми лѣтъ и дочерью Устиньею 3-хъ лѣтъ. Со стороны моихъ родныхъ я не имѣю никакого состоянія и со стороны покойнаго моего мужа, тоже не надѣюсь имѣть достаточной помощи, а потому вынужденной нахожусь просить ваше превосходительство объ исходатайствованіи у высшаго начальства мнѣ съ дѣтьми моими казеннаго пособія, каковое въ подобныхъ случаяхъ Высочайше положено. Сверхъ того прошу ваше превосходительство приказать выдать мнѣ кому слѣдуетъ паспортъ для свободнаго проживанія и проѣзда по Сибирскимъ губерніямъ. А на сей разъ прошу усердно ваше превосходительство дать мнѣ возможность возвратиться въ Курганъ, чтобы тамъ распродаться оставшимся домомъ и пожитками, ибо я заѣхала сюда не по своей волѣ, а по волѣ мужа и съ Высочайшаго дозволенія“.

Тобольскій губернаторъ Энгельке разрѣшилъ семейству Кюхельбекера возвратиться въ Курганъ, поручивъ Курганскому исправнику собрать о матеріальномъ положеніи этого семейства необходимыя свѣдѣнія для исходатайствованія просимаго казеннаго пособія, что же касается выдачи Доросидѣ Ивановнѣ просимаго ею паспорта на свободное проживаніе съ правомъ разъѣзда по Сибирскимъ губерніямъ, то объ этомъ представилъ на разрѣшеніе генералъ-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, которымъ возбужденъ былъ общій вопросъ о возможности выдачи семействамъ государственныхъ преступниковъ паспортовъ на свободное жительство въ предѣлахъ Сибири. 11-го октября 1846 года графъ Орловъ увѣдомилъ кн. Горчакова, что на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ апрѣлѣ 1833 года, женамъ государственныхъ преступниковъ, жившихъ въ Сибири съ мужьями своими, по смерти сихъ послѣднихъ, возвращаются всѣ прежнія права ихъ, съ тѣмъ однако же, чтобы дѣйствія сихъ

правъ ограничивались одними предѣлами Сибири, а дѣти государственныхъ преступниковъ, рожденные въ ссылкѣ, записываются въ ревизію; посему вдовѣ Кюхельбекеръ, происходящей изъ мѣщанскихъ дочерей, и дѣтямъ ея надлежитъ выдавать паспорты на свободное жительство въ Сибири по тѣмъ самымъ правиламъ, по которымъ выдаются паспорта мѣщанамъ и крестьянамъ.

Курганскій исправникъ, которому Тобольскимъ губернаторомъ Энгельке поручено было произвести удостовѣреніе о положеніи семейства Кюхельбекеръ, донесъ, что дѣйствительно семейство это находится въ большой нуждѣ, не получая никакого пособія отъ родственниковъ.

Основываясь на произведенномъ удостовѣреніи, кн. Горчаковъ просилъ графа Орлова о назначеніи семейству Кюхельбекеръ пособія въ высшемъ размѣрѣ т. е. по 114 руб. 28⁴/₇ коп. въ годъ. 23 декабря 1846 года графъ Орловъ увѣдомилъ кн. Горчакова что, по уваженію бѣднаго состоянія вдовы государственнаго преступника Доросиды Кюхельбекеръ, разрѣшается назначить ей пособіе въ высшемъ размѣрѣ, положенномъ для государственныхъ преступниковъ.

Получивъ, по распоряженію Тобольской администраціи, паспортъ на свободное проживаніе въ предѣлахъ Сибири а также и денежное отъ казны пособіе, Доросида Ивановна, съ малолѣтними своими дѣтьми, оставалась на жительствѣ въ Курганѣ, находясь подъ полицейскимъ надзоромъ.

Въ концѣ 1846 года графъ Орловъ извѣстилъ кн. Горчакова что вдова статскаго совѣтника Юстина Карловна Глинка, сестра государственнаго преступника Кюхельбекера, намѣрена отправиться въ Курганскій Округъ. При этомъ графъ Орловъ сообщилъ кн. Горчакову свои соображенія о возможности допустить подобное свиданіе: „на основаніи Высочайшаго повелѣнія 27 апрѣля 1833 года, по смерти „государственныхъ преступниковъ, жительствующимъ съ ними женамъ „ихъ, возвращаются лично всѣ прежнія права ихъ, съ тѣмъ только, „чтобы дѣйствія сихъ правъ ограничивались одними предѣлами Сибири „а потому вдова Кюхельбекеръ,—какъ дочь мѣщанина, нынѣ должна „считаться мѣщанкою, пользующеюся въ Сибири всѣми правами мѣ„щанъ, *а какъ нѣтъ закона, которымъ бы воспрещалось родственни„камъ пріѣзжать изъ Россіи въ Сибирь къ мѣщанамъ*, то посему и „г-жа Глинка можетъ отправиться къ родственницѣ своей вдовѣ Кюхельбекеръ и ей не могутъ воспрещаться желаемыя свиданія“.

Юстина Карловна Глинка, получивъ въ началѣ 1847 года разрѣшеніе на поѣздку въ Сибирь, вскорѣ же, по пріѣздѣ своемъ къ

семейству своего брата, возбудила ходатайство объ отдачѣ ей на воспитаніе малолѣтнихъ сиротъ, и 12 апрѣля 1847 года Министръ Внутреннихъ дѣлъ Перовскій увѣдомилъ князя Горчакова, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ разрѣшить вдовѣ статскаго совѣтника Глинкѣ взять къ себѣ на воспитаніе дѣтей умершаго государственнаго преступника Кюхельбекера, сына 7-ми и дочь 4-хъ лѣтъ, изъ которыхъ перваго Глинка предполагаетъ приготовить къ лѣкарскому званію, но съ тѣмъ, чтобы упомянутыя дѣти назывались не по фамиліи отца ихъ, а Васильевыми.

ГЛАВА XXXV.

Муравьевъ.—Водвореніе въ Тобольскѣ.—Матеріальныя средства.—Опредѣленіе на службу.—Служебная дѣятельность.—Оказаніе помощи неимущимъ.—Поданіе помощи во время свирѣпствовавшей холеры въ Тобольскѣ.—Семейное положеніе.—Болѣзнь.—Высочайшее соизволеніе на переводъ въ Курскъ.—Смерть.—Могила его въ Тобольскѣ.—Участіе Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола въ приведеніи въ порядокъ дѣлъ по смерти Муравьева.—Капиталы, оставшіеся послѣ смерти Муравьева.—Отъѣздъ Жозефины Адамовны Муравьевой съ семьею въ Россію.

Александръ Михайловичъ Муравьевъ, корнетъ Кавалергадскаго полка, принадлежалъ къ Сѣверному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ и признанный виновнымъ въ знаніи объ умыслѣ на Цареубійство и въ участіи въ умыслѣ бунта, принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей, приговоромъ Верховнаго уголовнаго суда отнесенъ былъ къ четвертому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ временной ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе указомъ, объявленнымъ Верховному уголовному суду 10 іюля 1826 года, по лишеніи чиновъ и дворянства, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 12 лѣтъ, а указомъ, объявленнымъ Правительствующему Сенату 22 августа 1826 г. оставленъ въ каторжной работѣ на 8 лѣтъ. По отбытіи въ 1834 году опредѣленнаго срока въ каторжныхъ работахъ Александръ Михайловичъ оставленъ былъ, по просьбѣ его, въ тѣхъ работахъ, до окончанія всего срока назначеннаго брату его Никитѣ Михайловичу, отнесенному приговоромъ къ первому разряду государственныхъ преступниковъ. Когда въ 1836 году, Никита Михайловичъ всемилостивѣйше освобожденъ былъ отъ каторжныхъ работъ, то братья Муравьевы поселены были въ селеніи Урикѣ, близъ Иркутска.

По смерти брата Александръ Михайловичъ переведенъ былъ, съ Высочайшаго соизволенія въ Тобольскъ, куда прибылъ 17-го іюля 1845 года и согласно послѣдовавшему объ немъ Высочайшему повеленію, сообщенному генералъ-губернатору Западной Сибири кн. Горчакову Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 28 іюля 1844 года, принятъ на службу и опредѣленъ въ штатъ Канцеляріи Тобольскаго общаго губернскаго правленія, съ званіемъ писца 4-го разряда, безъ содержанія.

Вмѣстѣ съ Александромъ Михайловичемъ прибыла въ Тобольскъ и семья его, состоявшая изъ жены Жозефины Адамовны, рожденной Брашманъ, на которой онъ женился, будучи на поселеніи въ Восточной Сибяри, 2-хъ-лѣтняго сына Михаила и дочери Екатерины 1-го года. Матеріальная жизнь семьи Муравьевыхъ на поселеніи была совершенно обезпечена, мать Александра Михаиловича Екатерина Ѳедоровна, распоряжавшаяся большимъ состояніемъ, оставшимся отъ умершаго еще въ 1807 году супруга ея Михаила Никитича, бывшаго товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, сенаторомъ и попечителемъ Московскаго Университета, постоянно присылала сыну своему значительныя денежныя суммы, частью чрезъ посредство Тобольской губернской администраціи, частью же чрезъ посредство генералъ-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова.

Располагая большими средствами, Муравьевы, вскорѣ же по пріѣздѣ своемъ въ Тобольскъ, пріобрѣли себѣ на новомъ мѣстѣ поселенія помѣстительный домъ, считавшійся въ то время однимъ изъ лучшихъ домовъ въ Тобольскѣ. Домъ Муравьевыхъ, съ которыми жилъ Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ, благодаря радушію и гостепріимству Александра Михайловича, служилъ мѣстомъ объединенія нетолько находившейся, въ то время въ Тобольскѣ значительной колоніи декабристовъ, но и Тобольскаго общества. Поселенные въ Тобольскѣ декабристы, нуждавшіеся въ матеріальныхъ средствахъ къ своему существованію по недостаточности получаемыхъ отъ казны денежныхъ пособій, не рѣдко находили въ Муравьевыхъ истинныхъ друзей, готовыхъ помочь ихъ печальному положенію. Бѣдное населеніе г. Тобольска также встрѣчало въ Муравьевыхъ своихъ благотворителей и въ особенности во время свирѣпствовавшей въ 1848 году холеры, унесшей въ продолженіи 4-хъ мѣсяцевъ съ іюля по ноябрь 1848 года, тысячи жертвъ въ могилу.

На скромномъ своемъ служебномъ поприщѣ Александръ Михайловичъ также стремился принести возможную пользу своимъ трудомъ, въ 1846 году онъ былъ командированъ въ Тобольскую депутатскую

оцѣночную коммиссію, гдѣ состоялъ кандидатомъ при депутатѣ отъ дворянъ и разночинцевъ и за усердное исполненіе возложенныхъ на него коммиссіею порученій — 6 го іюля 1846 году объявлена была ему благодарность генералъ-губернаторомъ Западной Сибири княземъ Горчаковымъ. Въ 1847 году по предложенію кн. Горчакова онъ былъ прикомандированъ для письмоводства къ Комитету учрежденному для предварительнаго разсмотрѣнія составленнаго проэкта законоположеній о бродягахъ и кочевыхъ инородцахъ. Эта полезная служебная дѣятельность дала поводъ, въ началѣ 1849 года, Тобольскому губернатору Энгельке донести кн. Горчакову, что канцелярскій служитель 4-го разряда Муравьевъ, стараясь загладить прежнія свои преступленія, отличается усердіемъ по службѣ и скромнымъ поведеніемъ, и во время существовавшей въ Тобольскѣ холеры пожертвовалъ изъ собственности 430 р. серебромъ въ пользу бѣдныхъ; при этомъ Энгельке ходатайствовалъ о перечисленіи Муравьева изъ 4-го въ 3-й разрядъ канцелярскихъ служителей. Ходатайство это было принято кн. Горчаковымъ, просившимъ графа Орлова объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на перечисленіе Муравьева въ 3-й разрядъ канцелярскихъ служителей, какъ заслужившаго особымъ трудомъ по службѣ вниманія начальства.

17-го марта 1849 года графъ Орловъ увѣдомилъ кн. Горчакова, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его докладу, Высочайше повелѣть соизволилъ перечислить Александра Муравьева изъ 4-го въ 3-й разрядъ канцелярскихъ служителей. Въ 1852 году Александръ Михайловичъ произведенъ былъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ чинъ коллежскаго регистратора. Во время жизни въ Тобольскѣ семейство Муравьевыхъ увеличилось, въ 1845 году родилась дочь Алина, въ 1847 г. дочь Александра и 1848 г. дочь Лидія. Для того чтобы дать возможность малолѣтнимъ своимъ дѣтямъ укрѣплять въ продолженіи лѣта свои физическія силы, а частью и для поправленія своего здоровья, Жозефина Адамовна, ежегодно обращалась съ ходатайствомъ къ кн. Горчакову о разрѣшеніи ей съ семействомъ проживать въ теченіи лѣта въ Ивановскомъ мънастырѣ, въ 9-ти верстахъ отъ Тобольска; это ходатайство ежегодно разрѣшалось кн. Горчаковымъ, но съ тѣмъ чтобы и во время пребыванія Муравьевыхъ внѣ гооода, они оставались постоянно подъ надзоромъ полиціи и жандармскаго начальства.

Суровыя климатическія условія г. Тобольска, несмотря на сравнительно широкій комфортъ въ обстановкѣ жизни, которымъ пользовались Муравьевы, неблагопріятно отражались на ихъ здоровьи,

а потому уже въ 1849 году Жозефина Адамовна писала кн. Горчакову, ходатайствуя разрѣшить ей съ мужемъ поѣздку къ Сергіевскимъ водамъ. Je vous suplie de pardonner mon importunité. A la suite d'une grande maladie, qne j'ai faite l'hiver passé, je ne puis me remettre jusqn'à présent. Les medecins me consultent les eaux, ainsi qu'à mon mari, qui est très souffrant. Connaîssant Votre bonté, je m'adresse à Vous Monsieur le Prince, en Vous suppliant d'obtenir de Sa Majesté l'Empereur la permission pour mon mari et moi de prendre cet été les eaux de Serguievsky dans le gouvernement d'Orenbourg.

J'attenderai la reponse de Votre Excellence avec anxiété et la grâce que je sollicite je la recevrai avec la plus vive reconnaissance.

Кн. Горчаковъ не нашелъ однако возможнымъ повергнуть на Всемилостивѣйшее возрѣніе просьбы Муравьевой а потому писалъ ей: Madame, Comme il n'est pas d'exemple, que qui que ce fût des condamnés du 14, eût jusqú a'ce jour obtenu la permission de quitter la Sibérie *pour raison de santé*, avant que Sa Majesté eût bien voulu lever son arrêt, je ne saurais me permettre de porter au pieds du trône la demande que vous me faites pour vous et pour votre mari d'aller prendre des bains dans le gouvernement d'Orenbourg; mais s'il vous convient, Madame, de faire ce voyage seule, peut être pourrais je obtenir cette grâce. Veuilliez croire, Madame, qn'il m'est bien pénible de ne pouvoir vous être agréable en cette occasion et recevez l'assurance des sentiments distingués que vous porte votre très humble et très obeissant serviteur...“

Отказавъ Муравьевой въ ея ходатайствѣ кн. Горчаковъ препроводилъ къ графу Орлову, какъ подлинное письмо, имъ полученое отъ Муравьевой, такъ и копію съ своего отвѣта.

Одновременно съ обращеніемъ къ кн. Горчакову Муравьева возбудила ходатайство о разрѣшеніи ей поѣздки съ мужемъ на Сергіевскія воды непосредственно передъ графомъ Орловымъ, поэтому еще, до полученія какого либо заключенія по поводу препровожденной переписки, кн. Горчаковъ получилъ запросъ отъ III отдѣленія Сбственной Его Императорскаго Величества канцеляріи о томъ, не признаетъ ли онъ возможнымъ уважить просьбу служащаго въ Канцеляріи Тобольскаго общаго губернскаго управленія канцеляриста Муравьева и жены его по поводу поѣздки ихъ на $2^1/_2$ мѣсяца къ Сергіевскимъ водамъ.

На сдѣланный запросъ кн. Горчаковъ увѣдомилъ графа Орлова, что хотя онъ затрудняется принять на себя ходатайство о дозволеніи

Муравьевымъ выѣзда къ Сергіевскимъ водамъ, но если его сіятельство графъ Орловъ изволитъ по своему усмотрѣнію признать возможнымъ подвергнуть просьбу Муравьевыхъ на Высочайше возрѣніе Государя Императора, то онъ съ своей стороны не находитъ къ тому никакихъ мѣстныхъ препятствій.

1-го марта 1850 года графъ Орловъ увѣдомилъ кн. Горчакова, что онъ не находитъ себя въ правѣ входить къ Государю Императору съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о дозволеніи Муравьевымъ отправиться въ Оренбургскую губернію, такъ какъ подобное представленіе было бы несогласно съ законами и существующими постановленіями.

О существѣ полученнаго отъ графа Орлова увѣдомленія, по распоряженіи кн. Горчакова Тобольскимъ губернаторомъ было объявлено Муравьевымъ.

Несмотря на полученный отказъ, въ началѣ 1851 года, пользуясь пребываніемъ въ Сибири ревизовавшаго тогда по Высочайшему повелѣнію Западную Сибирь генералъ-адъютанта Н. Н. Анненкова, Александръ Михайловичъ обратился къ нему съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему поѣздки въ Крымъ по болѣзненному его состоянію а также доставилъ ему письмо на имя графа Орлова съ просьбою исходатайствовать ему съ семействомъ у Государя Императора краткій временный отпускъ на поѣздку въ Крымъ для излѣченія; на это новое ходатайство графъ Орловъ сообщилъ генералу Анненкову тѣ же причины, затрудняющія его входить съ докладомъ къ Государю Императору, какія выражены былъ имъ ранѣе по первому ходатайству Муравьевыхъ. Объ этомъ отзывѣ графа Орлова генералъ Анненковъ сообщилъ Тобольскому губернатору, предложивъ ему, призвавъ къ себѣ Муравьева, объявить на словахъ полученный отзывъ. Послѣ неоднократныхъ ходатайствъ, только въ 1853 г. разрѣшено было Муравьевымъ и Вольфу отправиться на два лѣтнихъ мѣсяца въ Кокчетавскій округъ Акмолинской области, но эта поѣздка не могла состояться, такъ какъ болѣзненное состояніе Александра Михайловича, постоянно усиливавшееся, не позволяло предпринять ему длиннаго колеснаго путешествія. Это болѣзненное состояніе, къ развитію котораго всего болѣе способстоовали неблагопріятныя климатическія условія Тобольска, побудили родственниковъ его ходатайствооать о переводѣ его въ Россію.

Ходатайство это было уважено и 19 ноября 1853 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири Гасфорда, что по поводу ходатайства родственниковъ коллежскаго регистратора Муравьева объ исходатай-

ствованіи ему Высочайшаго соизволенія продолжать службу въ Кіевѣ или Симферополѣ, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Муравьеву продолжать службу въ Курскѣ. Эта Высочайшая Государя Императора милость не застала Александра Михайловича въ живыхъ,—24 ноября 1853 г., послѣ продолжительной болѣзни, онъ умеръ. Похороненъ Александръ Михайловичъ въ Тобольскѣ на городскомъ „Завальномъ“ кладбищѣ близь кладбищенской церкви Семи Отроковъ, рядомъ съ могилой ранѣе умершей его дочери Лидіи. На могилѣ его стоитъ высокій чугунный памятникъ съ слѣдующими на немъ надписями:

Александръ Михайловичъ Муравьевъ родился 1802 г. марта 19, умеръ 1853 г. ноября 24.

Лида дочь его родилась 1847 г. августа 1-го, умерла 23 февраля 1850 года.

„Тѣломъ спи спокойно, нашъ родитель, милый, духомъ
„со святыми упокойся ты.
„Мы не станемъ съ грустью вкругъ твоей могилы, на-
„саждать цвѣты;
„А съ надеждой сладкой вѣримъ свиданію душъ на не-
„бесахъ и что самъ Спаситель, въ общее возстаніе воскре-
„ситъ твой прахъ“.

Послѣ смерти мужа, Жозефина Адамовна просила генералъ-губернатора Гасфорда разрѣшить пріѣхать въ Тобольскъ находившемуся на жительство въ Ялуторовскѣ, Матвѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу для устройства ея дѣлъ. Это ходатайство было уважено, и Матвѣй Ивановичъ прибылъ въ Тобольскъ въ началѣ декабря 1853 года, пробывъ тамъ по 15 января 1854 года.

Объ оставшемся состояніи послѣ смерти Александра Михайловича ходили разные толки, несмотря на то что Тобольскимъ Сиротскимъ судомъ, по предложенію Тобольскаго Губернскаго правленія, учреждена была опека надъ имуществомъ и капиталами хранившимися въ кредитныхъ установленіяхъ. Многіе опредѣляли оставшееся состояніе милліонами, и эти то толки, сообщавшіеся въ письмахъ декабристовъ къ своимъ родственникамъ, послужили поводомъ къ тому, что управляющій III отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи генералъ лейтенантъ Дубельтъ просилъ генерала Гасфорда доставить ему свѣдѣнія о томъ, дѣйствительно ли Муравьевъ, какъ сообщаютъ въ письмахъ нѣкоторые преступники, оставилъ своему семейству два милліона руб, ассигнаціями, и если эти свѣдѣнія справедливы, то какимъ образомъ пріобрѣлъ онъ такую сумму,

По наведеннымъ справкамъ оказалось, что по смерти Муравьева представлено было въ Тобольское Губернское правленіе оставленное имъ духовное завѣщаніе, въ которомъ весь капиталъ опредѣлялся, въ суммѣ 258,941 р. сереб., хранившейся въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ и на капиталъ этотъ выданы были билеты: 5 на имя покойнаго Муравьева, одинъ въ 47,441 р. на имя Жезефины Адамовны и одинъ въ 3500 рублей на имя малолѣтняго сына Михаила. Всѣ эти деньги вложены были въ Московскую сохранную казну умершею въ 1846 г. матерью Муравьева Екатериною Ѳедоровною чрезъ родственника своего Бибикова.

Вскорѣ послѣ смерти Александра Михайловича Жозефина Адамовна ходатайствовала о Высочайшемъ соизволеніи на выдачу ей съ семействомъ вида для свободнаго проживанія во всѣхъ городахъ Имперіи, но на Всеподданнѣшемъ докладѣ, въ январѣ 1834 года, Министра Внутреннихъ Дѣлъ генерала адъютанта Бибикова о дозволеніи Муравьевой повсемѣстнаго жительства Государь Императоръ изволилъ собственноручно написать: „кромѣ столицъ“. Объ этой Высочайшей волѣ объявлено было Муравьевой, которая, по полученіи установленнаго вида, по продажѣ своего имущества въ Тобольскѣ и по переводѣ опеки надъ имуществомъ, оставшимся послѣ смерти Александра Михайловича, въ распоряженіе Курскаго Губернскаго начальства, 12 іюня 1854 г., вмѣстѣ съ семействомъ своимъ выѣхала изъ Тобольска въ Россію.

Въ продолженіи восьмилѣтняго пребыванія въ Тобольскѣ Александръ Михайловичъ аттестовался Тобольскими губернаторами К. Ф. Энгелке и Т. Ф. Прокопьевымъ въ представлявшихся на Высочайшее благоусмотрѣніе вѣдомостяхъ о лицахъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи, отличавшимся хорошимъ поведеніемъ.

ГЛАВА XXXVI.

Вольфъ.—Поселеніе въ Тобольскѣ.—Занятія медицинской практикой.—Исполненіе обязанности врача Тобольскаго тюремнаго замка.—Аттестація въ поведеніи. Смерть.—Могила его въ Тобольскѣ.—Память объ немъ въ Сибири.

Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ, штабъ-лѣкарь, состоявшій при главной квартирѣ 2-й арміи, принадлежалъ къ Южному обществу сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ и признанный виновнымъ въ участіи въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе Импера-

торской фамиліи согласіемъ и въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, приговоромъ Верховнаго Уголовнаго суда отнесенъ былъ къ второму разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ политической смерти, по силѣ указа 1753 года 29 апрѣля, т. е. къ положенію головы на плаху и потомъ къ вѣчной ссылкѣ въ каторжныя работы; указомъ объявленнымъ Верховному Уголовному суду 10 іюля 1826 года по поводу смягченія казней и наказаній государственнымъ преступникамъ, по лишенію чиновъ и дворянства, сосланъ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ и потомъ на поселеніе; указомъ объявленнымъ Правительствующему Сенату 22 августа 1826 года, оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 15 лѣтъ; указомъ отъ 14 декабря 1835 года, въ числѣ другихъ государственныхъ преступниковъ, освобожденъ былъ отъ каторжныхъ работъ и по Высочайшему повелѣнію поселенъ въ селеніи Урикѣ, Иркутской губерніи, куда также поселены были братья Никита и Александръ Михайловичи Муравьевы.—Съ переводомъ на поселеніе, по особому Высочайшему повелѣнію, ему дозволено было заниматься частной медицинской практикой.

Въ продолженіе 10-лѣтняго пребыванія въ Иркутской губерніи Фердинандъ Богдановичъ съ самоотверженіемъ посвѣщалъ дѣятельность свою къ поданію безвозмездной медицинской помощи населенію, обращавшемуся къ его опытнымъ совѣтамъ даже изъ мѣстностей, далеко расположенныхъ отъ мѣста его водворенія.

Широко-развившаяся благотворительная дѣятельность его и то расположеніе населенія, какое онъ пріобрѣлъ всегдашнею своею готовностью придти на помощь ближнему, обратили на себя вниманіе, ревизовавшаго въ 1844 году Восточную Сибирь Сенатора Толстого, возбудившаго ходатайство о переселеніи Фердинанда Богдановича, согласно выраженному имъ желанію, въ Тобольскъ, куда влекла его установившаяся тѣсная дружба съ Александромъ Михайловичемъ Муравьевымъ, также ходатайствовавшимъ, чрезъ посредство своихъ родственниковъ, о своемъ переселеніи въ Тобольскъ.

3-го Февраля 1845 года графъ Орловъ сообщилъ кн. Горчакову, что по Всеподданнѣйшему докладу ходатайства ревизующаго Восточную Сибирь тайнаго совѣтника Толстого, по просьбѣ находящагося на поселеніи въ Уриковскомъ селеніи Иркутской губерніи, бывшаго доктора, государственнаго преступника Вольфа о переводѣ его въ Тобольскъ, Государь Императоръ изволилъ изъявить на сіе Высочайшее свое согласіе, съ продолженіемъ Вольфу права заниматься по-

прежнему частнымъ врачеваніемъ больныхъ, при строгомъ наблюденіи полиціи.

Путь отъ Иркутска до Тобольска Фердинандъ Богдановичъ дѣлалъ вмѣстѣ съ Александромъ Михайловичемъ Муравьевымъ и его семействомъ, прибывъ въ Тобольскъ 17 іюля 1845 года.

Когда Муравьевы пріобрѣли себѣ, вскорѣ же по прибытіи въ Тобольскъ, обширный домъ, Фердинандъ Богдановичъ, какъ одинокій холостякъ, поселился съ ними въ одномъ домѣ. Медицинская практика его и въ Тобольскѣ была не менѣе обширна чѣмъ въ Восточной Сибири, въ особенности полезна была его дѣятельность во время свирѣпствовавшей въ 1848 году, въ Тобольскѣ холеры. Матеріальныя средства къ скромному своему существованію онъ, какъ не получавшій никакихъ денежныхъ пособій ни отъ родственниковъ, ни отъ казны, пріобрѣталъ частною медицинскою практикою, затрачивая большую часть получавшагося имъ гонорара отъ матерьяльно обезпеченныхъ паціентовъ на пріобрѣтеніе научныхъ медицинскихъ пособій и новыхъ руководствъ, за которыми онъ всегда слѣдилъ а также и на оказаніе медицинской помощи бѣдному населенію г. Тобольска и его окрестностей. Въ послѣдніе годы своей жизни въ Тобольскѣ, въ 1852 и 1853 годахъ, онъ исполнялъ безвозмездно обязанности врача Тобольскаго тюремнаго замка.

По смерти въ 1853 году Александра Михайловича Муравьева и по выбытіи семейства Муравьевыхъ изъ Тобольска въ Россію, Фердинандъ Богдановичъ остался совершенно одинокимъ, вскорѣ заболѣлъ и только на годъ пережилъ своего друга, скончавшись 24 декабря 1854 года.

Похороненъ Фердинандъ Богдановичъ въ Тобольскѣ на городскомъ Завальномъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою Муравьева. На могилѣ его стоитъ небольшой чугунный памятникъ съ надписью:

„Штабъ лѣкарь Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ“.

„Скончался 24 декабря 1854 г. на 60 году жизни“.

За все девятилѣтнее пребываніе въ Тобольскѣ Фердинандъ Богдановичъ аттестовался въ поведеніи Тобольскими губернаторами, какъ лицо, отличавшееся „хорошимъ поведеніемъ“, оставивъ въ населеніи города Тобольска самыя лучшія и благодарныя о себѣ воспоминанія.

ГЛАВА XXXVII.

Фонъ-Визинъ. — Поселеніе въ Тобольскѣ; матеріальное положеніе. — Покупка дома. — Характеристика Михаила Александровича и Натальи Дмитріевны. — Поѣздка въ Ялуторовскъ Натальи Дмитріевны. — Распоряженія князя Горчакова по поводу самовольныхъ отлучекъ женъ государственныхъ преступниковъ.—Семейное горе Фонъ-Визиныхъ. — Пріѣздъ Ивана Александровича фонъ-Визина въ Тобольскъ.—Высочайшее соизволеніе на право возвращенія въ Россію.—Отъѣздъ въ Россію. — Аттестація въ поведеніи. — Добрая память о фонъ-Визиныхъ въ Сибири.

Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ отставной генералъ-маіоръ принадлежалъ къ сѣверному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ и признанный виновнымъ въ томъ, что умышлялъ на цареубійство согласіемъ, въ 1817 году изъявленнымъ, и въ томъ, что участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ, приговоромъ Верховнаго Уголовнаго суда отнесенъ былъ къ четвертому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ временной ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ и потомъ на поселеніе; указомъ, даннымъ Верховному Уголовному суду 10 іюля 1826 г., по лишенію чиновъ и дворянства оставленъ въ каторжныхъ работахъ на 12 лѣтъ и указомъ, объявленнымъ Правительствующему Сенату 22 августа 1826 г., опредѣленъ на 8 лѣтъ въ каторжныя работы. По Всемилостивѣйшемъ освобожденіи отъ каторжныхъ работъ онъ сосланъ былъ, въ 1832 году, на поселеніе въ Енисейскъ, а затѣмъ переведенъ былъ на жительство въ Краснсярскъ гдѣ оставался до 1836 года, когда съ Высочайшаго соизволенія водворенъ былъ на жительствѣ въ Тобольскѣ.

Михаилъ Александровичъ былъ женатъ на Натальѣ Дмитріевнѣ Апухтиной, которая, оставивъ въ Москвѣ двухъ своихъ сыновей на попеченіе родственниковъ, прибыла въ Восточную Сибирь, въ 1828 году, еще во время нахожденія мужа въ Читинскомъ острогѣ.

Матеріальное положеніе Фонъ-Визиныхъ на поселеніи было достаточно обезпечено, Михаилъ Александровичъ получалъ ежегодно отъ брата своего Ивана Александровича 2000 р. ассигнаціями, но кромѣ того, по сношенію съ братомъ, имъ получаемы были еще добавочныя денежныя суммы для покрытія расходовъ, вызывавшихся передвиженіемъ на новыя мѣста жительства, такъ и устройствомъ домообзаводства на мѣстахъ водворенія.

Прибывъ, 6-го августа 1836 г., въ г. Тобольскъ, Фонъ-Визины,

въ скоромъ времени, пріобрѣли себѣ на новомъ мѣстѣ водворенія небольшой деревянный домъ.

Несмотря на скромный образъ жизни Фонъ-Визиныхъ, домъ ихъ по радушію и гостепріимству, въ особенности Натальи Дмитріевны, служилъ мѣстомъ объединенія проживавшихъ въ Тобольскѣ товарищей по ссылкѣ.

Михаилъ Александровичъ, отличительныя черты характера котораго были необыкновенное добродушіе и христіанское смиреніе, занимался преимущественно „чтеніемъ книгъ духовнаго содержанія", а также писалъ свои воспоминанія и записки. Наталья Дмитріевна, женщина съ энергическимъ, увлекающимся характеромъ, вела жизнь болѣе дѣятельную нежели Михаилъ Александровичъ, она занималась своими воспитанниками и дѣлами общественной благотворительности, какъ по поданію помощи бѣдному неимущему Тобольскому городскому населенію, въ чемъ ей помогали своимъ сотрудничествомъ жены другихъ декабристовъ, проживавшихъ въ Тобольскѣ Анненкова и Муравьева, такъ и по оказанію пособій ссылавшимся въ Сибирь, въ 1840 годахъ, польскимъ мятежникамъ и лицамъ, принимавшимъ участіе въ дѣлѣ Буташевича-Петрашевскаго.

Будучи религіозной Наталья Дмитріевна по свойству своего увлекающагося характера, никогда не отказывала въ своемъ покровительствѣ разнымъ странникамъ и лицамъ, юродствовавшимъ на духовно-религіозной почвѣ. Особеннымъ покровительствомъ Натальи Дмитріевны во время пребыванія ея въ Тобольскѣ, пользовалась нѣкая пожилая вдова Татьяна Филоновна Земляницына, бывшая крѣпостная чиновницы Пушкаревой, а затѣмъ бывшая въ замужествѣ за землемѣромъ Земляницынымъ. Эта женщина ходила по городу, распѣвала разные духовные гимны, принимая на себя роль наставницы по своему разумѣнію правилъ вѣры и такъ какъ она находила всегда себѣ пристанище и покровительство у Тобольскаго губернскаго прокурора Черепанова, то стала слыть въ народѣ за святую. На похожденія Земляницыной, особенно любившей проповѣдывать предъ воспитанниками школы контонистовъ изъ евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру и преимущественно крестниковъ прокурора Черепанова, обращено было вниманіе генерала-губернатора Западной Сибири князя П. Д. Горчакова, поручившаго, въ 1844 году маіору корпуса жандармовъ Ярышкину произвести о Земляницыной дознаніе. Хотя въ поступкахъ Земляницыной дознаніемъ ничего злонамѣреннаго, не было открыто, но только заступничество за нее преосвященнаго Тобольскаго Владиміра, „признавшаго ея умственно не совсѣмъ здоровою, имѣющую страсть

къ пѣнію церковныхъ пѣсенъ и поговорить какъ обыкновенно и всѣ женщины" спасло ея отъ дальнѣйшаго преслѣдованія администраціею.

Лѣтомъ 1850 года Наталья Дмитріевна ѣздила на непродолжительное время въ Ялуторовкъ. Эта поѣздка, предпринятая безъ предварительнаго на то разрѣшенія административной власти, дала поводъ кн. Горчакову, въ предупрежденіе самовольнаго уклоненія женъ государственныхъ преступниковъ отъ учрежденнаго за ними надзора, подъ предлогомъ незнанія будто бы существующихъ правилъ о надзорѣ, предложить къ руководству Тобольскому и Томскому губернаторамъ слѣдующія мѣропріятія:

1) Объявить всѣмъ женамъ государственныхъ преступниковъ *съ подпискою*, что на точномъ основаніи устава о паспортахъ, Высочайшаго повелѣнія 1833 г. и Высочайше утвержденнаго 6-го февраля 1845 г. положенія комитета министровъ, онѣ не должны никуда и ни въ какомъ случаѣ отлучаться изъ мѣстъ постояннаго своего жительства, т. е. изъ тѣхъ городовъ и тѣхъ волостей, въ коихъ жительствуютъ или состоятъ на причисленіи ихъ мужья, безъ полученія отъ начальства надлежащихъ видовъ, о выдачѣ коихъ они обязаны обращаться каждый разъ, съ объясненіемъ причинъ, по которымъ просятъ увольненія: въ губернскихъ городахъ къ губернаторамъ, въ окружныхъ городахъ къ городничимъ, въ селеніяхъ къ земскимъ исправникамъ.

2) Разрѣшить женамъ государственныхъ преступниковъ, согласно положенія комитета министровъ 6-го февраля 1845 г., отлучки—по особо уважительнымъ причинамъ, не болѣе какъ на *трехдневный срокъ* и на разстоянія: жительствующихъ въ городахъ не далѣе 30 верстъ и въ селеніяхъ не далѣе 50 верстъ, съ выдачею имъ каждый разъ особыхъ билетовъ. Объ увольненіи же на болѣе продолжительный срокъ и на большее разстояніе представлять генералу-губернатору Западной Сибири для испрошенія разрѣшенія шефа корпуса жандармовъ.

Это распоряженіе объявлено было всѣмъ женамъ государственныхъ преступниковъ, съ отобраніемъ отъ нихъ подписокъ, только Наталья Дмитріевна отказалась дать подписку, требуя выдачи ей предварительно копіи съ предложенія кн. Горчакова. Съ разрѣшенія кн. Горчакова ей выдана была просимая засвидѣтельствованная копія и тогда только она дала требуемую отъ нея подписку.

По пріѣздѣ въ Тобольскъ для ревизіи Западной Сибири генерала адъютанта Н. Н. Анненкова, въ 1851 году, Наталья Дмитріевна обратилась къ нему съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ей отправиться лѣтомъ на Туркинскія минеральныя воды въ Иркутскую губернію. Это ходатайство по сношенію генерала Анненкова съ графомъ Орловымъ

было разрѣшено. Тобольскому губернатору предложено было дать письменное разрѣшеніе Фонъ-Визиной на поѣздку, отобравъ предварительно отъ нея, на письмѣ, свѣдѣнія когда она предполагаетъ выѣхать и какимъ путемъ поѣдетъ, что и обозначить въ билетѣ, который ей данъ будетъ на проѣздъ; сообразно симъ свѣдѣніямъ дать предписаніе мѣстнымъ городскимъ и земскимъ полиціямъ потому пути, который избранъ будетъ Фонъ-Визиной, что бы имѣли за нею наблюденіе во время ея слѣдствія, и если гдѣ либо она остановится болѣе недѣли, доносили бы о томъ Тобольскому губернатору.

Предположенная поѣздка не состоялась, глубокое семейное горе постигшее Фонъ-Визиныхъ, потеря въ одномъ году двухъ взрослыхъ сыновей, умершихъ въ Одессѣ, не могло не отразиться на здоровьи уже престарѣлаго Михаила Александровича. Только непоколебимая вѣра и христіанское смиреніе дали ему силы перенести тяжолое испытаніе,—потерю послѣднихъ своихъ дѣтей.

Въ замѣнъ дальней поѣздки на Туркинскія минеральныя воды Фонъ-Визины, съ разрѣшенія генералъ-губернатора Западной Сибири Г. Х. Госфорда, совершили непродолжительную поѣздку въ Ялуторовскъ.

Лѣтомъ 1852 года, съ Высочайшаго разрѣшенія, прибылъ изъ Россіи въ Тобольскъ для свиданія съ братомъ Иванъ Александровичъ Фонъ-Визинъ, который пробывъ въ Тобольскѣ полтора мѣсяца спѣшилъ возвращеніемъ въ Россію для ходатайства о возвращеніи брата изъ Сибири.

Передъ отъѣздомъ Ивана Александровича Наталья Дмитріевна просила генерала Гасфорда сново разрѣшить ей поѣздку съ мужемъ въ Ялуторовскъ на три недѣли для проводовъ брата: „предстоящая „горькая разлука, писала Наталья Дмитріевна, съ братомъ послѣ кратко„временнаго свиданія можетъ смягчиться нѣсколько благосклоннымъ „дозволеніемъ Вашего Высокопревосходительства намъ ѣхать въ Ялу„торовскъ въ одно время съ братомъ, чтобы хоть нѣсколькими лишни„ми днями продлить счастье видѣть его, доставивъ намъ возможность „проводить его по пути“.

Генералъ Гасфордъ разрѣшилъ поѣздку но не на просимый срокъ а только на 14 дней и съ тѣмъ чтобы Фонъ-Визины въ Ялуторовскѣ и въ пути оставались подъ ближайшимъ надзоромъ мѣстнаго начальства.

Ходатайство Ивана Александровича о возвращеніи брата не было безъуспѣшно: 18 февраля 1853 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири Гасфорда, что, по всеподданнѣйшему докладу генералъ-адъю-

танта графа Орлова сообщенной ему Московскимъ генералъ-губернаторомъ просьбы отставнаго полковника Ивана Фонъ-Визина о дозволеніи поселенному въ Тобольскѣ брату его, государственному преступнику Михаилу, возвратиться съ женою, на родину и проживать въ имѣніи его, просителя, Московской губерніи въ Бронницкомъ уѣздѣ, Государь Императоръ, во Всемилостивѣйшемъ вниманіи къ преклоннымъ лѣтамъ обоихъ братьевъ Фонъ-Визиныхъ и одиночеству ихъ, послѣ потери всѣхъ дѣтей и близкихъ родственниковъ, равно и къ засвидѣтельствованію мѣстнаго начальства о хорошемъ поведеніи Михаила Фонъ-Визина, Высочайше изволилъ разрѣшить сему послѣднему жительствовать съ женою въ означенномъ имѣніи его брата, съ учрежденіемъ надъ ними полицейскаго надзора и съ воспрещеніемъ имъ въѣзда въ обѣ столицы.

Одновременно съ послѣдовавшимъ Высочайшимъ разрѣшеніемъ, сдѣлано было распоряженіе чтобы всѣ расходы по препровожденію Фонъ-Визиныхъ изъ Сибири въ Россію, до мѣста назначеннаго для ихъ пребыванія, с. Марьино, Бронницкаго уѣзда, были отнесены на средства брата, какъ богатаго помѣщика, по просьбѣ котораго состоялся переводъ Фонъ-Визиныхъ въ Россію.

Михаилъ Александровичъ, по полученіи увѣдомленія о Высочайшей милости и свѣдѣній о болѣзни брата торопился выѣздомъ въ Россію, а потому 15 апрѣля 1853 года, не смотря на распутицу, отправленъ былъ изъ Тобольска, подъ присмотромъ одного жандарма, въ распоряженіе Московскаго губернатора.

4 Мая 1853 г. выѣхала изъ Сибири въ Россію, Наталья Дмитріевна тоже въ сопровожденіи одного жандарма.

Покинувъ Сибирь Михаилъ Александровичъ и Наталья Дмитріевна Фонъ-Визины, всегда отзывавшіеся, съ истиннымъ христіанскимъ чувствомъ, на всякое доброе дѣло и на помощь ближнимъ, оставили по себѣ самую добрую память и нынѣ еще не угасшую.

За 17-ти лѣтнее свое пребываніе на поселеніи въ Тобольскѣ Михаилъ Александровичъ всегда аттестовался Тобольскою администраціею, какъ лицо отличающееся хорошимъ поведеніемъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Краснокутскій.—Поселеніе въ Тобольскѣ.—Болѣзнь.—Смерть.

Семенъ Григорьевичъ Краснокутскій, оберъ Прокуроръ Сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ, принадлежалъ къ Южному обществу, сужденъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ и признанный

виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, съ знаніемъ цѣли въ ограниченіи самодержавной власти посредствомъ Сената и въ знаніи о приготовленіяхъ къ мятежу 14 декабря 1825 г., приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда отнесенъ былъ къ восьму разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ по лишенію чиновъ и дворянства, къ ссылкѣ на поселеніе. Указомъ объявленнымъ правительствующему Сенату 22 августа 1826 года оставленъ на поселеніи на 20 лѣтъ.

Первоначально Семенъ Григорьевичъ сосланъ былъ въ Якутскъ, гдѣ оставался не долго, такъ какъ по просьбѣ родственниковъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, переведенъ былъ на поселеніе въ Минусинскъ. Пробывъ въ Минусинскѣ нѣсколько лѣтъ онъ заболѣлъ и послѣ нервнаго удара совершенно потерялъ способность свободнаго движенія; для излеченія онъ переведенъ былъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ на жительство въ Красноярскъ, гдѣ тщетно употреблялись имъ всевозможныя медицинскія средства для возстановленія своихъ силъ.

Совершенно разслабленный онъ переведенъ былъ въ 1839 году въ Тобольскъ.

Жизнь Семена Григорьевича на поселеніи была совершенно обезпечена тѣми денежными средствами какія онъ получалъ отъ родственниковъ своихъ изъ Россіи. Переводъ въ Тобольскъ, гдѣ онъ ожидалъ найти лучшихъ медиковъ для возстановленія своего здоровья, не принесъ никакой пользы; будучи совершенно разслабленнымъ онъ не покидалъ постели и умеръ въ 1841 году.

Похороненъ Семенъ Григорьевичъ въ Тобольскѣ на Городскомъ Завальномъ кладбищѣ.

ГЛАВА XXXIX.

Батенковъ.—Ссылка въ Томскъ.—Пособія отъ казны.—Прежнее, до ссылки, прохожденіе службы Батенковымъ.—Участіе при открытіи въ Томскѣ масонской ложи.—Сотрудничество М. М. Сперанскому.—Участіе при учрежденіи въ Иркутскѣ ланкастерскихъ школъ.—Представленіе М. М. Сперанскаго труда Батенкова о приложеніи метода взаимнаго обученія къ началамъ геометріи въ комитетъ Высочайше утвержденнаго общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія.—Изданіе труда Батенкова въ Иркутскѣ.—Изолированное положеніе Батенкова по возвращеніи въ Сибирь послѣ 20-лѣтняго заточенія въ крѣпости.—Помощь оказанная Батенкову И. А. Асташевымъ.—Семейство Лучшевыхъ.—Занятія.—Аттестація въ поведеніи.—Отъѣздъ въ Россію.

Гавріилъ Степановичъ Батенковъ, подполковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, принадлежалъ къ Сѣверному обществу, суж-

денъ былъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ и признанный виновнымъ въ томъ что зналъ объ умыслѣ на цареубійство, соглашался на умыслъ бунта и приготовлялъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами, приговоромъ суда отнесенъ былъ къ третьему разряду государственныхъ преступниковъ, съ осужденіемъ къ ссылкѣ на вѣчныя каторжныя работы; указомъ, объявленнымъ Верховному Уголовному суду 10 іюля 1826 г., по лишенію чиновъ и дворянства опредѣленъ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе, а указомъ, объявленнымъ правительствующему Сенату 22 августа 1826 г., по поводу смягченія наказанія государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ въ каторжную работу и къ ссылкѣ на поселеніе, оставленъ въ каторжной работѣ на 15 лѣтъ.

По особому Высочайшему повелѣнію Батенковъ не былъ посланъ въ каторжныя работы, а вмѣсто 15-тилѣтней ксторги выдержанъ былъ 20 лѣтъ въ одиночномъ заключеніи въ крѣпостяхъ, сначала въ фортѣ Свартгольмѣ, находившемся на Аландскихъ островахъ, а затѣмъ въ Петропавловской крѣпости.

12 февраля 1846 года графъ Орловъ увѣдомилъ генерала-губернатора Западной Симири князя П. Д. Горчакова что „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ содержащагося въ С,-Петербургской крѣпости государственнаго преступника отправить въ Томскъ, съ учрежденіемъ тамъ строгаго за нимъ наблюденія установленнаго для лицъ этой категоріи, кромѣ того Его Императорскимъ Величествомъ Высочайше повелѣно отпустить 500 р. сер. въ распоряженіе Томскаго губернатора на первоначальное обзаведеніе Батенкова въ новомъ мѣстѣ его мѣстопребыванія“. Одновременно съ увѣдомленіемъ о послѣдовавшей Высочайшей волѣ графъ Орловъ просилъ кн. Горчакова сдѣлать рачпоряжеоіе объ отпускѣ Батенкову въ пособіе ежегодно по 114 р. 28$^4/_7$ коп. на основаніи Высочайше утвержденнаго журнала комитета Министровъ 6 февраля 1845 года.

6 марта 1846 года Батенковъ доставленъ былъ въ Томскъ, совершивъ путь отъ С.-Петербурга до мѣста водворенія подъ надзоромъ командированнаго унтеръ-офицера С.-Петербургскаго жандармскаго дивизіона.

Гаврилъ Степановичъ по происхожденію былъ сибирякъ, родившійся въ Томскѣ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Тобольскомъ военно-сиротскомъ отдѣленіі, оттуда былъ опредѣленъ во 2-й С.-Петербургскій Кадетскій корпусъ, 21 мая 1812 года былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 13 артиллерійскую бригаду служа въ которой во время великой отечественной войны участвовалъ въ многихъ

военныхъ дѣлахъ, оказавъ особое отличіе въ сраженіи при Ларотьерѣ, 20 января 1814 года, за что награжденъ былъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ.

30 января 1814 г., участвуя въ сраженіи при Монмиралѣ былъ окруженъ непріятелемъ и получилъ десять штыковыхъ ранъ.

Въ 1815 году онъ вновь участвовалъ походѣ за границу. Въ 1816 году Гавріилъ Степановичъ поступилъ въ только что учрежденное вѣдомство инженеровъ путей сообщенія и былъ назначенъ на службу въ Западную Сибирь съ званіемъ управляющаго X-мъ округомъ путей сообщенія. Прибывъ на родину въ Томскъ и состоя уже членомъ масонскаго общества въ Петербургской ложѣ „Избраннаго Михаила“ онъ вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ фонъ-Трейблютомъ былъ основателемъ въ 1818 г. въ Томскѣ, масонской ложи „Восточнаго свѣтила“.

По прибытіи въ 1819 году въ Сибирь Сперанскаго, Гавріилъ Степановичъ сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ. Одною изъ первыхъ заботъ новаго генералъ-губернатора было устройство учебной части въ забытомъ краѣ и потому, едва спустя мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Иркутскъ, онъ уже стремился къ открытію и устройству ланкастерской школы въ Иркутскѣ: „къ счастію со мною была книжка о сей методѣ и все вскипѣло“—писалъ Сперанскій 23 сентября 1819 года.

Гавріилъ Степановичъ ревностно помогалъ сотрудничествомъ своимъ ко введенію въ училищахъ методы взаимнаго обученія.

По Высочайшемъ утвержденіи 14 января 1819 устава С.-Петербургскаго общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія, учредитель этого общества графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой просилъ Михаила Михайловича Сперанскаго, „съ надеждою найти въ особѣ его усерднѣйшаго соревнователя“, сообщить жителямъ ввѣренныхъ ему губерній, особенно же всегда отличающемуся „патріотическимъ рвеніемъ къ всему полезному для отечества, благородному сословію дворянства уставъ общества и приглашеніе для вступленія въ члены общества“.

Прежде всего обученіе по методѣ Ланкастера, по распоряженію Сперанскаго, стало вводиться въ Иркутскомъ военно-сиротскомъ отдѣленіи, находившемся въ вѣдѣніи Иркутскаго коменданта полковника Цейдгера. При открытіи классовъ встрѣтилась надобность въ аспидныхъ доскахъ и грифеляхъ, но оказалось что въ Иркутскѣ не нашлось ни того ни другого, такъ мала была еще въ то время потребность въ Сибири въ способахъ къ развитію грамотности. Узнавъ объ

нуждахъ училища и озабочиваясь скорѣйшимъ открытіемъ классовъ по введенной методѣ, Михаилъ Михайловичъ просилъ Енисейскаго исправника Генца „прислать изъ Енисейска хотя до десяти аспидныхъ досокъ съ грифелями".

20 Ноября 1819 года Генцъ донесъ Сперанскому что Енисейскій городской голова Хорошихъ „при усерднѣйшемъ всегдашнемъ его расположеніи на пожертвованія доставилъ 6 досокъ и такое же количество грифилей, укупореныхъ съ бережливостію отъ ломки въ ящикѣ",—большаго же числа досокъ и графилей не оказалось и въ Енисейскѣ: „сколько я ни старался прилагать моихъ усилій къ отысканію досокъ и грифилей, доносилъ Генцъ, нигдѣ не могъ получить; всѣ вообще жители отзываются неимѣніемъ при себѣ таковыхъ, но оныя можно получить въ будущее лѣто изъ воды рѣки Ангары пролегающей въ Богучинскомъ коммисарствѣ, а до того нигдѣ и ни у кого отыскать будетъ не можно". Всѣхъ учениковъ въ классѣ обоюднаго обученія къ октябрю 1819 года состояло 250 человѣкъ и за неимѣніемъ въ казенныхъ и частныхъ зданіяхъ помѣщенія для классовъ, по распоряженію Михаила Михаиловича, для этихъ классовъ отведены были залы въ генералъ губернаторскомъ домѣ. Михаилъ Михаиловичъ часто обозрѣвалъ эти классы и 7 февраля 1820 года писалъ Ивану Богдановичу Цейдгеру: „При обозрѣніи классовъ взаимнаго обученія изъ воспитанниковъ военно-сиротскаго отдѣленія съ удовольствіемъ видѣлъ я отличные ихъ успѣхи. Классы взаимнаго обученія обязаны своимъ учрежденіемъ вашему дѣятельному и благоразумному попеченію, не взирая на всѣ трудности мѣстнаго положенія, классы приведены въ дѣйствіе. Отдавая полную справедливость вашей попечительности и безпрерывному личному вашему руководству, я поставлю себѣ пріятнымъ долгомъ свидѣтельствовать о семъ вездѣ, гдѣ представится къ тому случай и удобность". По представленіи Сперанскаго Цейдгеръ за дѣятельность свою награжденъ былъ 4 іюля 1820 г. Высочайшимъ подаркомъ брилліантовымъ перстнемъ въ 1000 руб. Открытые классы, обязанные своимъ устройствомъ, по засвидѣтельствованію Сперанскаго, дѣятельности коменданта г. Иркутска полковника Цейдгера, часто посѣщались Гавріиломъ Степановичемъ Батенковымъ, представившимъ Сперанскому руководства къ преподаванію геометріи. По этому поводу 31 іюля 1820 г. Сперанскій изъ Иркутска писалъ графу Ѳ. П. Толстому: „Находившійся здѣсь по дѣламъ службы корпуса путей сообщенія инженеръ-капитанъ Батенковъ по любви къ наукамъ вообще и въ особенности къ наукамъ математическимъ, часто посѣщая здѣшнее училище взаимнаго обученія

сдѣлалъ опытъ приложенія сей методы къ первымъ началамъ геометріи. Не зная, до какой степени сей опытъ можетъ быть усовершенъ и употребленъ въ дѣло, я счелъ не лишнимъ препроводить экземпляръ сдѣланнаго г. Батенковымъ приложенія на усмотрѣніе вашего сіятельства. Онъ по крайней мѣрѣ послужитъ доказательствомъ, сколь искренно и усердно мы здѣсь въ Сибири слѣдуемъ добрымъ примѣрамъ и желаемъ по возможности содѣйствовать въ трудныхъ путяхъ общаго образованія". Графъ Толстой увѣдомилъ Сперанскаго, что трудъ Батенкова переданъ былъ имъ въ комитетъ Высочайше утвержденнаго общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія, который „по разсмотрѣнію представленнаго труда призналъ его весьма полезнымъ для учащихся, прося изъявить г. Батенкову признательность", и что „по сличеніи труда Батенкова съ переводимымъ нынѣ сочиненіемъ почетнаго члена Общества г. Франкера Principes du Dessin lineaire, если будетъ найдено за нужное, комитетъ полагаетъ напечатать этотъ трудъ для введенія въ училище взаимнаго обученія". Не дожидаясь окончательнаго одобренія комитета общества трудъ Батенкова напечатанъ былъ въ Иркутской типографіи и примѣненъ былъ къ дѣлу взаимнаго обученія въ Ланкастерскихъ школахъ Сибири.

Помимо прямыхъ своихъ обязанностей по устройству путей сообщенія въ предѣлахъ Сибири, Гавріилъ Степановичъ, являлся сотрудникомъ Сперанскаго и по другимъ отраслямъ административнаго управленія краемъ, имъ составлены предположенія: по устройству этаповъ, о приведеніи въ извѣстность земель въ Сибири, объ устройствѣ ссыльныхъ, инородцевъ и сибирскихъ казаковъ и наконецъ о занятіи киргизской степи средней орды. При отъѣздѣ Сперанскаго въ Петербургъ, Батенковъ послѣдовалъ за нимъ и состоялъ производителемъ дѣлъ Сибирскаго комитета учрежденнаго указомъ отъ 28 іюля 1821 года гдѣ и состоялъ на службѣ по 1825 годъ.

Вернувшись на свою родину, въ качествѣ поднадзорнаго, черезъ 25 лѣтъ, Гавріилъ Степановичъ немного нашелъ въ ней близкихъ ему людей, а то состояніе одичалости и растерянности, въ которомъ онъ находился, послѣ 20-ти лѣтняго одиночнаго заключенія, давало поводъ многимъ считать его помѣшаннымъ. Матеріальныя средства его заключались единственно въ томъ пособіи какое оказывало ему правительство, въ размѣрѣ общаго для всѣхъ неимущихъ государственныхъ преступниковъ.

Нуждавшійся въ поддержкѣ какъ моральной, такъ и матеріальной по утраченной имъ способности жить въ обществѣ и умѣнію

практически приложить свое знаніе и трудъ къ дѣлу, Гавріилъ Степановичъ нашелъ необходимую для себя поддержку въ лицѣ И. А. Асташева, богатаго въ то время золотопромышленника и прежде бывшаго членомъ масонской ложи къ Томскѣ. Помѣщенный въ Томскѣ на жительство въ семью Лучшевыхъ онъ вскорѣ полюбилъ эту семью и, освоившись, пріобрѣлъ въ Томскѣ общее къ себѣ уваженіе. Живя все время въ семьѣ Лучшевыхъ до выѣзда своего изъ Сибири, Гавріилъ Степановичъ занимался хозяйствомъ и чтеніемъ книгъ, „имѣя склонность къ строительному искусству“, какъ повазывала томская администрація въ вѣдомостяхъ о лицахъ, состоявшихъ подъ ея надзоромъ.

По воспослѣдованіи Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года Батенковъ выбылъ въ Россію.

За 20-ти лѣтній періодъ жизни своей въ Томскѣ Батенковъ аттестовался Томскою администраціею, какъ лицо, отличающееся „очень хорошимъ“, „отличнымъ“ поведеніемъ.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

Графъ Мошинскій. Графъ Мошинскій, Волынскій Губернскій Маршалъ, по Высочайшей конфирмаціи послѣдовавшей 24 февраля 1829 года на мнѣніи государственнаго совѣта по дѣлу о россійскихъ подданныхъ, бывшихъ членами польскихъ тайныхъ обществъ, за принятіе участія въ дѣлахъ тайнаго общества въ качествѣ директора, лишенъ былъ графскаго и дворянскаго достоинствъ и назначенъ въ Сибирь на поселеніе на 10 лѣтъ. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ отправить Мошинскаго на поселеніе въ г. Тобольскъ, съ тѣмъ чтобы Тобольскій губернаторъ *самъ имѣлъ за нимъ присмотръ.* Управлявшій главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества графъ Чернышевъ, сдѣлавъ распоряженіе объ отправленіи Мошинскаго, содержавшагося въ С.-Петербургской крѣпости, къ Тобольскому губернатору съ нарочнымъ офицеромъ, для исполненія надъ нимъ Высочайшей воли, писалъ генералу губернатору Западной Сибири генералу Вельяминову, что въ прочихъ частяхъ надзора Мошинскій долженъ подвергаться общимъ правиламъ существующимъ для государственныхъ преступниковъ на поселеніи находящихся.

Мошинскій прибылъ въ Тобольскъ въ первыхъ числахъ января 1830 года. По прибытіи на поселеніе, вслѣдствіе просьбы графини Мошинской, жены сосланнаго преступника, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, ему предоставлены были многія льготы сравнительно съ другими политическими и государственными преступниками, значительно облегчившія условія жизни его въ Сибири.

Какъ только Мошинскій отправленъ былъ въ Сибирь, вслѣдъ за нимъ дозволено было, по Высочайшему повеленію, отправить къ нему двухъ слугъ—повара и лакея, которые согласились оставаться въ Сибири до истеченія срока назначеннаго Мошинскому ссылки на поселеніи, а также разрѣшено было выдавать ему изъ имѣній его на расходы по 3000 руб. ежегодно, но съ тѣмъ чтобы онъ представлялъ начальству самыя точныя и подробныя отчеты о своихъ издержкахъ.

Затѣмъ, съ разрѣшенія генералъ-губернатора Вельяминова дозволено было Мошинскому получить присланныя ему коляску и рояль, съ тѣмъ однако чтобы вещи эти не были, безъ дозволенія передаваемы и продаваемы; охраненіе этихъ вещей, какъ предметовъ значительной цѣнности, возложено было на Тобольскаго губернатора. Такая мѣра въ отношеніи получаемаго Мошинскимъ цѣннаго имущества потому признавалась генераломъ Вельяминовымъ необходимою, какъ доносилъ онъ графу Бенкендорфу, „что хотя до сего времени Мошинскій ведетъ себя хорошо и не подаетъ никакого подозрѣнія въ неблагопріятныхъ замыслахъ, но за всѣмъ тѣмъ необходимо его лишить всякаго средства для приведенія ихъ въ дѣйствіе, если бы, сверхъ всякаго чаянія, онъ захотѣлъ когда либо покуситься“.

Въ 1832 году, по Высочайшему повелѣнію, Мошинскому разрѣшено было получать изъ имѣній его 3500 руб. въ годъ, „съ тѣмъ чтобы 500 руб. выдавались въ жалованье нанимаему имъ повару“.

Просьба Мошинскаго о дозволеніи ему пріобрѣсти домъ въ Тобольскѣ не была удовлетворена, и такъ какъ графъ Бенкендорфъ сообщилъ генералу Вельяминову что Его Императорское Величество на представленіе его генерала Вельяминова по поводу покупки дома Мошинскимъ собственноручно изволилъ положить резолюцію: „Считаю благоразумнѣе не дозволять пріобрѣтать недвижимой собственности въ губернскихъ городахъ“.

Находясь на поселеніи Мошинскій помогалъ матеріально многимъ государственнымъ и политическимъ преступникамъ польскаго происхожденія, а также и семьямъ ихъ. Узнавъ о бѣдственномъ положеніи находящагося на поселеніи въ Ялуторовскѣ Враницкаго, Мошинскій письмомъ просилъ Графа Бенкендорфа о дозволеніи присылать изъ

его имѣній этому бѣдствующему государственному преступнику по 1000 руб. въ годъ и таковое же количество денегъ отправлять къ отцу Вранцкаго, проживающему въ Богеміи и находящемуся въ крайней бѣдности. Эта просьба доложена была графомъ Бенкендорфомъ Государю Императору и его Императорское Величество, 25 августа 1830 года, Высочайше соизволилъ написать на докладной запискѣ графа Бенкендорфа: „собственно отъ нихъ зависитъ". На основаніи этого Высочайшаго соизволенія графомъ Бенкендорфомъ сдѣлано было распоряженіе о высылкѣ изъ имѣній Мошинскаго опредѣленныхъ имъ денегъ по назначенію. Въ 1833 году управляющій Тобольскою губерніею А. Н. Муравьевъ донесъ генералу Вельяминову что Мошинскій, желая оказать вспомоществованіе соотечественникамъ своимъ, находящимся въ ссылкѣ, изъ числа польскихъ мяжниковъ, назначилъ имъ 1700 руб. а именно: *Струмиъ* — 500 руб, *Варонецкому* — 300, *Вакснону*—200, *Чернецкому* 200, *Горпинкому* — 100, *Важинскому* 200, и *Гадонскому* 200 р. Генералъ Вельяминовъ разрѣшилъ просимую выдачу, „такъ какъ выдаваемая сумма слишкомъ мала чтобы изъ нея можно было сдѣлать какое либо злоупотребленіе". Въ 1830 году, съ Высочайшаго соизволенія Мошинскимъ пожертвовано было 2000 руб. на содержаніе въ Томскѣ католической церкви.

Въ конце 1831 года, вслѣдствіе просьбы Мошинскаго послѣдовало Всемилостивѣйшее соизволеніе на дозволеніе графинѣ Мошинской пріѣхать въ Тобольскъ для свиданія съ мужемъ. По объявленіи этой Высочайшей милости Мошинскому, онъ писалъ генералу Вельяминову, прося исходатайствовать также ему и свиданіе съ его единственною малолѣтнею дочерью.

C'est avec le sentiment de la plus vive reconnaissance que j'ai reçu la communication de la resoluton de Sa Majesté l'Empereur, par laquelle il est permis à ma femme de venir me voir pour un terme limité a Tobolsk. Cet acte de misericorde et de générosité de Sa Majesté Impériale m'encourage de supplier V. E. d'intercéder pour moi et de soumettre aux pieds de Sa Majesté l' Empereur mon humble prière: qu 'Il daigne m' accorder la grâce d'etendre la gracieuse permission sur ma fille, dont il n'est faite aucune mention.

Je m'abandonne à la douce éspérance, que quelques mérités que puissent être mes malheurs, leur continuité et le triste avenir qui me reste encore, trouveront grâce dans le coeur généreux de Sa Majesté Impériale et qu' Elle ne refusera à un père malheureux la consolation de voir encore une fois son enfant unique.

Je suis pret à me soumettre à toutes les conditions: que je sois mis sous garde pendant le temps que ma femme et ma famille seront a Tobolsk, qu'il me soit permis de leur parler qu 'en prèsence de quelques fonctionnaires, je me conformerai à tout, pourvu que j'aie le bonheur de les voir, de leur parler, d'acquerir un souvenir consolateur pour le reste de ma triste carrière.

Письмо это препровождено было генераломъ Вельяминовымъ къ графу Бенкендорфу для доклада просьбы Мошинскаго Его Императорскому Величеству. 12 февраля 1832 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе о томъ чтобы съ графинею Мошинскою ѣхала въ Тобольскъ, для свиданія съ отцомъ, и малолѣтняя его дочь.

Разрѣшеннаго свиданія не состоялось, въ началѣ 1833 года графиня Мошинская увѣдомила мужа своего что она ходатайствуетъ о расторженіи брака съ нимъ чтобы вступить въ новое супружество. Получивъ такое извѣстіе отъ жены, Мошинскій просилъ разрѣшить ему, на время, выѣхать въ Виленскую губернію для сдѣланія соотвѣтствующихъ распоряженій по управленію имѣніями его, остающихся безъ должнаго наблюденія, а также о томъ чтобы дозволено было дочери его прибыть въ Тобольскъ. Это ходатайство доложено было Его Императорскому Величеству, послѣ чего повелѣно было надъ имѣніями Мошинскаго учредить опеку подъ ближайшимъ надзоромъ Кіевскаго, Подольскаго и Виленскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта графа Левашева, а относительно дочери, какъ сообщилъ графъ Бенкендорфъ генералу Вельяминову, Его Императорскому Величеству благоугодно было отозваться, „что какъ главная цѣль Мошинскаго состоитъ въ томъ чтобы удалить дочь отъ матери и обезпечить образованіе ея, то помѣстить ее въ С.-Петербургѣ въ одно изъ учебныхъ заведеній, состоящихъ, подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы".

26 Іюня 1834 года министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь Блудовъ увѣдомилъ генерала Вельяминова, что государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ находящагося въ Тобольскѣ подъ личнымъ надзоромъ губернатора государственнаго преступника Петра Мошинскаго, перевести на жительство въ г. Симбирскъ, поручивъ его строгому надзору тамошняго мѣстнаго начальства. 4 Августа 1834 г. Мошинскій отправленъ былъ въ Симбирскъ подъ надзоромъ квартальнаго падзирателя Тобольской полиціи, съ аттестаціею генерала Вельяминова, что за все время нахожденія своего въ Сибири онъ велъ себя отлично-хорошо.

Передъ отправленіемъ въ Симбирскъ Мошинскій писалъ генералу Вельяминову: penetré de la gratitude, et de la reconnaissance la plus vive, pour l'acte de clémence que Sa Majesté l'Empereur a daigné étendre sur moi, je sens un besoin de mon coeur de déposer dans les mains de Votre Excellence, l'expression des sentiments qui m'oppressent et de l'assurer que je connais tout le prix de la haute faveur qui vient de m'être accordée, et que de m'en rendre digne sera un devoir sacré pour moi.

Объ этомъ письмѣ Мошинскаго выражающемъ благодарность къ милосердію Государя Императора, съ священнымъ желаніемъ сдѣлаться достойнымъ этого милосердія, сообщено было генераломъ Вельяминовымъ министру внутреннихъ дѣлъ.

II.

Кржижановскій. Кржижановскій, подполковникъ польской арміи состоялъ членомъ польскаго тайнаго общества подъ названіемъ Патріотическаго, главная цѣль котораго заключалась въ возстановленіи независимости Польши въ ея прежнихъ предѣлахъ. Въ качествѣ повѣреннаго отъ общества онъ входилъ въ сношеніе съ южнымъ обществомъ и заключалъ условіе съ Бестужевымъ-Рюминымъ. Южное общество обѣщалось признать независимость Польши, возвратить ей завоеванныя области, еще не совсѣмъ слившіяся съ Россіею (qui ne sont pas encore russifiées), между прочими, область Бѣлостокскую, губернію Гродненскую, часть Виленской, Минской и Подольской, съ наблюденіемъ однакоже нужныхъ для обороны выгодъ при постановленіи новыхъ границъ; обѣщало покровительствовать въ Россіи полякамъ и стараться искоренить взаимную нелюбовь націи. Общество Польское обязывалось употребить средства дѣйствительнѣйшія, *какого бы ни были они рода*, что бы препятствовать Государю Цесаревичу пріѣхать въ Россію, когда начнется революція, и съ своей стороны, приступивъ въ то же время къ возмущенію, идти на Литовскій корпусъ, если онъ не пристанетъ къ нимъ, обезоружить его и учредить въ Польшѣ республиканскій образъ правленія.

Сужденный за участіе въ дѣлахъ тайнаго общества, Кржижановскій, по исключеніи изъ списковъ польской арміи, согласно послѣдовавшей конфирмаціи, содержался въ С.-Петербургской крѣпости. 6 Февраля 1830 г. управляющій главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества графъ Чернышевъ увѣдомилъ генерала губернатора

Западной Сибири И. А. Вельяминова, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ бывшаго подполковника Кржижановскаго изъ С.-Петербургской крѣпости отправить на жительство въ городъ Березовъ, съ тѣмъ что бы онъ тамъ состоялъ подъ строжайшимъ надзоромъ.

26 Февраля 1830 г. Кржижановскій былъ доставленъ въ Тобольскъ фельдегеромъ Тонковымъ и 2 марта отправленъ въ Березовъ подъ надзоромъ квартальнаго надзирателя Князькова и одного жандарма.

Въ Березовѣ Кржижановскій оставался до начала 1832 года, въ этомъ году, по болѣзненному его состоянію, съ Высочайшаго разрѣшенія, онъ переведенъ былъ генераломъ Вельяминовымъ на жительство въ Ишимъ.

ВЛАДИМИРСКАЯ
Областная Библиотека
2007

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Глава I. (Общее вступленіе)	3
Глава II. Шахиревъ	34
Глава III. Враницкій	37
Глава IV. Фохтъ	41
Глава V. Семеновъ	46
Глава VI. Башмаковъ	51
Глава VII. Фурманъ	56
Глава VIII. Ентальцевъ	60
Глава IX. Баронъ Черкасовъ	75
Глава X. Тизенгаузенъ	78
Глава XI. Лихаревъ	82
Глава XII. Фонъ-деръ-Бригенъ	88
Глава XIII. Мозгалевскій	93
Глава XIV. Выгодовскій	94
Глава XV. Муравьевъ-Апостолъ	96
Глава XVI. Князь Друцкой-Горскій	105
Глава XVII. Баронъ Розенъ	118
Глава XVIII. Нарышкинъ	124
Глава XIX. Лореръ	130
Глава XX. Назимовъ	131
Глава XXI. Князь Одоевскій	133
Глава XXII. Якушкинъ	137
Глава XXIII. Ивашевъ	140
Глава XXIV. Басаргинъ	144
Глава XXV. Баронъ Штейнгель	147
Глава XXVI. Свистуновъ	155
Глава XXVII. Анненковъ	157
Глава XXVIII. Князь Щепинъ-Ростовскій	159
Глава XXIX. Повало-Швейковскій	161
Глава XXX. Князь Барятинскій	164
Глава XXXI. Пущинъ	168
Глава XXXII. Бобрищевы-Пушкины	170
Глава XXXIII. Князь Оболенскій	174

Глава XXXIV. Кюхельбекеръ..... 179
Глава XXXV. Муравьевъ..... 184
Глава XXXVI. Вольфъ..... 190
Глава XXXVII. Фонъ-Визинъ..... 193
Глава XXXVIII. Краснокутскій..... 197
Глава XXXIX. Батенковъ..... 198
Дополненія:
I. Графъ Мошинскій..... 203
II. Кржижановскій..... 207